

А. ТРЕНДЕЛЕНБУРГ

ЭЛЕМЕНТЫ ЛОГИКИ АРИСТОТЕЛЯ

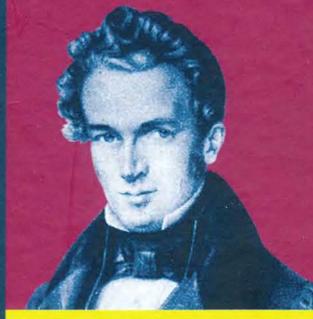
«Аристотелевская логика устарела так же мало, как геометрия Евклида или другие научные открытия созидательных греков».

А. Тренделенбург

Книга «Элементы логики Аристотеля» Адольфа Тренделенбурга на протяжении почти целого века служила основным учебником по логике и философии в прусских гимназиях, в качестве учебного пособия использовалась во многих университетах Европы. Переведенная в 1930-х г. Борисом Фохтом и чудом сохранившаяся в архивах, эта книга теперь доступна на русском языке.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАНОН-ПЛЮС

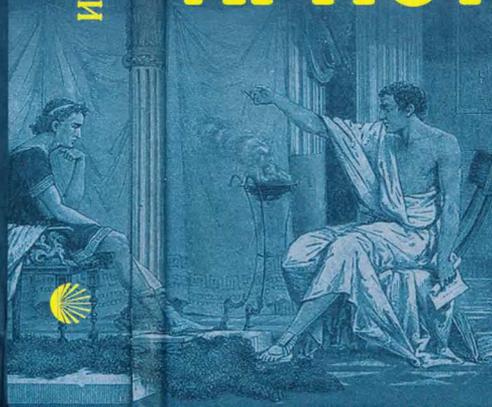
А. ТРЕНДЕЛЕНБУРГ

Адольф
Тренделенбург

ЭЛЕМЕНТЫ ЛОГИКИ АРИСТОТЕЛЯ

ЭЛЕМЕНТЫ ЛОГИКИ
АРИСТОТЕЛЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАНОН-ПЛЮС

Адольф Тренделенбург

Адольф Тренделенбург

ЭЛЕМЕНТЫ ЛОГИКИ
Аристотеля

Греческий текст
Русский перевод

Москва
КАНОН+
2017

ББК 87.3
Т 66

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ В ПАМЯТНИКАХ
Серия основана в 1993 г.

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (грант № МД-4045.2011.6)

Перевод текста с древнегреческого, латинского и немецкого *Б.А. Фохта*

Публикация и вступительная статья *М.Р. Демина*

Комментарии *М.Р. Демина, Б.А. Фохта, А.Г. Вашестова*

Общая редакция *Н.А. Дмитриевой*

Т 66 **Тренделенбург А.**
Элементы логики Аристотеля / пер. Б.А. Фохта, А.Г. Вашестова; публик. и вступ. ст. М.Р. Демина; под общ. ред. Н.А. Дмитриевой. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. – 336 с.

ISBN 978-5-88373-043-5

Книга Адольфа Тренделенбурга, видного представителя постгегелевского периода университетской философии Германии XIX в., представляет собой комментированное собрание фрагментов логических сочинений Аристотеля. Заданный Тренделенбургом новый стандарт интерпретации логики древнегреческого мыслителя позволил использовать книгу в качестве учебника по философии в прусских гимназиях на протяжении многих десятилетий. Примеры из классических текстов по истории науки и внимание к философской терминологии делают ее актуальной и для современного читателя, углубленно изучающего логику, античную философию, классическую филологию или интересующегося историей образования.

В основу издания положен перевод русского философа Б.А. Фохта, осуществленный в 1930-х г. Вступительная статья проясняет идейный и социальный контекст преподавания философии в немецкой школе XIX в. и обстоятельства перевода этой книги на русский язык.

Охраняется законодательством об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается, в том числе и в Интернете, без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения законодательства будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 978-5-88373-043-5

- © Морозова Н.М., наследник, 2016
- © Вашестов А.Г., перевод предисловий, примечания, 2016
- © Демин М.Р., статья, примечания, 2016
- © Издательство «Канон+»
РООИ «Реабилитация», оригинал-макет, оформление, 2016

Содержание

«Элементы логики Аристотеля»: между школьной дисциплиной и университетской наукой.	
Вступительная статья (М. Демин)	7
1. Гуманистические реформы: филология vs философия	10
2. Философы в борьбе за школьные программы	21
3. Возвращение философии в школы: логика или психология?	31
4. Назад к Аристотелю: филология на службе философии	46
5. Формальная логика, диалектический метод и логическое наследие Аристотеля	61
6. Элементы логики Аристотеля: русский контекст	76
От публикатора и редактора (М. Демин, Н. Дмитриева)	88
А. Тренделенбург. Пояснения	
к «Элементам логики Аристотеля»	90
Предисловие к первому изданию	90
Предисловие ко второму изданию	106
<ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ. Учение Аристотеля о понятии, суждении и умозаключении (дедуктивном силлогизме)>	110
§ 1–2 <Суждение>	110
§ 3 <Категории>	115
<§ 4–7. Виды суждений>	121
§ 4–5	121
§ 6	126
§ 7	133
§ 8 <Объем предиката в отношении к субъекту>	135
§ 9 <Принцип тождества>	138
§ 10–13 <Оппозиции>	142
§ 14 <Обращение>	150
§ 15–20 <Исследование и знание. Индуктивный вывод и силлогизм>	155
<§ 21–33. Силлогизм. Его сущность. Фигуры умозаключения. Вывод по заключению и по посылкам. Виды силлогизма по их направлению и виду>	176

§ 21	176
§ 22–24	177
§ 25	184
§ 26	192
§ 27	195
§ 28	197
§ 29	200
§ 30	205
§ 31	207
§ 32	210
§ 33	217
<ОТДЕЛ ВТОРОЙ. Индукция>	225
§ 34–36 <Индукция>	225
§ 37–39 <Энтимема и пример (аналогия)>	233
§ 40–42 <Опровержение. Ошибка в заключении>	249
§ 43–44 <Значение утвердительного и отрицательного доказательства. Косвенное доказательство>	257
§ 45–48 <Принципы. Всеобщее и необходимое>	263
§ 49–53 <В себе самом достоверный принцип>	272
§ 54–57 <Определение понятия как принцип доказа- тельства. Виды и элементы определения понятия>	279
§ 58 <Деление>	287
§ 59–64 <Методы определения понятия. Определение понятия и силлогизм>	292
§ 59	292
§ 60–61	301
§ 62–63	304
§ 64	309
§ 65–66 <Невыводимое определение понятия. Гипотеза>	312
§ 67–68 <Основание всякой науки. Переход к метафизике>	315
§ 69 <Развитие и завершение познания>	318
Указатель имен (составитель М. Демин)	328
Принятые сокращения цитируемых источников	334

«Элементы логики Аристотеля»: между школьной дисциплиной и университетской наукой

Вступительная статья

Логика часто понимается как самая точная из философских наук. Несмотря на множество ее новых интерпретаций, базовые законы мышления, выявленные еще в эпоху античности, со временем только подтверждают свое универсальное значение. В результате укорененное в традиции, рутинизированное изложение основ логического знания, связанных с именем Аристотеля, представляется настолько само собой разумеющимся, что редко проблематизируется, хотя именно эти основания оказывают решающее влияние на формирование стандартов и фундаментальных конвенций этой научной дисциплины. Поэтому признание незыблемости сформулированных Аристотелем фундаментальных положений логического знания не должно защищать логику как академическую дисциплину от переосмысления степени ее релевантности философскому и научному знанию.

Исследование значения аристотелевской логики независимо от того, назовем ли мы ее традиционной или формальной или свяжем аристотелевский проект с современным интересом к метатеории логического знания, предполагает внимание к стратегиям изложения самого логического наследия Аристотеля. Изучение механизмов передачи базовых логических знаний заставляет выйти за рамки истории теоретических преемственностей или дискуссий и обратить

внимание на способы трансляции и производства этих знаний. Такая постановка проблемы, требующая расширения круга источников за счет материалов, связанных с историей среднего и высшего образования, позволяет увидеть историю логики и философии в широких социальных и идеологических контекстах.

Представленный в настоящем издании текст сложно отнести к философским памятникам в традиционном понимании. «Элементы логики Аристотеля» (*Elementa logices Aristoteleae*) представляют собой компиляцию фрагментов логических сочинений Аристотеля, подготовленную и прокомментированную немецким философом Фридрихом Адольфом Тренделенбургом (1802–1872)¹. «Элементы...» предлагали учащимся знакомиться с основами логической концепции античного мыслителя на языке оригинала. Помимо оригинальных фрагментов сочинений Аристотеля Тренделенбург представил также собственный перевод их на латинский язык и на этом же языке сделал к ним небольшие комментарии филологического характера. Впервые опубликованное осенью 1836 г., это введение в аристотелевскую логику выдержало девять изданий (1842, 1845, 1852, 1865, 1868, 1874, 1878, 1892), став в XIX столетии самым популярным учебником по философии в прусских гимназиях. В течение шестидесяти лет – времени, на протяжении которого он переиздавался, – текст учебника не претерпел существенных изменений. Однако уже в 1842 г. ко второму изданию «Элементов...» отдельной книгой под названием «Пояснения к “Элементом логики Аристоте-

¹ Несмотря на традицию указывать полное имя автора, уже при жизни философа имя «Фридрих» опускалось, например: *Geschichte der Katergorienlehre: zwei Abhandlungen von Adolf Trendelenburg*. Berlin, 1846. Для настоящей публикации был выбран сокращенный вариант написания имени автора.

ля»² вышло немецкоязычное дополнение. Эта работа, переизданная в XIX веке еще два раза (1861, 1876), играла только вспомогательную роль и предназначалась, скорее, не школьникам, а учителям в качестве методического руководства. Помимо переведенных на немецкий фрагментов аристотелевских сочинений, «Пояснения...» были снабжены комментариями преимущественно философского характера. Именно это издание было взято за основу для настоящего перевода и дополнено фрагментами текстов Аристотеля на языке оригинала.

Популярность школьного пособия по философии, написанного не на родном для учащихся языке, а на древнегреческом и латыни, без дополнительных комментариев может показаться современному читателю странной. Такая продолжительная востребованность этого текста не может не удивлять, ставя под вопрос адекватность нашего представления о процессах, проходивших в немецкой философии XIX столетия. Речь здесь идет не только о распространенном представлении, что немецкая философия середины – второй половины XIX века характеризуется радикальным сломом классической традиции и торжеством неклассических философских проектов, но и о понимании всей динамики трансформации научных и философских стандартов, вплетенных в общий социальный контекст.

Исследование истории знания в социальном контексте не предполагает простых объяснительных моделей. Публикация на русском языке «Элементов логики Аристотеля» представляется подходящим поводом, отвечая на частный вопрос о том, как практики массового преподавания аристотелевской логики оказались связанными с развити-

² *Trendelenburg A. Erläuterungen zu den Elementen der aristotelischen Logik. Zunächst für den Unterricht in Gymnasien. Berlin, 1842.*

ем логических и философских программ немецкой науки XIX века, затронуть общую тему сложной взаимосвязи образовательной политики, философских инноваций и репрезентационных стратегий научного знания. Для понимания причин востребованности «Элементов...» необходимо рассмотреть включенность предметов философского цикла в образовательные проекты немецкоязычных государств, методологические и практические новации в преподавании, а также теоретический смысл, стоящий за изложением аристотелевской логики. Осмысление значения этого гимназического учебника для формирования специфических профессиональных навыков позволит лучше понять мотивацию, осветить идейный и социальный фон перевода «Элементов...» на русский язык, выполненного философом-неокантианцем Б.А. Фохтом в Москве в 1937 году.

1. Гуманистические реформы: филология vs философия

Эпоха романтизма в Германии нашла свое выражение не только в теоретическом и эстетическом обновлении знания, но и в активном институциональном строительстве³. Философы оказались среди тех интеллектуалов, кто смог наполнить такие понятия, как «образование», «нация» и «государство», новым содержанием и использовать теоретический арсенал для обоснования новых образовательных институтов. Следование по пути, намеченному Кантом, привело к тому, что центром нового университета был объявлен философский факультет. Это позволило реализовать принцип единства обучения и исследования и вывести

³ Об этом подробнее см.: *Ziolkowski T. German Romanticism and its Institutions. Princeton, 1990.*

немецкую науку в мировые лидеры. Столица Пруссии Берлин стала местом сосредоточения образовательных инноваций, которые в дальнейшем распространились на большинство немецкоязычных территорий. Рост престижа философии, подкрепленный ресурсами нового университета, способствовал интенсификации философских исследований на протяжении всего XIX века, а сама философия стала восприниматься в качестве важного элемента национальной культуры⁴.

Масштабные реформы всей системы образования Пруссии, организованные неогуманистами в начале XIX века, привели к существенному обновлению как содержания учебной программы, так и самих принципов ее формирования. Это не могло не найти отражения и в организации школьного образования.

Появление философии в школе связано со средневековой традицией преподавания «свободных искусств» – грамматики, риторики и диалектики. Изучение этих предметов, образующих так называемый тривиум, составляло начальную ступень образования. Реформация укрепила положение философии в программе элитарных школ обеих конфессий. Иезуитские коллегии и реформаторские «учёные школы» (*Gelehrtschulen*) ставили целью научить воспитанников азам риторического мастерства и умению логично выстраи-

⁴ Романтическая убежденность в том, что философия является важной составляющей национального проекта, имела на протяжении XIX века разные проявления: от радикальных, милитаристски окрашенных (см., например: *Rosenkranz K. Hegel als deutscher Nationalphilosoph. Leipzig, 1870*) до весьма коммерциализированных форм, как, например, проект доступных изданий философской классики, ориентированных на широкого читателя (см.: *Schneider U. Die "Philosophische Bibliothek" im 19. Jahrhundert // Regionalität und Philosophie / Hrsg. von K. Bal, V. Caysa, P. Stekeler-Weithofer. Wrocław, 1999. S. 143–154.*

вать аргументацию⁵. Составленные Филиппом Меланхтоном программы реформаторских школ, как и иезуитское *Ratio Studiorum*, предлагали обучение философскому понятийному аппарату, апеллируя к наследию Аристотеля⁶. Вопреки, казалось бы, очевидному предположению, что вдохновленные романтической философией реформаторы делают предметы философского цикла одним из смысловых центров школьной программы, философия была полностью изъята из новых стандартов прусских гимназий. Этаблирование философии в университете сопровождалось одновременным исключением ее из числа предметов, которые к первой трети XIX века преподавались в средних учебных заведениях⁷.

⁵ Современный перевод с латинского на немецкий учебника риторики Меланхтона с обширным комментарием см.: *Melanchthon P. Elementa Rhetorices. Grundbegriffe der Rhetorik / Hrsg., übersetzt und kommentiert von V. Wels. Berlin, 2001.* Анализ иезуитской модели преподавания философии в учебных заведениях разного уровня см.: *Шмонин Д.В. Regulae professoribus, или Как иезуиты учили философии // Вестник РХГА. 2009. Т. 10, вып. 4. С. 84–99.*

⁶ О конкуренции между католическим и протестантским прочтениями Аристотеля в начале XIX века см.: *Schwickerath R. Jesuit Education. Its History and Principles, Viewed in the Light of Modern Educational Problems. St. Louis, 1903. S. 137; Mahoney K.A., Winterer C. The Problem of the Past in the Modern University: Catholics and Classicists, 1860–1900 // History of Education Quarterly. 2002. Vol. 42, no. 4 (Winter). P. 517–543.*

⁷ История преподавания философии в немецких школах остается малоизученной, несмотря на то что дискуссии о целесообразности и методах массового преподавания философии занимали существенное место в творчестве многих известных мыслителей XIX в., а в XX в. философская пропедевтика превращается в отдельную область философского знания. Даже масштабные исследовательские проекты по истории образования не уделяют специального внимания истории преподавания пропедевтического курса философии. Особняком стоит

Реорганизация всей системы школьного управления начала XIX в. изменила порядок формирования школьных программ, подготовки учебных материалов и пособий⁸. Один из центральных принципов образовательной реформы предполагал четкое размежевание школьного и университетского образования. Там, где школе предписывалось только обучать, университетам вменялось в обязанность не только обучать, но и изучать. Сам же университет должен был подготавливать к профессии, которой ранее уделялось не так много внимания, а именно наряду с теологами, юристами и медиками университет должен был теперь готовить и школьных учителей. Одним из главных элементов подготовки будущих «воспитателей нации» было обучение классическому наследию⁹.

диссертационное исследование Эдуарда фон Пергера, выполненное в конце 1950-х гг. Его монография «История уроков философии и экзаменов по философии для преподавателей в девятнадцатом и начале двадцатого века в Баварии и Пруссии» является незаменимым источником для ориентации в материалах по истории преподавания этого предмета. См.: *Perger E. v. Geschichte des Philosophieunterrichts und der philosophischen Lehramtsprüfungen im neunzehnten und beginnenden zwanzigsten Jahrhundert in Bayern und Preußen: Dissertation.* München, 1959.

⁸ Анализ образовательной политики и организационного устройства образовательных и научных учреждений XIX в. см. в обстоятельных коллективных исследованиях: *Bildung, Staat, Gesellschaft im 19. Jahrhundert: Mobilisierung und Disziplinierung* / Hrsg. von K.-E. Jeismann. Stuttgart, 1989; *Handbuch der deutschen Bildungsgeschichte* / Hrsg. von K.-E. Jeismann Bd. 3: 1800–1870: Von der Neuordnung Deutschlands bis zur Gründung des Deutschen Reiches. München, 1987.

⁹ *La Vopa A. Specialists against Specialization: Hellenism as Professional Ideology in German Classical Studies // German Professions 1800–1950* / Ed. by G. Cocks, K. Jarasch. Oxford, 1990. P. 27–45.

Идеологема, согласно которой Германия представлялась правопреемницей культурного капитала Древней Греции, лежала в основе культурой политики прусского двора¹⁰. Увлечение античностью проявилось, в частности, во включении в школьную программу обширного курса древнегреческого языка. Увеличение часов на усвоение древних языков было не просто элементом культурной политики, но и подкреплялось использованием новых образовательных технологий, выработанных внутри филологической науки¹¹. Новая стратегия предполагала обучение целому ряду профессиональных умений, среди которых умение на основании разночтений реконструировать историю предложенного текста, выявлять и атрибутировать разные списки литературного памятника. Проводниками научной революции стали ученые из ведущих университетских центров Германии конца XVIII столетия. Христиан Гейне (Heune) в Гёттингене, Готфрид Герман в Лейпциге, Фридрих Август Вольф в Галле (до приглашения в 1807 г. в Берлин) организовали и возглавили при своих университетах особое подразделение – филологический семинар. Структура оказалась настолько востребованной, что очень быстро получила в свое распоряжение значительные средства и влияние на

¹⁰ O'Boyle L. Klassische Bildung und soziale Struktur in Deutschland zwischen 1800 und 1848 // Historische Zeitschrift. 1968. Bd. 207, H. 3. S. 584–608.

¹¹ Смена исследовательской парадигмы филологического знания, заключающаяся в переосмыслении соотношения историко-филологической интерпретации, критики и герменевтики, а также стоящие за ней новые исследовательские практики стали предметом исследования Энтони Графтона (*Графтон Э. От полигистора к филологу: как преобразилась немецкая наука об античности в 1780–1850-е годы: пер. с англ. С. Силаковой // Новое литературное обозрение. 2006. № 6 (82). С. 59–92.*

университетское управление. Обновленная процедура обучения классической филологии заключалась в комбинировании традиционных лекций и инновативной формы – семинарских занятий. Технология проведения семинаров была заимствована антиковедами у богословов, однако применение ее к литературным текстам свидетельствовало о существенном сдвиге в понимании предмета занятий, а новые формы сделали ее передовой дисциплиной. На семинарах восемь-десять студентов собирались вместе один-два раза в неделю, чтобы научиться разбирать тексты так, как это следовало делать затем в школьном классе. Устав Лейпцигского семинара, например, гласил, что участник семинара должен разъяснять аудитории каждый отрывок (чем в основном и занимались на семинарских занятиях), делая упор на «грамматические», а не на «эстетические» интерпретации: «прилежно останавливать внимание на каждом слове по отдельности, на их написании, этимологии, значениях, их употреблении разными авторами в разные эпохи»; «не пропускать ни одного слова или грамматической формы, ни одного тропа, фигуры речи или периода и вообще ничего, что важно для установления подлинного текста, его разбора или иллюстрирования примерами»¹².

Эти изменения привели к тому, что лекции строились как всё более систематические введения в самостоятельную научную работу, как приглашения к исследовательской деятельности. Данные практики не только получили широкое распространение, но и стали ориентиром для образовательных реформ всей прусской системы образования. Проте-

¹² Цит. по: *Графтон Э.* От полигистора к филологу... С. 63. Автор устава – Иммануил Беккер, учитель Тренделенбурга. Подробнее об отношениях Беккера и Тренделенбурга см.: *Bratuscheck E.C.L.* Adolf Trendelenburg. Berlin, 1873. S. 42.

стантская Пруссия, претендующая на культурное объединение под своей эгидой северных и центральных земель, выступала в качестве лидера реформ образования среди немецкоязычных государств. Продвижение войск Наполеона, приведшее к закрытию в 1806 г. университета в Галле, вынудило многих университетских профессоров уехать в Берлин – столицу Пруссии. Таким образом, именно в этом городе, никогда прежде не имевшем своего университета, собрались многие последовательные сторонники теоретического и институционального обновления науки. Руководить реформами был призван Вильгельм фон Гумбольдт. Гумбольдт, учившийся у Гейне в Гёттингене, а затем слушавший Вольфа в Галле, имел широкий круг общения и лично знал многих крупных ученых, философов и теологов. Возглавлять специально созданный орган по управлению реформами образовательной системы всех уровней – Королевскую научную депутацию (*Königlichen wissenschaftlichen Deputation*) – был назначен Фридрих Август Вольф, второе по значимости место в ней занял известный теолог Фридрих Шлейермахер¹³.

Изучение культурных образцов античности, инструментализованное посредством литературных и языковых заня-

¹³ Шлейермахер, известный прежде всего как родоначальник философской герменевтики, являлся одной из центральных фигур университетской реформы Пруссии. О его реформаторской деятельности см.: *Lohmann I. Über den Beginn der Etablierung allgemeiner Bildung. Friedrich Schleiermacher als Direktor der Berliner wissenschaftlichen Deputation // Zeitschrift für Pädagogik. 1984. Bd. 30, H. 6. S. 749–773; ders. Lehrplan und Allgemeinbildung in Preußen. Eine Fallstudie zur Lehrplantheorie F.E.D. Schleiermachers. Frankfurt a. M.; Bern; New York, 1984 (URL: http://www.pedocs.de/volltexte/2014/9332/pdf/Lohmann_2014_Lehrplan_Preussen.pdf). См. также: *Nowak K. Schleiermacher: Leben, Werk und Wirkung. Göttingen, 2001. S. 187–371.**

тий по усвоению латыни и греческого, должно было выработать у учащихся навыки социокультурного ориентирования. Такая технология обучения оказалась чрезвычайно эффективной, ощутимо влияя на качество преподавательского состава. Новые исследовательские практики филологии легко могли быть адаптированы к преподаванию в школе, а также были способны обеспечить качественное преподавание на необходимом для средней школы уровне.

Одной из важных новаций было введение предметного принципа построения курсов. Новый принцип позволял укрупнить школьные дисциплины, тем самым ставя вопрос о том, какие курсы предыдущего куррикулума должны были быть поглощены приоритетными предметами. Занятия по философии попали в число сокращенных. Насколько масштабны были эти реформы, можно видеть по планам конкретных школ Пруссии. Так, например, учебный план Фридрихсвердерской гимназии в Берлине (*das Friedrichswerdersche Gymnasium*) от 1788 г. предписывал занятия по истории философии и энциклопедии (предмету, знакомящему с основами наук), а учебный план того же года Зальдрийской школы Бранденбурга предусматривал обучение курсам логики, философской морали и метафизики¹⁴. Однако ни один из этих предметов философского цикла не попал в центральный реформаторский документ – в учебный план Королевской научной делегации от 1811 г.

Проанализируем теоретические и институциональные аргументы реформаторов-неогуманистов, утверждавших непригодность философии для преподавания в школе. По мнению реформаторов, место философии должен был занять греческий язык. В переписке с Ф.А. Вольфом Вильгельм Гумбольдт так описывает его значение, сравнивая

¹⁴ *Lohmann I. Lehrplan und Allgemeinbildung... S. 88, 100.*

с немецким: «Греческий язык я бы хотел назвать самым совершенным в чувственном отношении; наиболее похожим на него мне кажется немецкий, и он, возможно, не без оснований может называться наиболее человеческим. По чувственному совершенству он во многом уступает греческому, но имеет перед ним одно большое преимущество благодаря двум собственно человеческим свойствам: 1) в выражении мыслей (философия); 2) в выражении впечатления (*Empfindung*), поскольку оно не столько творение чувств и фантазии, сколько того, что мы называем сердцем»¹⁵. Обучение философии Гумбольдт связывает с освоением языка как медиума, посредством которого выражается гражданин. Таким образом, обучение философии, которое в традиции реформаторских школ заключалось в изучении логики и риторики, теперь предстает как языковая практика.

Интенсивное освоение немецкого и древних языков, положенное в основу школьного образования, должно было стать подготовкой к занятиям философией. «Так как родной язык – непосредственный орган рассудка (*Verstandes*) и общий орган фантазии, то в уроках по немецкому языку прекрасно находит место всё то, что в школе может быть сделано для свободного формального образования духа: вся подготовка к философии (если здесь со своей стороны не придут на помощь занятия по религии) и подготовка к пониманию искусств, даже к более глубокому пониманию самого языка, потому что по очевидным причинам занятия академическими языками не должны отдаляться от непосредственной цели»¹⁶.

¹⁵ *Humboldt W. Briefe an F.A. Wolf. XXXVII (Berlin, den 5.01.1796) // Humboldt W. Gesammelte Werke. Bd. 5. Berlin, 1846. S. 152.*

¹⁶ *Schleiermacher F.E.D. Entwurf Schleiermachers für den deutschen Unterricht am Gymnasium (1810) // Schleiermacher F.E.D. Pädagogische Schriften. Hrsg. von E. Weniger. Bd. 2. Frankfurt a. M., 1984. S. 145.*

В отличие от альтернативных проектов, например, концепции Цёллнера, видевшего в преподавании философии общественно-политическую необходимость¹⁷, Шлейермахер считал школьный курс философии пережитком просвещенческого рационализма и утилитаризма. Для школы, согласно Шлейермахеру, вполне достаточно занятий религией, философия же слишком сложна для школьного образования. Идеи, высказанные Шлейермахером, получили более четкое выражение в протоколе берлинской депутации от 1811 г.: «Ибо даже если каждый убежден, что философия в ее строгом и научном виде слишком велика для школы, то эта последняя должна в той мере, в какой она содержит зачаток всего духовного образования, также заботиться об этой стороне духа. И посредством чего она могла бы делать это успешнее, как ни посредством занятий по религии, ведь, с одной стороны, новая философия и христианское учение находятся в тесном взаимоотношении друг с другом, а с другой – душа в своем чувстве находит именно в этой области большую опору. Ибо если в школе не могут и не хотят удовлетворить потребность в философии, то, возможно, ее нужно хотя бы возбудить»¹⁸.

Сторонником сокращения философских предметов, последовательно выступавшим против преподавания истории философии, был и другой член депутации – Ф.А. Вольф. Свою позицию он аргументировал следующим образом: «Главные вопросы – рассмотрение взаимосвязи систем, обсуждение их истинности или ложности, их сравнения и перехода от одной к другой – без философской спекуляции не достижимы. Спекулятивные части философии требуют

¹⁷ *Zöllner J.F. Ideen über National-Erziehung, besonders in Rücksicht auf die Königl. Preußischen Staaten. Berlin, 1804. S. 52.*

¹⁸ Цит. по: *Lohmann I. Lehrplan und Allgemeinbildung... S. 153.*

напряжения и концентрации внимания, на которые школьный возраст не способен, даже если бы более важные предметы не отнимали время». Изучение же «основных философских понятий» может только заморочить школьникам голову. Утверждая, что философия слишком сложная для школьного возраста, Вольф не был против введения «некоторых практических упражнений для развития так называемой естественной логики». Однако он указывал на нехватку подготовленных к преподаванию этого предмета учителей и отсутствие качественных учебных пособий. Поэтому логика, согласно Вольфу, могла бы быть факультативным предметом и преподаваться только в том случае, «когда имеется, например, вспомогательная литература, содержащая соответствующие материалы, или искусный учитель, способный эти самые упражнения для ума преподавать надлежащим образом»¹⁹.

В начале XX в. Фридрих Паульсен писал, что «философия потеряла пригодность для преподавания в школе и стала непригодной для усвоения школьниками». Такое положение дел философ и историк образования связывает с тем, что «после кантовской революции не было ни одной системы, которую бы признавали все»²⁰. Однако анализ аргументов прусских идеологов школьных реформ показывает, что философия потеряла пригодность для преподавания в буквальном смысле слова. Довод об отсутствии конвенциональных согласий в сообществе профессиональных философов вообще не выдвигался. Согласно новой образо-

¹⁹ *Wolf F.A. Über Erziehung, Schule, Universität (Consilia Scholastica). Aus Wolf's litterarischem Nachlasse. Hrsg. von W. Körte. Quedlinburg; Leipzig, 1835. S. 106–107.*

²⁰ *Paulsen F. Philosophische Propädeutik // Encyclopädisches Handbuch der Pädagogik / Hrsg. von W. Rein. Bd. 6, 2. Aufl. Langensalza, 1907. S. 797–806, 798.*

вательной концепции философия признавалась слишком сложной для средней ступени образования. Функции школьной философии оказались поделенными между языковыми занятиями и уроками по религии. Единственным востребованным предметом философского цикла оказалась логика, но и ее следовало преподавать по новым стандартам, предлагающим большое количество самостоятельной работы вместо лекционных часов. Философия встала перед необходимостью адаптироваться к новым методическим запросам.

2. Философы в борьбе за школьные программы

Образовательные реформы были результатом действий властных элит, проводящих общий курс религиозной и культурной политики, а также интеллектуальных и управленческих инициатив и решений, предлагаемых приглашенными в качестве экспертов интеллектуалами. Пруссия, на протяжении XIX в. удерживавшая лидерство в образовательных инновациях, умело использовала образовательные реформы в качестве инструмента как внутренней, так и внешней политики для повышения своего престижа в межгосударственных отношениях.

В случае с философией преподавание могло отличаться содержательно не столько на уровне программ, сколько на уровне включенности этого предмета в систему образования того или иного немецкоязычного государства. Поиск особого пути были заняты в Баварии²¹, а политическая кон-

²¹ О наложении политико-административного деления немецких государств на организационную политику университетов см.: Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX в.

курения между Веной и Берлином прямо – на декларативном уровне – сказалась на содержании программ по философии²². Кроме того, на тематический репертуар философии влияли как специфика философской подготовки (школьной и университетской), так и организационные особенности. Интеллектуалы из небольших университетских городов, оказавшихся сосредоточием научной жизни, были рекрутированы в политические столицы, приобретающие с централизацией системы образования все большее значение. Прусское и Баварское правительства почти одновременно начали образовательные реформы. В Пруссии для управления реформами образования был призван Гумбольдт, человек тесно связанный дружескими и интеллектуальными узами с Йеной. Баварским правительством для тех же целей был приглашен успешный выпускник Йенского университета Фридрих Иммануил Нитхаммер.

В отличие от Гумбольдта, которому мир филологии был значительно ближе, чем мир философии, Нитхаммер активно участвовал в новом философском движении. С Гегелем и Шеллингом его роднили не только общность философских позиций, но и обучение в тюбингенском «Штифте», престижной евангелической школе княжества Вюртемберг. Вместе с И.Г. Фихте Нитхаммер издавал «*Philosophisches*

в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 331–349; Müller R.A. *Akademische Ausbildung zwischen Staat und Kirche. Das bayerische Lyzealwesen 1773–1849*. Bd. 1. Paderborn; München, 1986. S. 107–109.

²² *Stachel P.* Ein Kapitel der intellektuellen Entwicklung in Europa... Theorienbildungen in der Wiener Moderne und ihre Wurzeln in den österreichischen Traditionen philosophischen Denkens im 19. Jahrhundert // *Zwischen Orientierung und Krise. Zum Umgang mit Wissen in der Moderne*. Hrsg. von S. Rinofner-Kreidl. Wien, 1998. S. 109–176; *Bauer R.* *Der Idealismus und seine Gegner in Österreich*. Heidelberg, 1966.

Journal einer Gesellschaft Teutscher Gelerten» (1795–1800); перед тем как получить должность в школьном управлении он занимал должность профессора моральной философии и философии религии Вюрцбургского университета (Бавария). Решение министра Максимилиана Йозефа фон Монтегеласа (Montgelas) о привлечении Нитхаммера на высокую административную должность стоит рассматривать в более широком контексте изменений в религиозной и культурной политике, направленной на ослабление католического влияния. В качестве программного манифеста Нитхаммер представил обширное, объемом в 359 страниц, сочинение «Спор филантропизма и гуманизма в современной теории занятий по воспитанию» (1808). Это сочинение, посвященное Баварской, королеве Каролине, противопоставляло две позиции: просвещенческий утилитарный идеал (филантропизм) и идеи романтизма, или, как назвал их Нитхаммер, гуманизм. Такое противопоставление получило известность, а сам термин «гуманизм» закрепился за новым течением в образовательной политике²³.

Высокий градус теоретического и идеологического новаторства был соразмерен масштабу предполагаемых реформ. Так, перед Нитхаммером стояла задача по координации всех ступеней образовательной системы, что предполагало разработку и утверждение учебных стандартов и планов для школ, гимназий, лицеев, так называемых реальных институтов и, до известной степени, университетов. Одним из важных институциональных введений стало учреждение в 1809 г. обязательного экзамена для кандида-

²³ См. подробнее: *Schauer M. Friedrich Immanuel Niethammer und der bildungspolitische Streit des Philanthropinismus und Humanismus um 1800 // Pegasus-Onlinezeitschrift. 2005. Bd. V, Nr. 1. S. 28 (URL: http://www.pegasus-onlinezeitschrift.de/erga_1_2005_schauer.html).*

тов на должности школьных преподавателей. Данная норма внедрялась по аналогии с правилами, принятыми в Пруссии тремя годами ранее, но в ней нашли отражение и теоретические предпочтения Нитхаммера. Официальное баварское уложение содержало требование, отсутствующее в прусском прототипе. Преподавателям предписывалось знать не только свой предмет, но и демонстрировать собственную всестороннюю образованность: согласно инструкции по порядку проведения экзамена на должность школьного учителя, кандидат должен был «ориентироваться во всех знаниях, принадлежащих к кругу гуманистического (*humanistischen*) научного образования»²⁴, и первым в списке значилось знание философии.

Результатом реформаторских усилий Нитхаммера стало создание так называемого «Норматива» – регламента, подробно описывающего учебные программы всех типов средних учебных заведений Баварии. Как пишет Эдуард фон Пергер, автор диссертационного исследования по истории преподавания философии в немецких средних школах, «никогда философия не занимала столь значительное место в школьных занятиях, как в этом учебном плане»²⁵. Норматив предполагал во всех четырех классах гимназии занятия по «философскому курсу» по четыре часа в неделю. В первом классе читались «религиозное знание, знание права и обязанностей», во втором – «логические упражнения», в третьем – введение в философию, а в последнем классе – «введение в познание общего взаимодействия наук». В реальном училище (*Realinstitut*) занятия велись по

²⁴ *Instruktion zur Prüfung der zum Lehramte an den Studien-Schulen oder Studien-Instituten sich anmeldenden Kandidaten // Königlich Baierisches Regierungsblatt. LXXI. Stück. München, den 11. Oktober 1809. S. 1642.*

²⁵ *Perger E. v. Geschichte des Philosophieunterrichts... S. 10.*

тем же предметам, но в усеченном виде. Нитхаммер, в чьей программе по философии легко просматривается влияние кантовской философии, остро нуждался в единомышленниках, способных создать программу, покрывающую всю предписанную расчасовку.

К эксперименту в области образования Нитхаммер привлек своего коллегу и близкого друга – Г.В.Ф. Гегеля. Он предложил ему место ректора в только что секуляризированной нюрнбергской гимназии Св. Эгидия²⁶. Гегель активно включился в эксперимент и провел в этой должности восемь лет. Именно в этот период происходит окончательное оформление его философской концепции абсолютного идеализма, публикуется первое издание «Науки логики» (1812–1816), подготавливается «Энциклопедия философских наук» (1817). Необходимость разработки больших философских курсов стала удобной возможностью в упрощенном виде целиком изложить свою философскую систему²⁷.

Расширение образовательной программы по философии предполагало если не следование, то полемическое отталкивание от предшествующей традиции. В конце XVIII в. этой традицией была просвещенческая программа Христиана Вольфа, нашедшая отражение в его учебниках²⁸. Суб-

²⁶ Переход гимназии под государственное управление казался новому ректору настолько существенным, что в своей речи перед выпускниками Гегель говорит о школе, основанной еще в 1526 г., как об учреждении, существующем первый год. См.: *Гегель Г.В.Ф. Речи директора гимназии. 29 сентября 1809 г. // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. М., 1972. С. 397–410.*

²⁷ Учет преподавательского и административного опыта Гегеля на посту ректора гимназии может служить дополнительным ресурсом для понимания механизмов становления философии Гегеля. Подробнее см.: *Henke R. W. Hegels Philosophieunterricht. Würzburg, 1989.*

²⁸ Наибольшую известность получили следующие сочинения Х. Вольфа: «Разумные мысли о силах человеческого разума и их пра-

дисциплинарная классификация знания предполагала преподавание психологии в качестве одной из базовых философских дисциплин. Несмотря на то что термин «психология» впервые использовал не Х. Вольф, именно благодаря его систематическим сочинениям психология стала разделом философского курса в Германии²⁹. В вольфианской концепции психология представлялась в двух видах – рациональном и эмпирическом. Если рациональную психологию Вольф включил как раздел в изложение логики, то эмпирическая психология, по Вольфу, – это интроспективное учение о психических способностях, которое представляет собой самостоятельную дисциплину³⁰.

вильном употреблении в познании правды» (1713), так называемая «Немецкая логика» (см. по-русски: Вольф Х. Логика, или Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды. СПб., 1765); «Разумные мысли о Боге, мире и душе человека, а также о всех вещах вообще» (1720), так называемая «Немецкая метафизика»; «Разумные мысли о человеческом поведении» (1720), так называемая «Немецкая этика», «Разумные мысли о общественной жизни человека и в общих делах» (1721), так называемая «Немецкая политика»; «Разумные мысли о действиях природы» (1723), так называемая «Немецкая физика»; «Разумные мысли о целых естественных вещах» (1724), так называемая «Немецкая телеология».

²⁹ Некоторое время именно Вольфу приписывалось авторство термина «психология». См.: *Eucken R. Geschichte der philosophischen Terminologie. Leipzig, 1879. S. 75, 133.* Вероятнее всего, первым этот термин использовал Рудольф Гоклениус. Подробнее о психологии XVIII в. см. в монографии Фернандо Видаля, посвященной специфике «преднаучного» этапа психологических исследований: *Vidal F. The Sciences of the Soul: The Early Modern Origins of Psychology. Transl. by S. Brown. Chicago, 2011.*

³⁰ *Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata, qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide constant, continentur* (1732; 1738); *Psychologia rationalis, methodo scientifica pertractata, qua ea,*

Статус психологии и ее место в классификации знания оказывается одним из центральных вопросов университетской философии рубежа XVIII и XIX в. Проекты по развитию «эмпирической психологии» в первое десятилетие XIX в. в немецкоязычной философии предлагали сразу несколько ученых – Ф.Э. Бенеке, И.Ф. Гербарт и Я.Ф. Фриз. Именно с ними в той или иной степени полемику ведет Гегель в ходе разработки своей программы философского знания³¹. Гегель сразу подошел к преподаванию в гимназии как к возможности получить инструмент для утверждения своей позиции. В одном из писем Нитхаммеру он сетует на современных ему теоретиков образования: «Согласно современной мании, особенно в педагогике, с одной стороны, нельзя преподавать *содержание* философии, а с другой – *нужно учиться философствовать без содержания*; это значит приблизительно следующее: нужно путешествовать,

quae de anima humana indubia experientiae fide innotescunt, per essentiam et naturam animae explicantur (1734; 1740). См. подробнее: *Richards R.J.* Christian Wolff's Prolegomena to Empirical and Rational Psychology: Translation and Commentary // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1980. Vol. 124, no. 3. P. 227–239; *Wolff Ch.* Gesammelte Werke. 1. Abt.: Deutsche Schriften. Bd. 1. Vernünftige Gedanken von den Kräften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkenntnis der Wahrheit. Hrsg. von H.W. Arndt. Hildesheim; New York, 1978. S. 257 (Anm. 14).

³¹ Подробнее о конкуренции психологических программ начала XIX в. см.: *Демин М.Р.* Спор об объеме логики в Германии первой половины XIX в.: дисциплинарные границы логического знания // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина*. Сер.: Философия. 2011. № 4. С. 169–181. Спор вокруг так называемой психологической программы в философии имел значительные последствия. См. об этом: *Kusch M.* Psychologism: Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge. London, 1995; *Rath M.* Der Psychologismustreit in der deutschen Philosophie. Freiburg (Breisgau); München, 1994.

всё время путешествовать, не знакомясь с городами, реками, землями, людьми и т. д.»³². Главный пункт расхождения Гегеля с его современниками – место и значение психологии, раздел, традиционно присутствовавший в программе по философии. Гегель отказывается от чтения эмпирической психологии и заменяет эти занятия лекциями о трех ступенях сознания: сознание как таковое, самосознание и разум. Разделяя содержание философии на три формы – абстрактную, диалектическую и спекулятивную, он видел главную задачу преподавания философии в гимназии в освоении абстрактной формы, а в старших классах – и диалектической³³.

Спустя восемь лет идеологический климат в Баварии меняется, и властями принимается решение отказаться от предложенной Нитхаммером образовательной модели. Католическая реакция и враждебность в отношении культурной политики северных соседей способствовали изъятию философии из школьных планов. Можно предположить, что, помимо идеологического контекста, одной из причин скорого сворачивания плана Нитхаммера оказалась нехватка соответствующим образом подготовленных кадров и от-

³² *Hegel G.W.F. Über den Vortrag der philosophischen Vorbereitungs-Wissenschaften auf Gymnasien. Aus einem Briefe Hegels vom 23. Oktober 1812 an Niethammer // Hegel G.W.F. Werke. Vollständige Ausgabe durch einen Verein von Freunden des Verewigten. Bd. 17: Vermischte Schriften. Bd. 2. Berlin, 1835. S. 342. См. комментарий к этому фрагменту: Henke R.W. Hegels Philosophieunterricht... S. 148. Мемуарные воспоминания о том, как выглядел процесс обучения под руководством Гегеля, см.: Zimmerman D. Erinnerungen an Hegels Wirksamkeit als Lehrer der Philosophie an der Studienanstalt zu Nürnberg // Blätter für das bayerische Gymnasialschulwesen. 1871. Bd. 7. S. 25–30.*

³³ *Perger E. v. Geschichte des Philosophieunterrichts... S. 32; Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 2. М., 1970. С. 7–208.*

сутствие учебных и методических пособий, необходимых для массового чтения философского курса в желаемом объеме. В отличие от гегелевского проекта 1810-х гг., основанного на авторской концепции, которую даже при желании трудно было бы распространить на другие гимназии, иезуитская традиция предлагала программы, адаптированные для массового преподавания. Так, в лицеях (Lyzeen) – особой институции, созданной в рамках баварской системы образования, – философский курс занимал наряду с теологией центральное место³⁴. Несмотря на неудачную попытку вписать немецкий идеализм в институциональную рамку новой школы в Баварии, опыт, полученный в процессе этого эксперимента, через восемь лет оказался востребованным в Пруссии.

Задействовать школу для усиления влияния своей исследовательской программы хотели не только сторонники спекулятивной философии. Использовать интенсивное развитие психологических исследований в качестве аргумента за внедрение программ по философии в школу решил гёттингенский профессор Иоганн Герbart, активно работавший в русле психологии и педагогики. Герbart первым среди немецких философов решил спровоцировать публичное обсуждение школьного курса по философии. В предисловии к первому изданию «Учебника по психологии» (1816) он весьма эмоционально выступил в пользу возвращения философии в школьные программы: «При успехах философской мысли в последнее время, когда лекции должны сделаться не легче, а тяжелее, университету необходима от гимназии не меньшая, а большая поддержка. Математика и языки могут сделать многое, но не всё, по меньшей мере,

³⁴ См.: *Dokumente zur Studiengesetzgebung in Bayern in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts*. Hrsg. von H. Dickerhof. Berlin, 1975.

теперь, когда многие важные улучшения учебной программы всё еще тормозятся нерешительностью учителей. Всякое высшее образование рискует прийти в упадок, будучи лишено необходимой и своевременной подготовки на общедоступных занятиях. Философия сейчас вынуждена бороться с многими внутренними несообразностями. Помогут ли ей, если лишат ее того, что она имела? Или думают, что науки выиграют, если философия придет в упадок?»³⁵

В школьном изложении философии Герbart видел дополнительный ресурс для психологии – науки, еще не оформившейся в отдельную дисциплину, но уже становящейся предметом ожесточенной полемики. Написание учебника воспринимается им как интеллектуальная задача, важная, прежде всего, для самих философов, так как это будет способствовать уяснению принципов новой области знания. Аргументация Герbart отталкивается от интересов не учеников, а дисциплины. Апеллируя к традиции преподавания философии в средней школе, Герbart вполне в духе современных ему образовательных реформ заявляет об ответственности философии за координацию всех научных направлений. Кроме этого, видимо, руководствуясь простой мыслью о том, что все средства хороши, философ предлагает рассматривать поэтические произведения, входящие в школьную программу, с психологической стороны, а в курсе древнегреческого языка в качестве центральных изучать философские тексты, прежде всего платоновские диалоги «Критий» и «Апология Сократа»³⁶.

³⁵ *Herbart J.F. Lehrbuch zur Psychologie // Herbart J.F. Sämmtliche Werke. Hrsg. von G. Hartenstein. Bd. 5: Schriften zur Psychologie. 1. Teil. Leipzig, 1850. S. 4.*

³⁶ См.: *Paulsen F. Geschichte des Gelehrten Unterrichts auf den Deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart. Leipzig, 1885. S. 246.*

Несмотря на оригинальность предложений Гербарта, касающихся и программы, и методик преподавания философии, призывы мыслителя при его жизни действия не возымели. Не востребованный в первой половине XIX в., его проект был актуализирован в 1850-е гг. Прикладной характер логики и психологии в изложении Гербарта хорошо вписался в консервативную политику министра графа Лео Тун-Хоэнштайна. Серьезное философское лобби, сложившееся вокруг министра, способствовало развитию такой образовательной программы, которая в долгосрочной перспективе развела прусскую и австрийскую философские традиции³⁷.

3. Возвращение философии в школы: логика или психология?

Путь к восстановлению преподавания философии в реформированной по гуманистической модели школе был непрост. Затрагивая интересы большого количества участников, решение о включении философии в число школьных предметов требовало как консолидации организационных усилий со стороны профессионального сообщества, так и методического обеспечения, позволяющего вести массовое преподавание. Важную роль в закреплении философского курса в гимназических планах Пруссии сыграл Гегель, активный участник баварского образовательного проекта. Но вопреки, казалось бы, ожидаемому переносу южно-немецкого проекта на северные территории, возвра-

³⁷ См.: *Stachel P.* "Ein Kapitel der intellektuellen Entwicklung in Europa..." *Theoriebildungen in der Wiener Moderne und ihre Wurzeln in den österreichischen Traditionen philosophischen Denkens im 19. Jahrhundert...* S. 140–143.

щение преподавания философии в прусские гимназии реализовывалось по совершенно иному плану.

После недолгого пребывания в Гейдельберге в 1818 г. Гегель по приглашению министра по делам образования и религии (Kultusminister) Пруссии Карла Альтенштайна начинает работать в университете Берлина; в то же время в это министерство на должность главного советника по делам образования заступает Иоганнес Шульце. Молодой советник, как и значительная часть чиновничьего истеблишмента, проникается философией приглашенного профессора, некоторые из чиновников даже посещают его лекции³⁸. Интеллектуальное влияние Гегеля на политическую элиту способствует укреплению позиций философии в прусских образовательных учреждениях. Значимым событием для возвращения философии в прусские школы стало поручение Гегелю составить экспертный доклад на имя министра образования о возможности преподавания философии в гимназии.

Текст Гегеля «О преподавании философии в гимназиях» (1823) представляет не только теоретическую ценность, но и важен как образчик аргументации, ориентированной на высший уровень прусской бюрократии. Как и Герbart, Гегель указывает на связь философии в школе с философией в университете. Однако в отличие от Гербарта, который видел в школе дополнительный ресурс для развития философских исследований, Гегель подчеркивает недостаточную подготовленность выпускников гимназий «к спеку-

³⁸ Шульце играл важную роль в созданном после смерти Гегеля сообществе «Объединение друзей усопшего» (Verein der Freunde des Verewigten), выступив одним из инициаторов и составителей первого полного собрания сочинений Гегеля. В 1832 г. под его редакцией вышла «Феноменология духа»: *Hegel G.W.F. Werke. Vollständige Ausgabe durch einen Verein von Freuden des Verewigten. Bd. 2. Hrsg. von J. Schulze. Berlin, 1832.*

лятивному мышлению и к изучению философии»³⁹. Существенную часть записки составляет пересказ ключевых моментов школьной реформы 1810-х гг. Гегель одобряет введение в программу древних языков и религии и отказ от «спекулятивной» философии. Затем он переходит к изложению концепции своего плана преподавания философии, озабоченный тем, «чтобы общее образование духа не было обеднено в гимназиях»⁴⁰. Курс должен состоять из четырех частей: 1) психологии, 2) начальных основ логики, включая кантовские категории, 3) доказательства бытия бога в качестве сокращенного варианта раздела метафизики, 4) морали, связанной с преподаванием религии. Часы на все эти занятия должны были появиться за счет сокращения программ по немецкому языку и отмены лекций по юридической энциклопедии.

Предложенная Гегелем программа представляется более чем традиционной, если даже не реакционной. В отличие от своего собственного плана баварского периода Гегель рекомендует эмпирическую психологию, что существенно сближает его проект с предложенной Гербартом моделью философского курса. По-видимости, данная мера воспринималась самим Гегелем как вынужденная. В докладе эта часть философского курса удостаивается пренебрежительного эпитета: «так называемая эмпирическая психология»⁴¹.

³⁹ Гегель Г.В.Ф. О преподавании философии в гимназиях // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 1. М., 1970. С. 567.

⁴⁰ Гегель Г.В.Ф. О преподавании философии в гимназиях... С. 573.

⁴¹ Гегель Г.В.Ф. О преподавании философии в гимназиях... С. 569. В русском переводе эта характеристика не отражена. Сверено по немецкому изданию: *Hegel G.W.F. An das Ministerium des Unterrichts. Über den Unterricht in der Philosophie auf Gymnasien // Hegel G.W.F. Werke. Vollständige Ausgabe... Bd. 17: Vermischte Schriften II. Hrsg. von F. Förster, L. Boumann. Berlin, 1835. S. 362.*

Смещая свою позицию в сторону позиции, представленной Гербатом, своим теоретическим противником, Гегель не упоминает учебник оппонента. Более того, заявляя, что не может порекомендовать какой-либо из современных учебников, он отсылает к учебникам по философии Христиана Вольфа. Упоминание в этом контексте имени Вольфа, то есть фактически обращение к наследию Просвещения, кажется еще более неожиданным из уст человека, несколькими страницами ранее декларировавшего приверженность принципам гуманистических реформ. Данную рекомендацию можно объяснить, вероятно, как тонкий ход ученого мужа, разбирающегося в принципах работы бюрократического аппарата. Гегель не только обошел молчанием работы Гербарта, но и, советуя морально устаревшую вольфианскую литературу, мотивировал к поиску новых авторов, способных разработать учебное пособие согласно предложенной концепции. Если такой расчет действительно был, то он оказался верным: в течение нескольких лет появляются учебники по философии, инспирированные гегелевскими рекомендациями.

Сторонник кантовской философии, Август Хайнрих Маттиэ (*Matthiae*), уже с 1804 г. преподавал логику, психологию и учение о религии в старшем классе Фридрихской гимназии в Альтенбурге, где с 1802 г. он занимал должность директора. Когда же философия была введена в качестве учебного предмета, он написал учебник (1824)⁴². Филолог и школьный учитель, Маттиэ много сделал для обеспечения

⁴² Подробнее см.: *Matthiae I.K. August Matthiä in seinem Leben und Wirken zum Theil nach seiner eigenen Erzählung. Quedlinburg, 1845. S. 111, 186–192.* Книга имела большой успех, выдержала 4 издания в Германии (1824, 1827, 1832, 1844), была переведена на итальянский (1833) и французский (1837) языки.

учебными пособиями немецких гимназий. Он был издателем Еврипида, Гомера, Геродота и других греческих авторов, автором популярных и даже переведенных на английский язык учебников по греческому языку (первое издание 1808 г.), истории греческой и римской литературы, кроме этого, он написал «Энциклопедию и методологию филологии». В биографическом очерке о своем отце Иммануил Константин Маттиэ так передает мнение отца о необходимости преподавания философии в гимназии: «Молодежь, которая развила и образовала разум посредством основательного изучения древних языков и математики, в старших классах должна обратить внимание на деятельность духа и законов, по которым он работает»⁴³. Обучение философии понималось школьным учителем как «гимнастика для ума», проводимая в виде сократического диалога и решения практических мыслительных задач.

Кроме учебника Маттиэ, в 1829 и 1833 гг. выходят учебные пособия Вильгельма Ширлитца и Теодора Хайнзиуса⁴⁴. Экспертное заключение Гегеля, утверждавшее необходимость включения философии в школьные программы, было опубликовано только посмертно в 1836 г., войдя в собрание сочинений. Появление нескольких учебников, авторы которых, очевидно, были знакомы с содержанием записки, говорит о наличии каналов распространения внутривузской информации. Не будучи опубликовано отдельным текстом, экспертное заключение Гегеля почти без изменений было положено в основу регламента от 1825 г. В регла-

⁴³ *Matthiae I.K.* August Matthiä in seinem Leben und Wirken... S. 191.

⁴⁴ *Schirlitz W.G.* Propädeutik zur Philosophie: Für den Gebrauch in obern Gymnasial-Classen und für junge Studierende. Cöslin, 1829; *Heinsius Th.* Vorbereitung zu philosophischen Studien. Für den höheren Schul- und Selbstunterricht. Berlin, 1833.

менте, впервые упоминавшем новый предмет, «урокам философской подготовки» предшествовала преамбула, где сообщалось, что философия вводится в круг гимназических предметов согласно пожеланию многих уважаемых педагогов, которое уже продолжительное время высказывается министерству⁴⁵.

Введение нового предмета влекло необходимость подготовить преподавательские кадры, способные вести философский курс. Эта проблема отдельно оговаривалась регламентом, советовавшим доверить преподавание «самым опытным учителям», а если таковых нет, об этом следовало сообщить в министерство. Стремлением администрации контролировать качество преподавания может объясняться, например, разработка для гимназии Магдебурга специального регламента. Этот документ подробно описывал объем знаний по философии, который должен быть усвоен учениками по окончании курса, и рекомендовал преподавать философию по Августу Маттиэ⁴⁶.

Проблему определения квалификации кадров предполагалось решить по образцу, апробированному в Баварии, а именно через введение для претендентов на преподавательские должности экзамена «по философским предметам». Согласно циркуляру от 21 августа 1825 г., проверке подлежали знания по логике и метафизике, истории философии и психологии. Экзаменуемый должен был продемонстрировать

⁴⁵ Die Preussischen Gymnasien und höheren Bürgerschulen: Eine Zusammenstellung der Verordnungen, welche den höheren Unterricht in diesen Anstalten umfassen / Hrsg. von J.F. Neigebaur. Berlin; Posen; Bromberg, 1835. S. 121–123.

⁴⁶ Die Abiturienten-Prüfung, vornehmlich im Preußischen Staate / Hrsg. von F. Schultze. Liegnitz; Halle, 1831. S. 126–127. Кроме этого, появляется некоторый пул учебников по философии. См.: *Perger E. v. Geschichte des Philosophieunterrichts...* S. 42–43.

«в своих мыслях надлежащую основательность, ясность и порядок»⁴⁷. Кроме устных испытаний по этим предметам устанавливался философско-педагогический экзамен, который должен был проходить в письменной форме и длиться от часа до полутора часов.

В отличие от требований к школьной программе по философии, требования циркуляра можно интерпретировать как попытку нейтрализовать гегелевское влияние. Так, экзаменуемый должен был уметь «четко отделить логику от метафизики»⁴⁸. Вероятно, эта рекомендация была прямо направлена против изложения на экзамене исключительно гегелевской философской программы, один из пунктов которой утверждал необходимость замены метафизики логикой⁴⁹. Другой пассаж документа можно прочесть как отказ принимать гегелевский взгляд на историю философии. Как известно, свою систему Гегель постулировал в качестве заключительного этапа развития философской мысли. Возможно, именно в этой связи циркуляр специально подчеркивал необходимость соблюдать «правильный и одновременно тривиальный» принцип, «что не существует и не может существовать закон, согласно которому академическая молодежь должна изучать только одну философскую систему»⁵⁰.

Введение курса «философской пропедевтики» в качестве обязательного предмета закрепляло новое учебное положение, утвержденное в 1837 г. Разработанный сторонником гегелевской философии и в тот период влиятельным

⁴⁷ Die preussischen Gymnasien... S. 236.

⁴⁸ Die preussischen Gymnasien... S. 237.

⁴⁹ Подробнее см.: *Гегель Г.В.Ф. Введение // Гегель Г.В.Ф. Наука логики*: в 3 т. Т. 1. М., 1970. С. 95–119.

⁵⁰ Die preussischen Gymnasien... S. 236.

чиновником в министерстве образования Иоганнесом Шульце, регламент завершил трансформацию учебного плана от 1810 г. Образовательный стандарт 1837 г. просуществовал до 1856 г. Сохранившиеся без изменений в течение почти двадцати лет правила, однако, не смогли защитить философскую пропедевтику от реакции, последовавшей за мартовской революцией 1848 г. Согласно решению, принятому на конференции учителей Пруссии в 1849 г., философские предметы подлежали объединению с блоком занятий по религии. Подозрение философии в идеологической неблагонадежности привело к исключению философских курсов из обязательной гимназической программы нового регламента от 1856 г. Однако такое положение дел сохранялось недолго. В 1858 г. регентом прусского королевства становится Вильгельм и отношение к преподаванию философии в школе меняется. Философские занятия снова включаются в гимназическую программу. А с 1859 г. занятия по логике вводятся и в реальные школы (*Realschule*), в которых в отличие от гимназий предполагалась концентрация усилий не на древних языках, а на естественнонаучных предметах. Образовательная политика Пруссии периода *Культуркампф* – политической кампании правительства против Римско-католической церкви – лишь способствовала закреплению философии в школе. Несмотря на то что сложившаяся к началу 1860-х гг. система преподавания философских предметов в средних учебных заведениях то и дело вызывала дискуссии вокруг содержания программ, их объема и целей, философская пропедевтика, которая могла быть представлена наряду с собственно философским курсом также курсами по логике и эмпирической психологии, стабильно входила в перечень обязательных школьных дисциплин⁵¹.

⁵¹ *Perger E. v. Geschichte des Philosophieunterrichts... S. 112–232.*

Первое издание «Элементов логики Аристотеля» Тренделенбурга (1836) и второе издание его же «Пояснений...» (1861) совпадают с важными вехами в истории регламентирования преподавания философии в школе. В обоих случаях «Элементы...» оказываются не просто востребованными – они выступают существенным фактором, укрепляющим положение философии в школе. «Элементы...» были поддержаны как сторонниками гегелевской философии, так и теми, кто выступал против нее. О явной поддержке Тренделенбурга гегельянцами свидетельствует тот факт, что экземпляры первого издания «Элементов...» по прямому указанию Иоганнеса Шульце были заказаны за счет министерства для всех учебных заведений⁵². Связь с этой традицией подчеркивал и сам Тренделенбург, сославшись во введении на только что опубликованную в собрании сочинений Гегеля записку о преподавании философии. Эту же преемственность отмечали коллеги Тренделенбурга, например, автор рецензии в «Новом ежегоднике по филологии и педагогике» за 1837 г.⁵³

С другой стороны, позиция Тренделенбурга была содержательно близка позиции Фридриха Бенеке, который выступил против гегелевской программы преподавания философии в школе. Оппонент Гегеля и сторонник эмпирической психологии, берлинский ученый Бенеке считал, что философия даже в университете для многих является слишком сложной. По его мнению, в гимназии достаточно грамматики, которая «служит непосредственной подготовкой к изучению философии и прежде всего к изучению об-

⁵² *Perger E. v. Geschichte des Philosophieunterrichts... S. 61.*

⁵³ *Stahr A. [Rez.:] F.A. Trendelenburg. Elementa logices Aristotelicae // Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik. Bd. 20. H. 2. Leipzig, 1837. S. 102–127.*

щей или философской грамматики и к логике, к которым грамматические формы отдельных языков относятся так же, как естественные науки к математике. То, что служит предметом абстрактного построения для общей грамматики и логики (их общечеловеческие формы), развивается в грамматике отдельных языков конкретным образом, под влиянием внешних условий, не принимаемых в расчет при абстрактной конструкции»⁵⁴. Как и Бенеке, Тренделенбург отказывался от преподавания психологии в школе, находя ее, с одной стороны, слишком сложной, а с другой – столь бурно развивающейся, что пропедевтическое изложение ее оказывается затруднительным⁵⁵.

Ставка на «Элементы...» Тренделенбурга, не принадлежавшего к кругу гегельянцев, оказалась спасительной для преподавания философии в школе в начале 1840-х гг., так как после смерти в 1840 г. Карла Альтенштайна, министра, поощрявшего интерес к гегелевской философии, административное влияние Шульце существенно уменьшилось, а инициативы, связанные с его именем, встречали сопротивление. К концу 1850-х гг. логика в изложении Тренделенбурга казалась идеологически безопасной и свя-

⁵⁴ Бенеке Ф.Э. Руководство к воспитанию и учению. Ч. II: Руководство к учению / пер. с нем. с некоторыми изменениями и примечаниями под ред. Н.Х. Весселя. СПб., 1872. С. 100; см. также: *Beneke F.E. Erziehungs- und Unterrichtslehre. In 2 Bd. 2. Aufl. Bd. 2: Unterrichtslehre. Berlin; Posen; Bromberg, 1842. S. 146–147.*

⁵⁵ Тренделенбург А. Предисловие к первому изданию «Пояснений...» (см. наст. изд. С. 103). Стоит отметить, что Тренделенбург отвергал также идею, находившую сторонников среди профессоров, ориентированных на гегелевскую концепцию преподавания философской пропедевтики, и заключающуюся в том, чтобы заменить изложение эмпирической психологии учением Аристотеля о душе. См., например: *Deinhardt J.H. Der Begriff der Seele mit Rücksicht auf Aristoteles. Hamburg, 1840.*

зывалась не только с неогуманистическим образованием, но даже признавалась необходимой для лучшего освоения естественнонаучных предметов.

Концентрация философских занятий на логике, предложенная Тренделенбургом, предполагала специфическое понимание логики: не столько как технического предмета, сколько как парадигмальной основы всего знания. В отличие от Бенеке, который связывал логику только с грамматикой, Тренделенбург видел задачу школьной логики в том, чтобы связать в единое целое все предметы гимназического образования. По мнению Тренделенбурга, все школьные предметы могут быть разделены на две группы: «одна коренится в языках, а другая – в математике»⁵⁶. Занятия логикой «должны рассматриваться не как внешнее умножение учебных предметов, а как способ достигнуть того взаимосвязанного единства, которое необходимо сегодня как никогда»⁵⁷. Философ был убежден, что предложить такую логическую программу может только Аристотель, чьи логические законы «обладают незаметной силой связывать и упорядочивать»⁵⁸.

Не будучи жестко регламентированным, преподавание в разных гимназиях могло существенно отличаться. Уже к середине XIX в. в распоряжении немецких школьников и их учителей было достаточно учебной литературы по философии. Для того чтобы понять степень проникновения «Элементов...» в прусские гимназии, необходимо обратиться к реальным практикам преподавания курса философии.

Так, в 1837 г. в Висмаре, где с 1864 по 1869 г. учился Г. Фреге, «Элементы...» Тренделенбурга были восприняты

⁵⁶ Наст. изд. С.102.

⁵⁷ Там же. С. 97.

⁵⁸ Там же. С. 97.

как значительное культурное событие. Местный историк с надеждой писал: «Время покажет, найдет ли Аристотель дорогу в наши гимназии благодаря “*excerpta ex organo Aristotelis*” Тренделенбурга»⁵⁹.

В отличие от гимназии в Висмаре в гимназии Пфорты философию стали преподавать только с 1837 г. по учебнику Августа Маттиэ. В расположенном недалеко от Наумбурга учебном заведении, которое в 1774 г. закончил И.Г. Фихте и в котором с 1858 по 1864 г. учился Ф. Ницше, не очень жаловали философию. После того как этот предмет перестал быть обязательным, он был растворен в занятиях по немецкому и древним языкам, где разбирались тексты Лессинга и Шиллера, Платона и Цицерона. Другая ситуация сложилась в гимназии «Йоахимшталь», имеющей тесные связи с министерством образования и Берлинским университетом. Еще до постановления 1837 г. в ней преподавались логика и психология, а после его принятия к существовавшим уже курсам добавились этика и введение в античную философию. Невзирая на постановление 1856 г., философская пропедевтика с тематическим делением на логику и психологию преподавалась как самостоятельный предмет до 1867 г. А с 1870/1871 учебного года и до 1891 г. философия была интегрирована в курсы по немецкому и классическим языкам и преподавалась по учебнику Тренделенбурга⁶⁰.

⁵⁹ *Burmeister C.Ch.H. Urkundliche Geschichte der Schulen in Wismar: von den ältesten Zeiten bis zum Jahr 1368. Wismar, 1837. S. 16.*

⁶⁰ Подробный обзор школьных программ прусских и саксонских гимназий Гриммы, Майсена, Пфорты и «Йоахимшталь» в Берлине см.: *Flöter J. Eliten-Bildung in Sachsen und Preußen. Die Fürsten- und Landesschulen Grimma, Meissen, Joachimsthal und Pforta (1868–1933). Köln, 2009.*

Многие гимназии, существовавшие в Германии к началу XIX в., могли похвастаться не меньшей историей, чем некоторые немецкие университеты. Будучи элитарными образовательными учреждениями, гимназии находились в центре интенсивной интеллектуальной жизни, имели широкие связи с университетским миром. Школьные преподаватели – широкий социальный пласт образованной элиты – оказывались важными потребителями и распространителями философского знания. Помимо региональных конференций учителей, которые можно рассматривать в качестве важных коммуникационных узлов, единое интеллектуальное пространство обеспечивалось посредством административных предписаний. Образовательные реформы лишь регламентировали и институционально закрепили такое положение дел, дав толчок к формированию новых каналов коммуникации между учительским корпусом, университетской средой и региональными политическими элитами. Новая инфраструктура образовательных учреждений трансформировала связи между экспертным и массовым знаниями. Философия как область общественно значимого знания оказалась особенно восприимчива к усложнению социальных механизмов.

В процесс обновления философского знания включалось все большее количество преподавателей гимназий, что привело к устойчивой организационной связи философии и педагогики, включив в индустрию образования как самих философов, так и бюрократические ведомства, контролирующие организацию школьного образования. Система принятия решений, работавшая в начале XIX века по принципу фаворитства, то есть зависевшая от личных отношений между интеллектуалами и бюрократами высокого ранга, получает большую стабильность благодаря формиро-

ванию устойчивых внутри- и межпрофессиональных взаимоотношений⁶¹.

В 1870-е и 1880-е гг. – в период борьбы прусского правительства с католическим влиянием – «Элементы...» Тренделенбурга продолжают оставаться востребованными, подтверждая символические права протестантских школ на «католического» Аристотеля. Кроме того, сочинения Тренделенбурга хорошо вписываются в контекст логических работ В. Вундта и Х. Зигварда. Так, например, Пауль Фрайер в своем пособии «Примеры к логике из математики и физики в дополнение к “Элементарам логики Аристотеля” Ф.А. Тренделенбурга» подчеркивал: «...я с благодарным воспоминанием следую за полюбившимися мне книгами Тренделенбурга (“Elementa logices Aristoteleae”, 8-е изд., и “Erläuterungen zu...”, 3-е изд.), поскольку их совершенно достаточно для целей школы и они везде настаивают на связи формального с реальным. Они, как ни один другой из вышедших учебников по философской пропедевтике, рассматривают историческое происхождение до сих пор употребляемых терминов и потому оказываются сподручными для будущих занятий в университете. А поскольку они черпают непосредственно из источника, к которому нужно постоянно обращаться, в них есть благодаря этой исконности

⁶¹ О становлении образованных классов и профессионализации преподавательского и академического сообщества см.: *Bildungssystem und Professionalisierung in internationalen Vergleichen* / Hrsg. von W. Conze und J. Kocka. Stuttgart, 1985. – (Bürgertum im 19. Jahrhundert: Deutschland im europäischen Vergleich, T. 1); *Deutsche Hochschullehrer als Elite, 1815–1945* / Hrsg. von K. Schwabe. Boppard am Rhein, 1988; *Kulturstaat und Bürgergesellschaft: Preussen, Deutschland und Europa im 19. und frühen 20. Jahrhundert* / Hrsg. von W. Neugebauer und B. Holtz. Berlin, 2010.

нечто, что не позволяет и не позволит им устареть»⁶². Однако в начале XX в. восприятие «Элементов...» Тренделенбурга принципиально меняется. Если в 1837 г. их автора хвалили за «тщательную обоснованность и ясность определения, наполненного строгим филологическим духом»⁶³, то теперь, в частности, Х. Файхингер и А. Рауш упрекают Тренделенбурга за излишнюю сложность «Элементов...», связанную с необходимостью усваивать философские азы на греческом и латыни, делающую невозможным их использование в реальных школах⁶⁴.

«Элементы логики Аристотеля», пришедшие на смену учебникам, написанным под влиянием гегелевской философии, сделали целую эпоху в истории преподавания философии в гимназии. Современниками они воспринимались как продолжение гегелевской линии и укрепление неогуманистической модели образования. Последующая смена моделей массового обучения философии в Пруссии состоялась только в начале XX в. и была связана с именами неокантианцев Фридриха Паульсена (кстати, ученика Тренделенбурга), Ханса Файхингера, Альфреда Рауша и Пауля Наторпа⁶⁵.

⁶² Freyer P. Beispiele zur Logik aus der Mathematik und Physik im Anschlusse an F.A. Trendelenburgs Elementa logices Aristoteleae. 2. Aufl. Berlin, 1889. S. 4.

⁶³ Stahr A. [Rez.:] F.A. Trendelenburg. Elementa logices Aristotelicae... S. 108.

⁶⁴ Vaihinger H. Die Philosophie in der Staatsprüfung: Winke für Examinatoren und Examinanden. Zugleich ein Beitrag zur Frage der Philosophischen Propädeutik. Nebst 340 Themen zu Prüfungsarbeiten. Berlin, 1906. S. 136, 152; Rausch A. Philosophische Propädeutik // Handbuch für Lehrer höherer Schulen / Hrsg. von A. Auler. Leipzig; Berlin, 1906. S. 218.

⁶⁵ См. подробнее: Perger E. v. Geschichte des Philosophieunterrichts... S. 112–232.

4. Назад к Аристотелю: филология на службе философии

Обращение Тренделенбурга к логическим работам Аристотеля с целью использовать их фрагменты в качестве пропедевтического материала было инспирировано собственным философским проектом немецкого профессора. В 1840 г. Тренделенбург публикует свой *opus magnum* – «Логические исследования», переработанные и дополненные они будут переизданы в 1862 и 1870 гг.⁶⁶ Тренделенбург предлагает интеллектуальный ход, который войдет в моду в последней трети XIX в., – призывает рассматри-

⁶⁶ Второе издание принято считать наиболее репрезентативным: *Trendelenburg A. Logische Untersuchungen. 2. Aufl. Bd. 1, 2. Leipzig, 1862.* На русский язык перевод «Логических исследований» был сделан со второго издания с удивительной по тем временам оперативностью – спустя всего шесть лет. См.: *Тренделенбург А. Логические исследования: в 2 т. М., 1868.* К сожалению, перевод, выполненный Е.Ф. Коршем (1810–1897), содержит много неточностей, а его язык сегодня представляется архаическим. Скорректированный и уточненный перевод введения, предисловий к первому и второму изданиям «Логических исследований» см.: *Тренделенбург А. Логические исследования: пер. с нем. М.Р. Демина // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 24. № 2. С. 201–214.* Т.Б. Длугач опубликовала новый перевод главы «Диалектический метод» (См.: *Длугач Т.Б. Логические исследования Адольфа Тренделенбурга // АРХЭ: Ежегодник культурологического семинара / под ред. В.С. Библиера. Вып. 2. М., 1996. С. 233–267.*) Там, где это возможно, ссылки даются на современные переводы. В иных случаях приводится уточненный перевод с двойной ссылкой на русский перевод и немецкий оригинал. Кроме этого, извлечения из «Истории учения о категориях» цитируются в переводе А.С. Богомолова (*Тренделенбург А. История учения о категориях // Антология мировой философии / под ред. П.С. Нарского: в 4 т. Т. 3. М., 1971. С. 629–632.*)

вать актуальные проблемы через призму учения мыслителя, отделенного существенной исторической дистанцией. Для Тренделенбурга возврат к философии Аристотеля имеет программный характер: «Нужно отказаться от предрассудка немцев, будто для философии будущего необходимо найти еще какой-то по-новому сформулированный принцип. Принцип *уже* найден: он заключается в том органическом мировоззрении, которое, обретя свою основу у Платона и Аристотеля, продолжило с тех пор действовать и должно найти свое оформление и постепенное завершение в более глубоком исследовании фундаментальных понятий, а также отдельных вопросов и взаимодействии с реальными науками»⁶⁷.

Лозунги «Назад к Аристотелю» или «Назад к Канту» являлись призывами проговаривать и формулировать философские проблемы, вплетая их в интерпретацию текстов предшествующих эпох. В этом случае риторический фон и содержательные аспекты философских построений становятся неотделимы друг от друга. Ключевой предпосылкой для работы с этим материалом оказывается анализ тех исследовательских и образовательных практик, при соблюдении которых высказанные аргументы приобретают свою убедительность. Философский проект Тренделенбурга связан с обновлением академических практик философствования и поэтому должен быть рассмотрен на фоне реформ образования, проводимых немецкими гуманистами в начале XIX в.

Реформы немецкой системы образования заключались в создании новой модели университета – университета, в котором совмещались бы преподавание и исследование.

⁶⁷ Тренделенбург А. Логические исследования // Эпистемология и философия науки... С. 205.

Как правило, реформы изучаются по теоретическим текстам их идеологов, кроме того, принимается во внимание хронология административных решений и, таким образом, наследуется оптика инициаторов преобразований. Однако очевидно, что заслуживает внимания и другая перспектива – перспектива тех, кто обучался непосредственно в условиях реформ. В этом отношении интеллектуальная биография Тренделенбурга представляется показательной, позволяя лучше понять то, как формировались новые исследовательские стандарты.

Тренделенбург относится к поколению, которое первым получило образование в учреждениях, реформированных согласно теоретическим идеалам неогуманизма. Он родился недалеко от Балтийского моря в городе Ойтин, учиться поступил в местную гимназию. Созданная еще в эпоху Реформации, гимназия являлась центром неогуманистических идей. С 1782 по 1802 г. ее ректором был Иоганн Генрих Фосс, известный поэт, переводчик на немецкий язык гомеровских «Илиады» и «Одиссеи». На посту ректора его сменил классический филолог из семинара Гейне – Георг Людвиг Кёниг, получивший известность как убежденный кантианец и переводчик на латинский язык «Метафизических начал учения о праве» И. Канта⁶⁸. Если Гегель в записке «О преподавании философии в гимназиях» вспоминал, как он изучал в тюбингенском «Штифте» логику по вольфианскому учебнику, то одним из ярких школьных воспоминаний Тренделенбурга, связанных с философией, вероятно, должны были быть прочитанные Кёнигом по собственной инициативе лекции по истории философии и основам философии Канта.

⁶⁸ О школьных годах Тренделенбурга см.: *Devantier F. Zur Erinnerung an Friedrich Adolf Trendelenburg. Eutin, 1902.*

После гимназии Тренделенбург поступил в находящийся неподалеку университет города Киля. В то время этот университет занимал значимое место на философской карте Германии: в нем преподавал приглашенный из Йены один из самых знаменитых последователей Канта – Карл Леонард Рейнгольд. Вероятно, в первые годы университетского образования Тренделенбурга прежде всего интересовали филологические исследования, именно они принесли ему первую награду: в 1822 г. он получил премию за работу об особенностях латинского вокабуляра Тита Плавта. Из Киля Тренделенбург переехал в Лейпциг, где посещал семинар Готфрида Германа. Однако в Лейпцигском университете он задержался недолго и в 1824 г. перевелся в недавно открытый столичный университет.

В Берлине Тренделенбург продолжил занятия филологией у Августа Бёка, слушал курсы лингвиста и исследователя индогерманских языков Франца Боппа. Одновременно с этими занятиями Тренделенбург начал осваивать философские науки. Он слушал лекции Гегеля, Шлейермахера, теолога Августа Неандера, шеллингианца Генриха Стеффенса. По предпочтению университетов и выбору курсов можно судить, как изначальное внимание Тренделенбурга смещалось от филологии к философии. В Берлине его занятия классической филологией дополняются изучением античной философии. Растущий интерес к древнегреческим мыслителям определил и выбор темы диссертационного исследования. В 1826 г. Тренделенбург защитил диссертацию под названием *Platonis de ideis et numeris doctrina ex Aristotele illustrate* («Учение Платона об идеях и числах в объяснении Аристотеля»).

Обращение Тренделенбурга к философии Аристотеля нужно рассматривать в контексте повышенного в современной ему Германии внимания ко всему корпусу текстов

основателя Ликей. Следует отметить, что философский авторитет Аристотеля к началу XIX в. был не слишком высоким. Такое отношение к Аристотелю имело несколько причин. Одна из них состояла в том, что Аристотель как мыслитель рассматривался прежде всего в связи с устаревшей к этому времени позднесредневековой традицией; кроме того, доступ к трудам Аристотеля был весьма ограничен. Дошедший корпус текстов античного мыслителя был не структурирован и разрознен, а переводы не отличались точностью⁶⁹. Однако в 1810-е г. вслед за увлечением текстами Платона филологический и философский интерес распространяется и на наследие Аристотеля.

Важным этапом в освоении аристотелевского наследия оказалось решение, принятое при активной поддержке Шлейермахера в 1817 г. на заседании Берлинской академии наук, – начать критическое издание собрания сочинений античного философа⁷⁰. Реализация масштабного проекта, порученная Христиану Августу Брандису и Иммануилу Беккеру, выдвигала Берлин в качестве нового общеевропейского центра филологических исследований. На протяжении трех с половиной лет Беккер работал с древними списками аристотелевских текстов в библиотеках Парижа, Окс-

⁶⁹ О немецких переводах Аристотеля в XVIII в.: *Eusterschulte A. Deutsche Übersetzungen aristotelischer Schriften im 18. Jahrhundert. Die Rezeption der Praktischen Philosophie // Übersetzung und Transformation. Hrsg. von H. Böhme, Ch. Rapp, W. Rösler. Berlin, 2007. S. 369–398.*

⁷⁰ О значимости данного проекта в контексте актуализации Аристотеля для немецкой философии XIX в. см.: *Громов Р.А. Франц Brentano и ренессанс Аристотеля в немецкой философии XIX века // Brentano Ф. О многозначности сущего по Аристотелю / предисл. издателя Н.А. Печерской, предисл. к изданию Р.А. Громова, пер. с нем. Н.П. Ильина, коммент. Ф. Brentano, А.Г. Чернякова. СПб., 2012. С. XV–LXIII.*

форда, Кембриджа, Лейдена. Первые четыре тома, в которых были представлены основные сочинения Аристотеля, увидели свет в период с 1831 по 1836 г., в целом работа над претенциозным проектом продолжалась более полувека и была закончена в 1870 г.

Одновременно с включением в сферу филологического изучения произведения Аристотеля становятся предметом философского обсуждения. Инициатором пересмотра значимости философии Аристотеля оказался сам Гегель. Известны его слова из лекции по истории философии: «Одна из причин, заставляющих быть пространным при изложении философии Аристотеля, заключается в том, что никакой другой философ не пострадал так, как Аристотель, от несправедливости совершенно бессмысленных традиций, сохранившихся относительно его философского учения и еще и поныне не потерявших своей силы, несмотря на то что он в продолжение многих веков был учителем всех философов; ему приписывают воззрения, составляющие прямую противоположность его действительному философскому учению»⁷¹.

Стремление расчистить наслоения традиции объединяло филологов и философов. Проект по изданию Аристотеля давал широкое поле для филологических и философских исследований, демонстрировавших успешное междисциплинарное взаимодействие, осуществляемое молодым университетом совместно с обновленной Берлинской академией наук. Сочинения Аристотеля, ставшие широко доступными, казалось, идеально подходили для демонстрации принципов нового университета, утверждавшего единство образования и исследования. Работа над корпусом трудов

⁷¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. СПб., 1994. С. 210–211.

Аристотеля была удобным способом для инициации молодых исследователей в сообщество равных.

Слушатели берлинских лекций Гегеля, решившие остаться в сфере научной деятельности, активно принялись осваивать новую область знания. Лидером этого движения стал ученик Гегеля и руководитель прогегелевского «Ежегодника научной критики» (*Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik*) Карл Михелет. Он был одним из первых, кто защитил диссертацию по этике Аристотеля⁷². Квалификационная работа юного гегельянца получила широкую известность, была переведена на французский язык и удостоена премии парижской Академии моральных и политических наук. Таким образом, тема диссертации Тренделенбурга соответствовала кругу интересов самых «продвинутых» молодых философов Берлина.

Интерес Тренделенбурга к античной философии, изначально инспирированный филологами А. Бёком и Г. Рихтером, поощрялся и Гегелем⁷³. Тренделенбург опубликовал несколько рецензий в «Ежегоднике...» Михелета и некоторое время воспринимался как человек, близкий кругу учеников Гегеля. Однако по мере развития философского факультета и усиления внутренней конкуренции расхождение Тренделенбурга с гегелевским кругом делалось все отчетливее. В отличие от диссертации Михелета, вызвавшей неоднозначную оценку в кругу берлинских филологов⁷⁴,

⁷² *Michelet K.L. Die Ethik des Aristoteles in ihrem Verhältnis zum System der Moral. Berlin, 1827.*

⁷³ Диссертационная работа Тренделенбурга *De locis in quibus Aristoteles summam et universam Platonis philosophiam commemoravit* (1826) получила положительный отзыв Гегеля. См.: *Bratuscheck E.C.L. Adolf Trendelenburg... S. 50.*

⁷⁴ Об этом подробнее см.: *Hartung G. Theorie der Wissenschaften und Weltanschauung. Aspekte der Aristoteles-Rezeption im 19. Jahrhun-*

квалификационная работа Тренделенбурга воспринималась как исследование, демонстрировавшее «основательную филологическую и философскую ученость»⁷⁵. В соединении филологии и философии сам Тренделенбург видел альтернативу гегелевской программе.

В 1833 г. Тренделенбург выступил с лекцией по случаю вступления в должность профессора (*Antrittsvorlesung*). Латинский текст лекции не был опубликован, но, по словам биографа Братушека, лекция носила программный характер. Тренделенбург объявил, что «философия и филология должны стремиться представлять общую для них область, задачи обеих отраслей знания должны совпасть в общем организме науки, который представляет отражение (*Gegenbild*) универсума в его развитии. Философия есть собственная сила в этом организме; филология, учительница истории, – поддерживающая и возобновляющаяся энергия в нем». Согласно Тренделенбургу, в то время как филология занимается выявлением законов языка, проводит сравнительные исследования, логика должна основываться на грамматике. Она «возникает при этом как общая область с философской грамматикой; филология также имеет большое значение для философии, так как направляет ее в об-

dert // *Zeitschrift für philosophische Forschung*. Bd. 60. H. 2. Frankfurt a. M., 2006. S. 292–294. Подробнее о преподавательском составе философского факультета Берлинского университета времен Гегеля и динамике его развития в середине XIX в. см.: *Berliner Geist: eine Geschichte der Berliner Universitätsphilosophie bis 1946. Mit einem Ausblick auf die Gegenwart der Humboldt-Universität*. Hrsg. von V. Gerhardt, R. Mehring, J. Rindert. Berlin, 1999.

⁷⁵ Цитата из рецензии в то время декана философского факультета, профессора истории и философии искусств Э.Х. Тёлкена на диссертацию Тренделенбурга. Цит. по: *Bratuscheck E.C.L. Adolf Trendelenburg...* S. 50.

ласть исторической этимологии, так что последняя есть родословная понятий»⁷⁶. По мнению Тренделенбурга, заявленное в программе объединение может быть достигнуто в ходе исследований трудов Аристотеля.

Именно в ходе такого исследования шло формирование новой стратегии философской работы, задавались стандарты издательской деятельности и новое понимание ценности такой работы. Стремление не просто анализировать идеи философа-классика, а включить исследование текстов в актуальную дискуссию Тренделенбург реализовал в рамках работы над логикой, делая античного философа как бы собственным соавтором. Проект, в полной мере реализованный в «Логических исследованиях» (1840) Тренделенбурга, затем нашел продолжение в неокантианской программе.

Публикация фрагментов логических сочинений Аристотеля – не первый опыт Тренделенбурга по изданию текстов Аристотеля. В 1833 г. он издает сочинение Аристотеля «О душе»⁷⁷. Это издание, хотя и не было частью собрания сочинений Аристотеля, издаваемого Берлинской академией наук, хорошо вписывалось в общий замысел берлинских филологов. Из 560 страниц книги греческий оригинал занимал только 109 страниц, остальные четыре пятых книги составляли развернутый филологический комментарий, включавший исследование текстологических разночтений списков, сравнительный анализ фрагментов с учетом всего корпуса аристотелевских текстов, индекс употребляемых Аристотелем терминов. Эта работа оказала значительное влияние на последующее расширение видов исследователь-

⁷⁶ *Bratuscheck E.C.L. Adolf Trendelenburg... S. 77.*

⁷⁷ *Aristotelis de anima libri tres. Ad interpretum graecorum auctoritatem et codicum fidem recognovit commentariis illustravit F.A. Trendelenburg. Jena, 1833.*

ских практик и форм производства философского знания, многие из которых современному академическому философу кажутся естественными, как, например, совмещение филологической и философской практик комментирования классического текста по философии.

Комментируя аристотелевский трактат «О душе», Тренделенбург придерживался филологических правил и не прибегал к процедурам философской интерпретации. Несмотря на то что внимание к терминологии, используемой Аристотелем, было значительно большим, чем этого требовала традиционная для филологов комментаторская работа, сам философский жест Тренделенбурга лежал вне комментария древнегреческого текста. Он состоял в самом факте публикации психологического сочинения Аристотеля. Учение Аристотеля о душе, по мысли Тренделенбурга, могло внести существенный вклад в актуальную дискуссию вокруг активизирующихся исследований по психологии⁷⁸.

«Элементы...», несмотря на то что они представляли собой лишь компиляцию, издавались Тренделенбургом с подчеркнутым филологическим изяществом. Он не только снабдил отобранные фрагменты большими комментариями, но и предложил авторский вариант перевода на латинский язык. В целом работу Тренделенбурга по переводу Аристотеля на латинский язык следует оценивать в контексте дискуссий, возникших в связи с изданием собрания сочинений Аристотеля Берлинской академией наук. Согласно филологической традиции, перевод мог осуществляться с использованием языка-посредника, которым выступала латынь.

⁷⁸ Об интерпретации Тренделенбургом учения о душе Аристотеля и влиянии этого толкования на программу Ф. Brentano см.: *Antonelli M. Seiendes, Bewußtsein, Intentionalität im Frühwerk von Franz Brentano*. München, 2001. S. 33–135.

Более того, авторитетная публикация античных первоисточников обычно сопровождалась латинским переводом, выполненным самим издателем текста. И хотя против такой традиции активно выступил Шлейермахер, участникам издательского проекта удалось настоять на соблюдении правил, и третий, полностью латинский том с обновленными переводами, но без указания переводчика, все-таки вышел⁷⁹.

Публикация латинского перевода давала возможность школьникам знакомиться со спецификой филологической работы, предлагая заняться кропотливой сверкой разночтений разных списков одного и того же фрагмента текста, выяснением наиболее подходящих вариантов конъектур. Построение конъектур часто выступает в «Пояснениях...» к «Элементам...» в качестве примера научной задачи. Стремление Тренделенбурга, с одной стороны, обогатить философское знание филологическими методами, а с другой – расширить филологическое видение посредством философского анализа, еще с большей силой проявилось в законченных в 1842 г. немецкоязычных «Пояснениях к “Элементам логики Аристотеля”».

«Пояснения...» Тренделенбурга к выбранным фрагментам логических сочинений Аристотеля представляют собой нечто среднее между комментариями к философским текстам в духе поздней античности и методическим пособием для учителей. «Пояснения...» выходили далеко за пределы традиционного толкования античного текста; более того,

⁷⁹ Вероятно, обновлением перевода занимался Беккер. См.: Schröder W.A. Immanuel Bekker – der unermüdliche Herausgeber vornehmlich griechischer Texte // Die modernen Väter der Antike. Die Entwicklung der Altertumswissenschaften an Akademie und Universität im Berlin des 19. Jahrhunderts. Hrsg. von A.M. Baertschi, C.G. King. Berlin, 2009. S. 351.

предпринятая Тренделенбургом интерпретация текста Аристотеля позволила представить историческую реконструкцию логического проекта как нормативное знание для актуальной дисциплины. Неясность жанра позволила Тренделенбургу безболезненно нарушить конституирующее новую филологию правило, а именно – жанрово разделять текстологический анализ трактата и его философско-герменевтическое прочтение.

Пропагандируемые в «Элементах...» правила имели целью показать связь древнегреческих терминов с современным философским лексиконом, о чем свидетельствуют ссылки Тренделенбурга на актуальные философские работы И. Канта, А. Твестена и других. Отказ от принятых дисциплинарных подходов во многом определил будущие методологические стратегии. В частности, аналогичный подход был использован в последней трети XIX в. в ходе интерпретации текстов Канта и стал базовой методологией неокантианства. Использование философского ресурса в деле обновления филологического знания, спровоцировав дискуссию вокруг будущего филологии, привлекло внимание другого философа от филологии – Фридриха Ницше⁸⁰.

Интерес к терминологии, к истории отдельных понятий соответствовал заявленной Тренделенбургом философской программе. Важное достоинство своего пособия философ видел в том, что одновременно с освоением логических законов учащиеся смогут осваивать тезаурус философских понятий. Он был убежден, что «почти все наши философские слова, сколько их ни есть, изначально несут в себе аристотелевские следы через посредство латинских пере-

⁸⁰ *Whitman J.* Nietzsche in the magisterial tradition of German classical philology // *Journal of the history of ideas.* 1986. Vol. 47, no. 3. P. 453–468.

водчиков и схоластических комментаторов»⁸¹. Надо сказать, что в своем стремлении использовать философию Аристотеля в качестве материала для школьных пособий, ставящих задачу по усвоению философской терминологии, Тренделенбург был не одинок. Сходный проект разрабатывал Франц Бизе, преподаватель гимназии «Йоахимшталь» в Берлине, написавший книгу «Философия Аристотеля в ее внутренней взаимосвязи при особом внимании к философскому словоупотреблению»⁸². Теоретическое оформление изучения истории лексического и терминологического употребления понятий получило в более поздней работе Тренделенбурга «История учения о категориях» (1846)⁸³. Позже, стараниями Рудольфа Эйслера, эта работа легла в основу самостоятельной исследовательской программы⁸⁴.

Умение читать философский текст, ориентируясь на стандарты филологической работы, становится (и до сих пор остается) одним из центральных профессиональных

⁸¹ Тренделенбург А. Предисловие к первому изданию «Пояснений...» (см.: Наст. изд. С. 98).

⁸² Показательно, что Бизе посвятил свое издание прусскому министру культуры и образования Карлу Альтенштайну, при деятельной поддержке которого проводились неогуманистические образовательные реформы: Biese F. Die Philosophie des Aristoteles in ihrem inneren Zusammenhange mit besonderer Berücksichtigung des philosophischen Sprachgebrauchs. Berlin, 1835.

⁸³ Trendelenburg A. Historische Beiträge zur Philosophie. Bd. 1. Geschichte der Kategorienlehre. Berlin, 1846.

⁸⁴ В данной парадигме работали два ученика Тренделенбурга – Рудольф Эйкен и Рудольф Эйслер: Eucken R. Geschichte der philosophischen Terminologie: im Umriss dargestellt. Leipzig, 1879; Eisler R. Wörterbuch der philosophischen Begriffe und Ausdrücke. Berlin, 1899. Прямую преемственность с проектом Эйслера обнаруживает фундаментальное тринадцатитомное издание: Historische Wörterbuch der Philosophie. Hrsg. von J. Ritter, G. Gabriel. Basel, 1971–2007.

навыков. Значимость такого умения признается на официальном уровне. Об этом свидетельствует добавление к регламенту экзаменационных испытаний претендентов на должность учителей от 1866 г. Новый регламент требовал от будущих учителей средней школы «уметь читать со вниманием и пониманием одно из важнейших философских произведений, на усмотрение экзаменуемого»⁸⁵.

Новое теоретическое основание и стоящие за ним исследовательские практики оказали существенное влияние на характер значительной части дисциплинарного ландшафта немецкой философии. Включение «Элементов...» в практику школьного обучения способствовало существенному обновлению как методики преподавания, так и самого характера философской работы. Такой вид философской работы как коллективное филологическое чтение, был совершенно новым для немецкого философского сообщества 1830-х гг. Именно с обучением по «Элементам...», а также курсами Тренделенбурга в Берлинском университете связано становление семинарских занятий по философии. Сам Тренделенбург более 35 лет вел так называемые «философские упражнения», заключающиеся в чтении и комментировании текстов Платона и Аристотеля. Об инновативности такой формы проведения занятий свидетельствует то, что эта практика долгое время была отличительной чертой главного университета Пруссии⁸⁶. В менее значимых

⁸⁵ Reglement für die Prüfung der Candidaten des höheren Schulamts in Preussen // Zeitschrift für das Gymnasialwesen. Neue Folge. 1867 (1. Jg.). Bd. 1. S. 246.

⁸⁶ «Философские упражнения» Тренделенбурга были настолько популярны, что студенты из других университетов специально приезжали в Берлин. Например, Франц Brentano и Фридрих Паульсен. Последний, посещавший эти занятия в 1868 г., оставил подробные воспоминания об эмоциональной атмосфере этих занятий и препода-

университетах, особенно в тех регионах, в гимназиях которых не было философских занятий, предлагались курсы, основанные на работе с «Элементами...». Так, например, проходили занятия в 1870-х г. в Гёттингенском университете.

Влияние новых стандартов философского образования сложно переоценить. Выработанная методика чтения философских произведений Аристотеля легла в основу неокантовского прочтения кантовского наследия. Предложенные профессиональные нормы работы с текстом оказались релевантными для большинства философских направлений. Так, Файхингер, критиковавший «Элементы» Тренделенбурга за буквоедство, в своей знаковой работе «Комментарии к кантовской “Критике чистого разума”» (1892) пользуется приемами, схожими с теми, которые использовал его предшественник, читая Аристотеля⁸⁷. Влияние программы, провозглашенной Тренделенбургом в речи при вступлении в профессорскую должность в 1833 г., можно заметить и в масштабных проектах XX века по изданию философской классики⁸⁸.

вательских методах Тренделенбурга: Paulsen F. *Aus meinem Leben. Jugenderinnerungen*. Jena, 1909. S. 146–152. Анализ значения историко-философской работы такого рода см.: *Schneider U.J. Produktionsmodalitäten der Philosophie im 19. Jahrhundert. Lehrveranstaltungen in Berlin 1810–1890 // Stil, Schule, Disziplin. Analyse und Erprobung von Konzepten wissenschaftsgeschichtlicher Rekonstruktion (I)*. Hrsg. von L. Danneberg, W. Höppner. Frankfurt a. M., 2005. S. 239–290.

⁸⁷ *Vaihinger H. Kommentar zu Kant's Kritik der reinen Vernunft*. In 2 Bd. Stuttgart, 1881–1892. О том, что жанр «комментариев» к кантовским «Критикам» восходит к «Элементам...» и «Пояснениям...» Тренделенбурга, свидетельствует тот факт, что одно из первых сочинений такого типа было также названо «Пояснения...»: *Kirchmann H.J. Erläuterungen zu Kant's Kritik der praktischen Vernunft*. Berlin, 1869.

⁸⁸ Например, в 1960-е г. работа по изданию собрания сочинений И. Канта также преподносилась как результат успешного междисци-

5. Формальная логика, диалектический метод и логическое наследие Аристотеля

Несмотря на то что «Элементы логики Аристотеля» и «Пояснения...» представляли собой комментированную компиляцию фрагментов логических сочинений Аристотеля, они в полной мере отражали философские воззрения самого Тренделенбурга. Для того чтобы понять, результатом какой философской программы явилось издание «Элементов...», необходимо проанализировать ключевые идеи Тренделенбурга, изложенные в главном сочинении философа – в «Логических исследованиях», и показать, как философия Аристотеля в интерпретации Тренделенбурга оказалась включенной в актуальный для того времени философский контекст⁸⁹.

плинарного сотрудничества и применения новейших технологий. Так, в Боннском университете над индексом к собранию сочинений работали сотрудники философского семинара, отделения фонетики и коммуникативных исследований, а также математического факультета. Последние помогали обрабатывать информацию при помощи компьютеров. *Sachindex zu Kants Kritik der reinen Vernunft / Hrsg. von G. Martin. Berlin, 1967. S. V.*

⁸⁹ Тренделенбург, за которым еще при жизни закрепилась слава неаристотелика, является одной из ключевых фигур этого тренда. Содержательный анализ рецепции учения Аристотеля подробно рассматривался как в начале XX века, так и современными исследователями: *Petersen P. Die Philosophie A. Trendelenburgs. Ein Beitrag zur Geschichte des Aristoteles im 19. Jahrhundert. Hamburg, 1913; Schwartz H. Metaphysik der Naturwissenschaften. Die Aristoteles-Rezeption in Trendelenburgs Logische Untersuchungen // Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption. Bd. 10. Hrsg. von K. Döring, B. Herzhoff und G. Wöhrle. Trier, 2000. S. 131–157.*

Собственная концепция Тренделенбурга развивалась в русле проблем, характерных для современного ему идеализма, одной из главных задач которого был поиск единого принципа, объединяющего объективное (природу, бытие) и субъективное (дух, мышление). Эта проблема, вошедшая в отечественную историографию «как основной вопрос философии», была предметом обсуждения самых разных направлений 1840-х гг. Решение вопроса о соотношении бытия и мышления виделось в постулировании некоего опосредующего элемента. Введение данного элемента в онтологическую конструкцию предполагало изменение эпистемологических представлений, а именно разработку отличной от немецкого идеализма концепции непосредственности⁹⁰.

В своей версии ответа на «основной вопрос» Тренделенбург использует наследие Аристотеля на разных уровнях. Именно с оглядкой на Аристотеля Тренделенбург провозглашает движение в качестве «опосредующего (*vermitteln*) противоположность между мышлением и бытием», а в качестве «нового непосредственного» полагает созерцание. Являясь противоположностями, мышление и бытие обладают созерцанием, которое всецело не принадлежит ни мышлению, ни бытию. Предмет посредством созерцания вводится в мышление (такую деятельность мышления философ называет воспроизводящей (*nachschaffend*)), затем мышление, подчинившись конструктивному движению

⁹⁰ Сходство концептуализации понятия «непосредственность» у таких разных мыслителей, как Тренделенбург, поздний Шеллинг, Фейербах, младогегельянцы и М. Гесс, уже отмечалось известным немецким исследователем Андреасом Арндтом: *Arndt A. "Neue Unmittelbarkeit". Zur Aktualisierung eines Konzepts in der Philosophie des Vormärz // Philosophie und Literatur im Vormärz. Der Streit um die Romantik (1820–1854). Hrsg. von W. Jaeschke. Hamburg, 1995. S. 210–211.*

(*konstruktive Bewegung*), благодаря созерцанию снова приходит к бытию. Таким образом, согласно Тренделенбургу, следует говорить не о тождестве мышления и бытия, а об их обоюдной друг от друга зависимости⁹¹.

Предложенное Тренделенбургом понимание движения и созерцания оказывается близким трактовке этих понятий, представленной в рамках современных философу исследований физиологии зрения, осуществляемых в это время Иоганном Мюллером и его учеником Гельмгольцем. Мюллер, учившийся у Христиана Августа Брандиса, известного филолога-классика, увязывал свои философско-методологические разработки с философией Аристотеля⁹². Данные экспериментов приводили Мюллера к убеждению, что процесс зрения неотделим от формирующих его априорных структур. Такие выводы вполне соответствовали выводам Тренделенбурга о том, что процесс восприятия человеком пространства и времени есть субъективный и одновременно объективный процесс. Это означало утверждение объективного существования мира, который в тоже время понимался и как конструкт человеческой деятельности⁹³.

⁹¹ Подробнее см.: *Trendelenburg A. Logische Untersuchungen. Bd. 1. S. 139–150*; *Тренделенбург А. Логические исследования. Т. 1. С. 122–136*. Разбор аргументации немецкого философа в пользу движения как опосредующего мышление и бытие см.: *Другач Т.Б. Проблема бытия в немецкой философии и современность. М.: ИФ РАН, 2002. С. 136–193*.

⁹² См.: *Müller M. Über die philosophischen Anschauungen des Naturforschers Johannes Müller. Leipzig, 1927*.

⁹³ Проблема интерпретации априорных форм в учении Канта как субъективно-объективных (Тренделенбург) или субъективных (Куно Фишер) стала в 1860-е гг. одной из центральных для становления неокантианского движения. Об этом см.: *Patton L. Hermann Cohen's History and Philosophy of Science. PhD thesis, McGill University, Montreal. 2004. P. 24–51*; *Демин М.П. Право на Канта: к спору Адоль-*

Конструкцию, где мышление и бытие опосредуются движением, Тренделенбург прямо связывал с новым пониманием сущности научной деятельности человека и места философии в ее структуре. Развивающиеся параллельно мышление и бытие должны соединяться в познании, которое понимается как опосредование. Познание оказывается необходимым феноменом, становлением (конструированием) новой реальности в бесконечном круге развития универсума. Среди других наук философия занимает особое положение. Результаты частных наук оказываются фактами философского знания, которое, в свою очередь, должно методологически структурировать множественность научных дисциплин. «В этом смысле, – полагает Тренделенбург, – философия будет не праздным повторением частных наук и не энциклопедической из них выкладкой; на основании логики и метафизики как фундаментальной философии (Fundamentalphilosophie) завершит она всякое познание человеческого рода, имея всегда в виду идею целого, выдвигая вперед силу философских начал в разных его расчленениях и порождая или обуславливая эти начала для второстепенных, подчиненных частностей»⁹⁴.

Утверждение адекватности познания строилось у Тренделенбурга на его убежденности в истинности концепции органического мировоззрения, согласно которой весь мир структурирован как органическое целое, что означает соотнесенность каждой части с целым⁹⁵: «В каждой науке всегда

фа Тренделенбурга и Куно Фишера // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И.Н. Грифцовой, Н.А. Дмитриевой. М., 2010. С. 66–85.

⁹⁴ *Trendelenburg A. Logische Untersuchungen. Bd. 2. S. 419; Тренделенбург А. Логические исследования. Т. 2. С. 442–443.*

⁹⁵ Об идейном контексте концепции органического мировоззрения см.: *Köhnke K.C. Entstehung und Aufstieg des Neukantianismus.*

имеются элементы, которые равным образом принадлежат как части, так и целому или обнаруживают в особенном силу всеобщего. Особый предмет каждой науки представляется как разветвление всеобщего бытия, а своеобразный метод – как особое направление познающего мышления, мышления вообще. Первое из этих отношений ведет от каждой науки к *метафизике*, второе – к *логике*»⁹⁶. Таким образом, для Тренделенбурга «возврат к Аристотелю» означал реабилитацию результатов эмпирических исследований через восстановление утраченного в философии единства логического и онтологического, мышления и бытия и смещение философского интереса к теоретико-познавательной проблематике. Как отметил один из его учеников, Рудольф Эйкен, для Тренделенбурга Аристотель оказывается «метафизическим реалистом»⁹⁷.

Постулирование зависимости философии от частных наук означало отрицание концепции беспредпосылочной логики. Как полагает Тренделенбург, философия не предписывает наукам их принципы, как это было сформулировано Фихте в концепции «наукоучения»; философия сталкивается с практикой научного исследования и, только делая ее предметом своего собственного рассмотрения, приобретает научную легитимность. Поэтому уже во «Введении» к первому изданию «Логических исследований» (1840) Тренделенбург заявляет, что фактами философии являются методы частных наук⁹⁸. Статус философии, разрабатываемой вне

Die deutsche Universitätsphilosophie zwischen Idealismus und Positivismus. Frankfurt a. M., 1986. S. 23–35.

⁹⁶ Тренделенбург А. Логические исследования // Эпистемология и философия науки... С. 209.

⁹⁷ Eucken R. Zur Charakteristik der Philosophie Trendelenburg's // Philosophische Monatshefte. 1884. Bd. XX. S. 352.

⁹⁸ Тренделенбург А. Логические исследования // Эпистемология и философия науки... С. 202.

взаимодействия с науками, Тренделенбург понижает до «схоластики национальных религий»⁹⁹.

Однако новое понимание философии не понижает статус философского знания, а реорганизует всю сложившуюся в рамках немецкого идеализма систему отношений философии и частных наук. «Все дисциплины стоят на основе такой науки и незаметно строятся на предпосылках, познать которые стремится только *она* одна; поэтому такая теория науки (логика в обозначенном широком смысле) является *основной наукой, philosophia fundamentalis*»¹⁰⁰. Фокусирование Тренделенбурга на методологической проблематике наук с установкой на единство наук в их различных формах проявления дает «первую ясную перспективу для обновления философии»¹⁰¹. Логика как наука о методах частных наук должна, согласно Тренделенбургу, не просто констатировать параллелизм форм мышления и бытия, но методологически структурировать множественность наук: «Различные методы в этом смысле говорят об особенных методах частных наук, о методах логики, математики, естествознания, юриспруденции»¹⁰². Фактически, в «Логических исследованиях» предвосхищается деление наук на науки о духе и науки о природе. Несколько позже это деление, но только в более четкой форме, будет озвучено Гельмгольцем в его ректорской речи в Гейдельберге¹⁰³.

⁹⁹ Там же. С. 208.

¹⁰⁰ Там же. С. 214.

¹⁰¹ *Ströker E. Beziehungen der Wissenschaftstheorie zur Erkenntnistheorie im 19. Jahrhundert // Hermann Cohen und die Erkenntnistheorie. Hrsg. von W. Marx, E.W. Orth. Würzburg, 2001. S. 18.*

¹⁰² *Trendelenburg A. Logische Untersuchungen. Bd. 1. S. 9; Тренделенбург А. Логические исследования. Т. 1. С. 10–11.*

¹⁰³ *Гельмгольц Г. Об академической свободе в немецких университетах: пер. с нем. Е. Борисова // Отечественные записки. 2003. № 6.*

Теория науки, или теория познания требует ревизии концепции логики. Отстаивая свою позицию, Тренделенбург избирает стратегию критической ревизии альтернативных концепций. Претензии к оппонентам он излагает в «Логических исследованиях», посвящая первые две главы анализу концепций логики, предложенных его современниками. Первая из них – «формальная логика», представленная работами Августа Твестена и Морица Дробиша, – «хочет понять формы мышления в себе и для себя, не обращая внимания на содержание, которое проявляется в этих формах»¹⁰⁴. По мнению Тренделенбурга, такая логика должна быть ограничена в эпистемологических притязаниях. Вторая – гегелевский диалектический метод – неоправданно «принимается развивать мышление и бытие в их общем единстве»¹⁰⁵.

«Формальная логика» и «диалектический метод» – словосочетания, которые Тренделенбург первым употребил для обозначения теоретических концептов. В предисловии к «Критике чистого разума» Кант разделил логику на общую и трансцендентальную. В отличие от последней «общая логика», «обстоятельно излагающая и строго доказывающая одни только формальные правила всякого мышления»¹⁰⁶, по мнению кёнигсбергского философа, была связана с логикой Аристотеля и представляла лишь вспомогательную дисциплину. Для Фриза и Гербарта также не

URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/ob-akademicheskoy-svobode-v-nemeckih-universitetah>

¹⁰⁴ *Trendelenburg A.* Logische Untersuchungen. Bd. 1. S. 16; *Тренделенбург А.* Логические исследования. Т. 1. С. 18.

¹⁰⁵ Там же. С. 36.; С. 40.

¹⁰⁶ *Кант И.* Критика чистого разума // *Кант И.* Соч. на немецком и русском языках. Т. 2. Ч. 1 / под ред. Б. Тушлинга, Н.В. Мотрошиловой. М., 2006. С. 9.

существовало формальной логики в качестве обособленного логического знания, они предпочитали оперировать терминами «формальная философия» или «наука о формах мышления». Первое употребление словосочетания «формальная логика» встречается в работе Эрнста Рейнгольда «Логика, или Всеобщее учение о формах мышления», где оно используется в контексте гербартианской программы и не имеет концептуальной осмысленности¹⁰⁷. Однако после публикации «Логических исследований» термин «формальная логика» приобретает широкое распространение. В частности, сам Дробиш в последующем издании «Нового изложения логики»¹⁰⁸ неоднократно использует понятие, введенное его критиком.

Главный упрек Тренделенбурга в адрес Гегеля заключается в отрицании последним противоречия в чистом мышлении. По мнению Тренделенбурга, противоречие в мышлении связано с созерцанием. Философ использует понятие созерцания, пытаясь объяснить мышление как содержательный и, вместе с тем, развивающийся процесс. Тренделенбург начинает с «начала» логики, «где мышление не имело бы перед собой ничего, кроме самого себя, и до того пренебрегало бы всяким образом и созерцанием»¹⁰⁹. Критикуя идею разума, Тренделенбург считает, что, если для человека возможно такое чистое мышление, которое само собой определялось бы к бытию, оно было бы божественным¹¹⁰. Такое безусловное чистое мышление Тренделенбург

¹⁰⁷ *Reinhold E.* Die Logik oder die allgemeine Denkformenlehre. Jena, 1827. S. VII.

¹⁰⁸ *Drobisch M.* Neue Darstellung der Logik nach ihren einfachsten Verhältnissen. 3. Aufl. Leipzig, 1863.

¹⁰⁹ Там же. С. 42

¹¹⁰ *Trendelenburg A.* Logische Untersuchungen. Bd. 1. S. 135; *Тренделенбург А.* Логические исследования. Т. 1. С. 120.

называет «логической гордынею». Для автора «Логических исследований» «человеческое мышление живет созерцанием и умирает с голоду, когда вынужденно питаться собственной утробой»¹¹¹. Критикуя Гегеля, Тренделенбург не соглашается с ним в самом важном – в возможности существования чистого разума. Однако на этом автор «Логических исследований» не останавливается. Ему необходимо не только доказать возможность познания, но и найти метод, позволяющий это сделать. Тренделенбург берется показать ограниченность диалектического метода, противопоставив ему метод генетический. Продолжая критиковать Гегеля всё с тех же позиций, Тренделенбург показывает, что категории отрицания, тождества и противоречия оказываются не способными развивать понятие. Генетический подход, как заверяет Тренделенбург, учитывает историю движения вместе с его движущей силой – противоречием. Именно генетический метод, согласно Тренделенбургу, дает нам подлинно адекватное познание действительности, ибо «кто знает, как именно происходит вещь, тот, конечно, ее понял. Тайна познания есть разоблачение тайны происхождения вещей»¹¹².

«Пояснения...» не содержат изложения взглядов Тренделенбурга ни на онтологическое устройство мира, ни на соотношение логики и метафизики. Однако благодаря необычному формату – компиляции фрагментов логических сочинений Аристотеля – именно в этой работе ему удается большее: перевести свою философскую позицию в форму,

¹¹¹ Там же. С. 110. Подробный разбор критики Гегеля Тренделенбургом см.: *Schmidt J. Hegels Wissenschaft der Logik und ihre Kritik durch Adolf Trendelenburg.* München, 1977; *Длугач Т.Б.* Проблема бытия... С. 191–208.

¹¹² *Тренделенбург А.* Логические исследования. Т. 1. С. 85.

пригодную для тиражирования и массового преподавания в средней школе.

В отличие от Канта, утверждавшего в «Критике чистого разума», что «общая логика», фактически завершенная и неизменная со времен Аристотеля, это только канон мысли, средство, позволяющее избежать ошибок¹¹³, Тренделенбург приписывает ей большие возможности в метафизическом исследовании. Именно «общая логика», как он считает, способна избежать ограниченности формальной логики и недостатков диалектического метода. Основанием для утверждения онтологической значимости логических законов стала предложенная Тренделенбургом – по его мнению, вслед за Аристотелем – концептуализация языка. Такое прочтение Аристотеля будет сохраняться в немецкой философии достаточно долго. Так, известный знаток античной философии Вернер Йегер в 1923 г. в программной книге, посвященной Аристотелю, писал: «То, что было доказано Кантом посредством форм созерцания и понятий и служило основанием познания, опыта, науки, имело свои параллели в аристотелевской философии, а именно в логических сочинениях “Органона” предпосылками мышления как единства выступали языковые и логические элементы»¹¹⁴.

Именно тематизирование языкового и логического выражений является центральной идеей «Элементов...» и «Пояснений...». Согласно Тренделенбургу, логическое исследование отличается от грамматического только тем, что грамматика рассматривает суждение в общем смысле, а логика видит смысл суждения в том, «чтобы действитель-

¹¹³ *Кант И.* Критика чистого разума // *Кант И.* Соч. на немецком и русском языках. Т. 2. Ч. 1. С. 9.

¹¹⁴ *Jaeger W.* Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung. Frankfurt a. M., 1967. S. 405–407.

ность представить в мысли»¹¹⁵. Возможность в словах представить действительность Тренделенбург характеризует следующим образом: «Прежде всего, вещи, поскольку они деятельны, действуют посредством своей производящей силы и порождают известные соединения. ...Истина утвердительного и отрицательного суждений является, таким образом, отображением (Gegenbild) того, что соединяется или разобщается в действительности»¹¹⁶. Такой взгляд на единство логики и грамматики не был чем-то особенным и хорошо вписывался в существующие образовательные традиции. Например, согласно концепции Меланхтона, «логические занятия являются завершением грамматических»¹¹⁷. Более того, такое представление было отражено в выделении наряду с частными грамматиками отдельных языков общей, или философской грамматики. Словарная статья «Грамматика» 1820-х гг. дает следующее объяснение природы грамматического знания: «Каждый язык имеет свою собственную грамматику; однако все [грамматики] объединяет общая или философская грамматика, которая, не принимая во внимание какой-то один из имеющихся языков, возводит при этом идеальное здание языка согласно законам мышления и потребностям человеческого духа, что каждым человеческим языком достигается или может быть достигнуто в большей или меньшей степени, но никогда полностью»¹¹⁸.

¹¹⁵ Наст. изд. С. 112.

¹¹⁶ Там же. С. 123.

¹¹⁷ *Weise L.* Die philosophische Propädeutik in dem neuen österreichischen Schulplane // Zeitschrift für das Gymnasialwesen, im Auftrage und unter Mitwirkung des Berlinischen Gymnasiallehrer-Vereins. 1850. 4. Jg. Bd. 1. 1850. S. 215.

¹¹⁸ Allgemeine deutsche Real-Encyclopädie für die gebildeten Stände. Bd. 4. Leipzig: Brockhaus, 1827. S. 808.

В основании ряда лингвистических концепций того времени лежало разделяемое и Тренделенбургом утверждение органицистского устройства мира. Так, Вильгельм Гумбольдт писал: «Как непосредственное проявление органической сущности в ее чувственной и духовной значимости, язык разделяет природу всего органического, где одно проявляется через другое, общее в частном, а целое обладает всепроникающей силой»¹¹⁹. Органицистская концепция, тесно связанная с попытками обнаружить единый логический язык наряду со множеством естественных языков, приобретает вид исследовательской программы в сочинении Карла Фердинанда Беккера «Организм языка»¹²⁰. Именно ему как мыслителю, который «пытался развивать органическое мировоззрение в области языка и оживлял грамматику философским духом», посвящены «Логические исследования»¹²¹.

Языковые конструкции, с точки зрения Тренделенбурга, определяются логической природой языка, который является опосредующим бытие и мышление. Будучи всегда пред-

¹¹⁹ Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию: пер. Г.В. Рамишвили. М., 1984. С. 74.

¹²⁰ Becker K.F. Organismus der Sprache als Einleitung zur deutschen Grammatik. Frankfurt a.M., 1827. Подробнее об этом направлении в языкознании: Schmidt H. Die lebendige Sprache: zur Entstehung des Organismuskonzepts. Berlin, 1986; Kucharczik K. Der Organismusbegriff in der Sprachwissenschaft des 19. Jahrhunderts. Diss. phil., TU Berlin. Berlin, 1995; Арутюнова Н.Д. Логическое направление в языкознании // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 273–275.

¹²¹ Тренделенбург А. Логические исследования // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 24. № 2. С. 205. О тесной связи Тренделенбурга и Беккера свидетельствует и то, что на момент выхода в свет первого издания «Логических исследований» лингвист приходился свекром их автору.

метным и созерцательным, язык развивает из себя мышление. В «Логических исследованиях» Тренделенбург развивает теорию неполного суждения – суждения, где не различается подлежащее и сказуемое, например, «светает», «дойдет». Наличие неполных суждений, согласно философу, доказывает, что мышление носит краткий, глагольный, предикативный характер¹²². В связи с этим Тренделенбург предлагает оригинальную интерпретацию возникновения категорий. Он считает, что категории введены Аристотелем для обозначения предикации в суждении и предложении. Этот тезис вызвал ожесточенные споры¹²³. По мнению Тренделенбурга, значение категорий определяется тем, что «категории представляют наивысшие и последние понятия, которые как таковые дают всем остальным твердую опору и надежный порядок»¹²⁴. Категории образуют основоположения всех понятий и характеризуют их теоретико-познавательную релевантность.

Предложенная в «Элементах...» и «Пояснениях...» концепция языка получает развитие в более поздней работе Тренделенбурга «Лейбницианский проект всеобщей характеристики» (1857). Важно отметить, что именно на нее ссылается Г. Фреге в работе «Понятийное письмо» («Begrif-

¹²² Длугач Т.Б. Проблема бытия... С. 228.

¹²³ Ко времени написания «Логических исследований» в ходе развернувшейся дискуссии о природе категорий сложились три позиции: 1) Тренделенбурга, 2) онтологическая интерпретация Германа Боница и 3) концепция Карла фон Прантля, а затем Отто Апеля, согласно которой категории происходят из суждения и спускаются от неопределенного, потенциального к конкретному, действительному. Интерпретацию Тренделенбурга оспаривали, в частности, Риттер, Целлер, Шпенглер и др.; напротив, правильной ее считал А.О. Маковельский (*Маковельский А.О. История логики. М., 1967. С. 112*).

¹²⁴ *Trendelenburg A. Geschichte der Kategorielehre. Berlin, 1846. S. 2.*

fsschrift») – и это единственная ссылка у Фреге на Тренделенбурга. Сноску на Тренделенбурга он помещает во введение, где сравнивает свое исследование с лейбницианским проектом по созданию «всеобщей характеристики, calculus philosophicus или ratiocinator»¹²⁵. Упомянув логический символизм Лейбница, Фреге заимствует из статьи Тренделенбурга термин «Begriffsschrift», делая его важным понятием своей философии¹²⁶. Кроме этого, Фреге использует критику Тренделенбургом формальной логики. Для Фреге так же, как и для Тренделенбурга, логические формы имеют содержание, однако если для Тренделенбурга логика оказывается еще и онтологичной, то Фреге понимает логику не только как формальную и содержательную, но и как семантическую¹²⁷.

¹²⁵ *Frege G. Begriffsschrift, eine der arithmetischen nachgebildete Formelsprache des reinen Denkens.* Halle a. S., 1879. S. V. Фреге упоминает лишь название книги: *Trendelenburg A. Historische Beiträge zur Philosophie.* Bd. 3. Berlin, 1867. Однако можно с уверенностью сказать, что речь идет именно об указанной выше статье, которая открывает этот том (S. 1–47).

¹²⁶ *Gabriel G. Wie formal ist die formale Logik? Friedrich Adolf Trendelenburg und Gottlob Frege // Friedrich Adolf Trendelenburgs Wirkung.* Hrsg. von G. Hartung und K.C. Köhnke. Eutin, 2006. S. 123–143; *Горбатов В.В. Между Calculus Ratiocinator и Characteristica Universalis: спор двух парадигм в философской логике на рубеже XIX–XX веков // Философский журнал.* 2009. № 2(3). С. 118–132.

¹²⁷ Анализируя содержательное сходство интерпретаций лейбницианской идеи логического языка, предложенных Тренделенбургом и Фреге, немецкий исследователь Готфрид Габриель предположил, что о Тренделенбурге Фреге, который никогда не учился у берлинского философа, мог узнать от Рудольфа Эйкена, ученика автора «Логический исследований» и своего соседа в Йене в период написания «Понятийного письма» (*Gabriel G. Wie formal ist die formale Logik...* S. 125). Принимая во внимание историю преподавания логики в немецких гимназиях, можно также предположить, что с логической концепцией Тренделенбурга Фреге познакомился еще в школьные

Предложенная в «Элементах...» модель логики предполагала как концентрацию на языковом выражении логических законов (на учениях о понятии, силлогизме, определении), так и на индуктивных методах и приемах научного исследования. Наряду со значимостью дедуктивных умозаключений и силлогизмов, среднему термину которых «соответствует в природе реальный фактор порождения вещи»¹²⁸, Тренделенбург утверждает ценность индукции: «Поскольку индукция стремится, исходя из единичного, овладеть общим, она обусловлена чувственным восприятием. Но это последнее дает ей только стимул для отыскания общего, а также тот материал, в котором это общее представляется как наглядно созерцаемое»¹²⁹. Высокая оценка дедукции и индукции позволяет Тренделенбургу фокусировать внимание «Элементов...» и «Пояснений...» на методах научного исследования. Применение логических правил философ иллюстрирует примерами из истории науки. Обращаясь к текстам Евклида, Коперника, к техникам филологического исследования, Тренделенбург демонстрирует возможности утвердительного и отрицательного доказательств, показывает, как следует формулировать гипотезу.

«Элементы...» Тренделенбурга стали в XIX в. самым востребованным учебным пособием по логике. Региональный принцип организации среднего образования давал возможность школам и гимназиям самостоятельно выбирать учебные пособия. Христиан Фридрих Гокель в своем пособии (1839) по логической пропедевтике и «годегетике» (незакрепившийся термин для обозначения методологии наук)

годы, осваивая логику по «Элементам...», которые ценились в Висмарской гимназии (см. сн. 59 наст. статьи).

¹²⁸ Наст. изд. С. 305.

¹²⁹ Там же. С. 268.

дает обзор рекомендованной литературы, вышедшей с 1810 по 1839 г. – в период интенсивных споров об объеме и месте логического знания в структуре философских дисциплин. В обзор вошли двадцать четыре академических и шесть популярных изданий по логике¹³⁰, среди которых было и первое издание «Элементов...» Тренделенбурга (примечательно, что работы Гегеля в этот перечень не вошли). Эти и подобные издания содержали подчас не только различные решения специфических вопросов, но и имели различные тематические структуры. Использованная Тренделенбургом технология филологической работы, а также имплицитно выраженная в «Элементах...» философская программа, ориентированная на соотнесение логического знания с исследованиями в других школьных и университетских дисциплинах, позволили стабилизировать изложение основ логического знания.

6. Элементы логики Аристотеля: русский контекст

Роль «Элементов логики Аристотеля» Тренделенбурга в истории философии заключается не только в сугубо философском значении предложенной немецким философом интерпретации логического наследия античного мыслителя. За функционированием «Элементов...» в философском сообществе стоят определенные исследовательские, педагогические и организационные практики, конституирующие философское знание. Поэтому история перевода, осуществленного русским неокантианцем Борисом Александровичем

¹³⁰ *Gockel Ch.F. Propädeutische Logik und Hodegetik des akademischen Studiums und Lebens. Für Gelehrtenschulen bearbeitet. Karlsruhe, 1839. S. 16–18.*

Фохтом (1875–1946), может быть рассмотрена в перспективе институциональной и профессиональной судьбы философии в России.

Во второй половине XIX – начале XX в. прусская образовательная модель служила ориентиром для большинства стран или была непосредственно ими заимствована¹³¹. Немецкие учебные пособия активно экспортировались и переводились на иностранные языки. Написанные на древнегреческом и латыни «Элементы...» были удобны для распространения в странах, в образовательных системах которых практиковалось углубленное изучение древних языков, так как они не требовали перевода. Известно, что они служили пособиями для университетских занятий в английских, итальянских, североамериканских и российских университетах¹³². В 1881 г. это пособие было переведено на английский язык¹³³.

Немецкие гуманитарные гимназии служили образцом, к которому стремились в России в ходе реформы системы среднего образования при С.С. Уварове. Несмотря на это, программа гимназий Российской империи не всегда отвечала даже базовым установкам копируемого образца. Так, например, из 79 гимназий, которые существовали в России

¹³¹ См.: Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert / Hrsg. von R.C. Schwinges. Basel, 2001.

¹³² *Bratuscheck E.C.L.* Adolf Trendelenburg... S. 82. В России «Элементы...» входили в пособия, по которым в Московском университете в 1890 г. читал курс логики Н.Я. Грот. См.: *Пустарнаков В.Ф.* Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб., 2003. С. 165.

¹³³ См. 2-е издание: *Outlines of logic: an English translation of Trendelenburg's Elementa Logices Aristoteleae.* 2nd ed. / With English notes by R. Broughton. London; Oxford, 1898.

к 1848 г., греческий язык в полном объеме преподавался только в 45¹³⁴. Существенным образом положение дел меняется в 1860-е гг. благодаря пропагандистским и административным усилиям по внедрению классического образования М.Н. Каткова и Д.А. Толстого, бывшего министром народного просвещения с 1866 по 1880 г.¹³⁵

Организация преподавания философских предметов в системе среднего образования Российской империи имела много общего с тем, как эти предметы преподавались в немецкоязычной традиции. Первый «Устав учебных заведений», принятый в 1804 г. и носивший черты образовательной стратегии эпохи просвещения, предполагал изучение философских предметов¹³⁶. Однако уже в 1811 г.

¹³⁴ *Wes M.A. Classics in Russia 1700–1855: Between Two Bronze Horsemen. Leiden; New York; Köln, 1992. P. 173–196.*

¹³⁵ Реализуемая в период острой политической борьбы инициатива Каткова, кстати, автора «Очерков древнейшего периода греческой философии» (1851–1853), спровоцировала бурные общественные дискуссии. См.: *Измestьева Г.П. Споры в российской печати 60-х годов XIX века о классическом образовании // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 157–164; Богданов К.А. Гуманитарий – где, когда и почему: социометрия и (русский) язык // Новое литературное обозрение. 2006. № 5. С. 18–29.*

¹³⁶ Устав предписывал всем гимназиям иметь в штате учителей по философии, изящным наукам и политической экономии, чья нагрузка должна была составлять 20 часов в неделю. «В первом классе по 4 часа в неделю обучает он Логике и Всеобщей Грамматике; во втором классе по 4 часа преподает Психологию и Нравоучение; в третьем классе по 4 часа Эстетику и Риторику; в четвертом по 8 часов, из коих 4 часа обучает Праву Естественному и Праву Народному, а остальные 4 часа Политической Экономии» (Устав учебных заведений, подведомых университетам, 5 ноября 1804 года // Полное собрание законов Российской империи за 1804–1805 гг. Т. XXVIII. СПб., 1830. С. 628.

С.С. Уваров вносит существенные изменения в планы гимназий подведомственного ему Санкт-Петербургского учебного округа. Следуя логике прусских образовательных реформ образования, Уваров предложил исключить философию из гимназической программы, сосредоточив всё внимание на классических языках. Отсутствие философии в школьных программах было закреплено в уставе от 1828 г. Изъятие логики из программ гимназий нужно интерпретировать как следствие дифференциации образовательных программ светских и духовных средних и высших учебных заведений. Так, курсы по логике и психологии оказываются частью обязательной программы семинарий, духовных академий и университетов.

Существенным образом положение логики в гимназиях изменилось после принятия в 1871 г. нового устава, который предполагал преподавание курса логики наряду с преподаванием психологии¹³⁷. К началу XX в. преподавание философских предметов было подкреплено созданием вариативных учебно-методических материалов¹³⁸. Преподава-

¹³⁷ О том, что при введении этих предметов внимательно изучался немецкий опыт, может свидетельствовать подробный обзор практик преподавания философских предметов в немецкоязычных школах, опубликованный в 1875 в «Русском вестнике». Кстати, «Элементарам» Тренделенбурга в нем уделено значительное внимание. *Скворцов Н.Е.* Логика, как пропедевтика философии в гимназиях // *Русский вестник.* 1875. № 1. С. 203–227. Подробнее об истории и социальном контексте преподавания психологии в женских и мужских гимназиях см.: *Byford A.* Psychology at high school in late imperial Russia (1881–1917) // *History of Education Quarterly.* 2008. Vol. 48, no. 2. P. 265–297.

¹³⁸ Не претендуя на исчерпывающую информацию, можно для примера указать лишь несколько изданий: *Струве Г.Е.* Элементарная логика: руководство для преподавания в средних учебных заведениях и для самообразования. 1-е изд. Варшава, 1874; *Боровский И.С.*

ние древнегреческого языка и логики сказалось на подготовке студентов к курсу философии в университете, а впоследствии во многом определило дисциплинарный ландшафт философских наук в целом. Борис Фохт, закончивший Первую московскую гимназию (1885–1894), явился представителем того поколения, которое имело достаточную подготовку, чтобы осуществлять научную деятельность, соответствующую высоким образовательным стандартам.

Важность формирования и поддержания практик, конституирующих профессиональную философскую деятельность, вполне осознается молодым Фохтом. В частности, в официальном обосновании продолжения своей стажировки в 1906–1908 гг. в университете Марбурга Фохт в качестве решающей причины указывает филологический характер философской работы немецких ученых. Он ссылается на то, что оба лидера марбургского неокантианства – Герман Коген и Пауль Наторп – «придерживаются в изучении произведений философской литературы того строгого историко-критического и филологического метода, который уже с 30-х годов истекшего столетия получил особенно широкое распространение и особенно плодотворно проявился в области древней философии – в трудах Брандиса, Целлера и Германа Боница, и в области новой философии (в так называемой Канто-филологии) – в трудах Германа Когена, Г. Файгингера и Бенно Эрдмана)¹³⁹.

В советское время знание языков дает Фохту работу в Институте красной профессуры на философском отделе-

Учебник практической логики: применительно к разбору образцов словесности в средних учебных заведениях. СПб., 1881; *Челпанов Г.И.* Учебник логики: для гимназий и самообразования (1897). 8-е изд. М., 1915; *Введенский А.И.* Логика для гимназий. СПб., 1910.

¹³⁹ Цит. по: *Дмитриева Н.А.* Предисловие // *Фохт Б.А.* Избранное (из философского наследия) / сост., публик. и коммент. Н.А. Дмитриевой. М., 2003. С. 16.

нии¹⁴⁰ в качестве преподавателя древних и новых языков и позволяет заниматься переводческой деятельностью – деятельностью относительно нейтральной в идеологическом отношении. В 1928 г. в разговорах с В.И. Вернадским Фохт с горечью констатировал: «Логика и история философии выброшены из преподавания, ... учение Платона, Канта не изучается»¹⁴¹, «мысли нет – всё в рамках – всё бездарное и мертвое»¹⁴², – и делился своей преподавательской «хитростью»: «Кое-что познается при изучении иностранных языков – чтение отрывков»¹⁴³. Видимо, именно в этой связи Фохт обращается к «Элементам...» и «Пояснениям...» Тренделенбурга, которые удачно выполняли сразу несколько функций: обучали основам логики, знакомили с базовыми философскими терминами и вводили в философию Аристотеля. Фохт принимается за перевод с греческого языка фрагментов из произведений Аристотеля, так что, по видимому, к началу 1933/1934 уч. г. в библиотеке ИКП в распоряжении студентов оказывается машинописный экземпляр текста, на котором значится: «Краткий очерк логики Аристотеля (По подлинным текстам). Перевод с греческого Б.А. Фохт[а]. 1930/33 уч. год. Институт Красной профессуры философии»¹⁴⁴. Названием «Краткий очерк...» Фохт, скорее всего, замаскировал свой перевод аристоте-

¹⁴⁰ Структура Института красной профессуры после ряда реорганизаций к началу 1930-х гг. была представлена семью самостоятельными монодисциплинарными институтами, подчиненными непосредственно Ученому совету ЦИК СССР. См.: *Козлова Л.А.* Институт красной профессуры (1921–1938): исторический очерк // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 96–112.

¹⁴¹ *Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934. М., 2001. С. 59 (6.VIII. 1928).

¹⁴² Там же. С. 63 (7.VIII.1928).

¹⁴³ Там же. С. 60 (6.VIII.1928).

¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. 5205 (ИКПФ). Оп. 1. Ед. хр. 15. 108 л. (машинопись). За предоставление приводимых здесь и далее сведений из архивов благодарю Н.А. Дмитриеву.

левских текстов, выполненный по компиляции, составленной Тренделенбургом. Текстам Аристотеля предшествовало короткое обращение переводчика к читателям: «Товарищи, тех из Вас, которые будут для своих целей пользоваться этим переводом важнейших мест из аристотелевского *Органона*, прошу иметь в виду, что перевод этот еще не обработан и не отделан вполне. Советую читать текст, пропуская то, что стоит в прямых скобках, ибо варианты имеют значение (до окончательной редакции) только для меня, как переводчика, а не для Вас, как читателей. Б.Ф.». В 1935 г. фрагменты из сочинений Аристотеля, отобранные Тренделенбургом для «Элементов...», в переводе Фохта печатаются в хрестоматии античных текстов, выпущенной на правах рукописи под редакцией М.И. Суелина на кафедре истории философии Московского историко-философско-литературного института¹⁴⁵.

Опубликованные на правах рукописи переводы Фохта представляют собой сокращенные и подготовительные варианты текста, сохранившегося в личном архиве ученицы Фохта в 1940-е гг. А.А. Гаревой. К 1937 г. Фохт дополнил весь перевод «Пояснениями...» Тренделенбурга и некоторыми собственными комментариями. Перевод «Элементов...» был выполнен по седьмому изданию 1874 г., а «Пояснений...» – по третьему изданию 1876 г.¹⁴⁶, и вся работа

¹⁴⁵ Отрывки из сочинений Аристотеля по логике: пер. с греч. Б.А. Фохта // Античные философы (тексты): пособие для просеминара к курсу истории античной философии / под ред. М.И. Суелина. На правах рукописи. М.: Издание Московского историко-философско-литературного института, 1935. С. 88–109.

¹⁴⁶ Оба указанных издания этих книг Тренделенбурга сохранились в личной коллекции Б.А. Фохта в библиотеке Института философии Национальной академии наук Украины в Киеве.

целиком получила название «Элементы логики Аристотеля» с указанием на ее автора – Адольфа Тренделенбурга, год – 1937 и место – «Москва, ИКП Философии»¹⁴⁷. Неизвестно, был ли этот вариант также доступен студентам этого вуза, но очень возможно, что был: приблизительно в это время в этом же институте В.Ф. Асмус читал курс формальной логики, и в списке литературы к нему, хотя и не было Тренделенбурга, но значились другие, не менее «махровые» идеалисты: А.И. Введенский, М.И. Каринский, Н.О. Лосский, Х. Зигварт, Б. Кроче, Г. Риккерт¹⁴⁸.

В автобиографии 1937 г. Фохт сообщал: «В настоящее время печатаются мои переводы и комментарии следующих философских произведений: 1) Аристотель. Органон. Том 1 (Об истолковании, Первая и вторая Аналитики)...»¹⁴⁹. Возможно, Фохт надеялся опубликовать и свой объединенный перевод «Элементов...» и «Пояснений...» Тренделенбурга. Но перевод аристотелевских «Аналитик» будет издан только посмертно в 1952 г.¹⁵⁰, а перевод работы «Об истолковании» затеряется.

Идея введения терминов, используемых Аристотелем, в активный научный словарь студентов лежала в основе созданного Фохтом в 1936–1942 гг. «Краткого лексикона важнейших философских терминов, встречающихся в произве-

¹⁴⁷ Личный архив А.А. Гаревой. Машинопись с авторской правкой и вставками от руки на древнегреческом и латинском языках. 252 л., исписаны с одной стороны.

¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. 5205 (ИКПФ). Оп. 1. Ед. хр. 507. Проф. Асмус В.Ф. Программа цикла лекций по формальной логике (машинопись, без даты, дата реконструирована по контексту).

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 5205 (ИКПФ), Оп. 2. Ед. хр. 108. Личное дело Б.А. Фохта. Л. 12. Автобиография (без даты, дата реконструирована по контексту).

¹⁵⁰ *Аристотель. Аналитики. Первая и вторая: пер. с греч.* Б.А. Фохта. М.; Л., 1952.

дениях Аристотеля»¹⁵¹. Асмус, рецензировавший эту работу, отметил, что «лексикон проф. Б.А. Фохта есть не столько словарь философских терминов, встречающихся во всех главнейших сочинениях Аристотеля, сколько словарь *гносеологических* и *логических* терминов философа. Многие чрезвычайно важные понятия *социальной* философии Аристотеля (политико-экономические, социально-политические, исторические, этические, эстетические) *отсутствуют* вовсе. ...В односторонности этой сказываются особенности *принципиальных* взглядов автора – характерное для него, как кантианца, выпячивание логико-гносеологической проблемы в качестве всеопределяющей и всепоглощающей проблемы философии. ...В разработке терминов, вошедших в лексикон, автор постоянно обнаруживает свою приверженность к *идеализму*, обычно в его кантианской постановке. ...Там, где автор дает собственную оценку терминологии Аристотеля, он постоянно тяготеет к *формально-логическому* анализу. ...Простые термины Аристотеля зачастую звучат по-кантиански в передаче проф. Б.А. Фохта»¹⁵². Перечисленных инвектив рецензента в адрес его старшего коллеги было достаточно, чтобы публикация подготовленного текста не состоялась.

Не будет преувеличением сказать, что филологический и философский интерес Фохта к Аристотелю, возникший,

¹⁵¹ Фрагментарно опубликован: *Фохт Б.А. Lexicon Aristotelicum* (Пособие для изучения Аристотеля как в подлиннике, так и в русском переводе). Краткий лексикон важнейших философских терминов, встречающихся в произведениях Аристотеля / публ. и предисл. М.А. Солоповой // Историко-философский ежегодник '97. М., 1999. С. 39–74. В основе этой работы лежал, по-видимому, тоже немецкий образец, сохранившийся в библиотеке Фохта: *Kappes M. Aristoteles-Lexikon. Erklärung der philosophischen termini technici des Aristoteles in alphabetische Reihenfolge*. Paderborn, 1894. 70 s.

¹⁵² Цит. по: *Дмитриева Н.А.* Русское неокантианство: «Марбург» в России: историко-философские очерки. М., 2007. С. 312–313.

по сути, из необходимости удовлетворения учебно-методического дефицита, привел к фундаментальным студиям работ античного классика. Фохтом была собрана внушительная библиотека на древнегреческом, латыни и немецком языках, включавшая как сочинения самого Аристотеля, так и исследовательскую литературу преимущественно немецких авторов. Начиная с 1939 г., Фохт пишет насчитывающую около 800 страниц, но так и оставшуюся не завершённой работу «Об общем характере философии Аристотеля и его метода»¹⁵³.

Несмотря на то что именно философия и классическая филология оказались теми дисциплинами, которые в наибольшей степени пострадали в годы сталинской «культурной революции», обе эти науки продолжали функционировать. Так, в 1930-е гг. осуществляются несколько крупных переводческих проектов: А.В. Кубицкий (1880–1937) переводит «Метафизику» (1934) и «Категории» (1937–1939), В.П. Карпов (1870–1943) – «О частях животных» (1937) и «О возникновении животных» (1940). Фохтовские переводы «Элементов...» Тренделенбурга и «Аналитик» Аристотеля, составление лексикона аристотелевских терминов – проекты, берущие свои истоки в методах комментаторской рабо-

¹⁵³ Подробнее об интеллектуальной биографии Б.А. Фохта см.: *Вашестов А.Г.* Жизнь и труды Б.А. Фохта // Историко-философский ежегодник '91. М., 1991. С. 223–231; *Гарева А.А.* «Фигнер философской Москвы». Борис Александрович Фохт (1875–1946) // Судьбы творцов российской науки / отв. ред. и сост. А.В. Сурин и М.И. Панов. М., 2002. С. 279–287; *Дмитриева Н.А.* Предисловие // *Фохт Б.А.* Избранное (из философского наследия)... С. 5–48; *Дмитриева Н.А.* Русское неокантианство: «Марбург» в России... С. 151–152, 171–173, 288–314; *Дмитриева Н.А.* Образ русского неокантианца в письмах (1905–1909) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2006–2007 [8] / под ред. М.А. Колерова и Н.С. Плотникова. М., 2009. С. 373–399.

ты Тренделенбурга, примененных немецким философом в публикации «О душе» Аристотеля и получивших развернутое обоснование в его «Истории категорий». Будучи учеником Германа Когена, который, в свою очередь, учился у Тренделенбурга, Фохт, очевидно, осознавал интеллектуальную и профессиональную преемственность. Именно эта причастность к исторической традиции¹⁵⁴ с подчеркнутым уважением к профессиональной доблести дает Фохту ощущение автономного существования в агрессивной идеологической среде. В отсутствие санкционированных организационных форм Фохт инициативно продолжал традицию занятий, механизм которых был придуман в Берлинском университете.

Интерес Фохта к пропедевтическим моделям изложения логического (философского) знания XIX в. всего на десять лет опередил массовое восстановление преподавания логики в советских школах в эпоху позднего сталинизма. Хотя идея издания в Советском Союзе перевода «Элементов...» так и не была реализована, в целом эта инициатива может прочитываться как лояльная общим тенденциям советской культуры. Критика Тренделенбургом притязаний формальной логики так или иначе консонировала с идеологически ангажированной кампанией против формализма в логике¹⁵⁵.

¹⁵⁴ Неслучайным кажется совпадение: Фохт заканчивает работу над переводом практически через 100 лет после первой публикации «Элементов...» в Германии, которые вышли в свет поздней осенью 1836 г.

¹⁵⁵ См.: *Hänggi J. Die Entwicklung der Diskussion um die Formale Logik in der Sowjetunion // Studies in East European Thought. 1967. Vol. 7, no. 2. S. 142–153; Бажанов В.А. Формирование и демонтаж идеологического пресса в советском университетском образовании. Метаморфозы логики в СССР // Философский век: альманах. Вып. 30. История университетского образования в России и международные традиции просвещения / отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. Т. 3. СПб., 2005. С. 81–93.*

Позднесталинское возвращение к имперской стилистике способствовало оживлению интереса к классической филологии в начале 1940-х гг.¹⁵⁶ Вероятно, именно эти тенденции культурной политики явились одним из факторов возвращения логики в качестве обязательного предмета в школы и университеты. С 1941 по 1946 гг. Фохт читал курс элементарной логики во всех московских вузах с гуманитарным профилем: в МГУ им. М.В. Ломоносова, в трех педагогических (государственном, городском и областном) и в Литературном институте им. А.М. Горького; участвовал в разработке программ по логике для средней школы¹⁵⁷. Введение в советскую систему среднего и высшего образования преподавания логики и психологии, существовавшего в дореволюционных гимназиях, снова потребовало методического обеспечения. Существует рассказ о том, как в 1941 г. Асмус был вызван лично к Сталину, где ему было дано поручение написать учебник по логике¹⁵⁸. Из-за войны проект по написанию учебника был отложен, и увесистая книга вышла только в 1947 г. Незадолго до своей смерти, последовавшей 3 апреля 1946 г., Фохт закончил *свой* учебник по логике. 15 августа 1947 г. рукопись была подписана «в набор», но вдруг кем-то из рецензентов в тексте были обнаружены следы неокантианского влияния – и после безрезультатных мытарств по инстанциям манускрипт вернулся к автору, вернее, к его вдове¹⁵⁹.

Максим Демин

¹⁵⁶ Богданов К.А. Гуманитарий – где, когда и почему: социометрия и (русский) язык...

¹⁵⁷ Один экземпляр программы, подписанный Фохтом и датированный 5 мая 1942 г., сохранился в личном архиве А.А. Гаревой.

¹⁵⁸ Смирнов В.А. Воспоминания об В.Ф. Асмусе // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 46.

¹⁵⁹ См.: Дмитриева Н.А. Предисловие // Фохт Б.А. Избранное (из философского наследия)... С. 36.

От публикатора и редактора

Машинописный текст перевода с авторской правкой и вставками от руки иноязычных слов и выражений после смерти вдовы Фохта Елены Яковлевны (урожд. Аронсон) (1896–1965) хранился в личном архиве Анны Аркадьевны Гаревой (1918–2002). Первые попытки опубликовать этот перевод были предприняты А.Г. Вашестовым в начале 1990-х гг. Были переведены с немецкого языка предисловия Тренделенбурга к первому и второму изданиям «Пояснений...», началась сверка текста перевода и подготовка комментариев. Но возможность публикации исчезла, и работа по подготовке текста к публикации остановилась.

Мы сердечно благодарим дочь А.А. Гаревой, Наталию Михайловну Морозову, за любезное предоставление текста перевода Б.А. Фохта для публикации. Мы признательны Андрею Григорьевичу Вашестову за разрешение опубликовать его перевод предисловий и сделанные к части текста комментарии, а также Ирине Николаевне Мочаловой за бескорыстную помощь в работе с греческими фрагментами.

Перевод предисловий сверен Н.А. Дмитриевой. Комментарии А.Г. Вашестова и Б.А. Фохта отмечены криптонимами. Подготовка к печати основного текста «Элементов...» и «Пояснений...», а также комментирование осуществлены М.Р. Деминым. Сверка перевода «Пояснений...» выполнены М.Р. Деминым и Н.А. Дмитриевой. Вставки слов, выражений и текстовых фрагментов, сделанные Б.А. Фохтом и носящие уточняющий,

дополняющий или комментирующий характер, отмечены угловыми скобками. В случае, если привнесенные Фохтом слова или выражения были взяты им самим в круглые скобки, эти скобки сохраняются внутри угловых скобок. Общее научное редактирование выполнено Н.А. Дмитриевой.

Издание подготовлено в рамках проекта «Феномен русского неокантианства в контексте русской и европейской философии конца XIX – первой половины XX века» по гранту Президента РФ для поддержки молодых российских ученых – докторов наук (№ МД-4045.2011.6, руководитель – Н.А. Дмитриева).

Максим Демин,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург,
Нина Дмитриева,
Московский педагогический
государственный университет

Адольф Тренделенбург

ПОЯСНЕНИЯ К «ЭЛЕМЕНТАМ ЛОГИКИ АРИСТОТЕЛЯ»

Предисловие к первому изданию

В последние десятилетия целесообразность пропедевтических философских занятий снова ставится под вопрос.

Если обратимся сначала к их истории, то увидим, что они так же стары, как и сами ученые школы¹. Их явно требовали реформаторы, чья мудрая предусмотрительность еще и сегодня чувствуется в устройстве наших гимназий. Лютер видел в логических занятиях восполнение грамматических. В этом смысле он писал: «После того как мальчики достаточно преуспели в грамматике, нужно столько же времени уделить диалектике и риторике». Его сочинение «Обучение инспекторов»² целиком посвящено этой теме.

¹ Ученая школа (Gelehrtenschule) – обозначение средней школы определенного типа, введенной в эпоху Реформации. Наряду с академическими гимназиями (gymnasium academicum) ученая школа служила подготовительной ступенью к университетскому образованию. Реформа системы среднего образования была инспирирована самим Мартином Лютером (1483–1546), существенную роль в реализации новой образовательной программы сыграл сподвижник реформатора Филипп Меланхтон (1497–1560). – *Здесь и далее, если не указано иное, примечания выполнены М.Р. Деминьм.*

² Unterricht der Visitatoren im Kurfürstentum zu Sachsen (1528) и Unterricht der Visitatoren an die Pfarrherren in Herzog Heinrichs zu

В нем в духе Лютера дан общий план нашей протестантской гимназии, озаренный глубоким и просвещенным кругозором Лютера. В наши дни, когда обучение отличается многосторонностью и охватывает все многообразие мира, нам надлежит снова обратиться к словам Лютера и основному тезису его сочинения: «Нельзя обременять бедных детей таким многообразием, для них оно не только неплодотворно, но и вредно». Сегодня нельзя реализовать его совет так же, как триста лет назад, когда мировая история была более скромной и ограниченной, а латинский благодаря церкви был еще мировым языком, и еще не было никаких естественных наук, что ныне так буйно разрослись и все больше сочетаются с практической жизнью, составляя характерную особенность нового времени. Но мы должны, если желаем образования как единства целого, а не рассеянного множества, снова и снова обращаться к словам Лютера и против угрожающего нам рассеяния попытаться собрать силы в тех центрах, исходя из которых дух овладеет далью. Для этого необходимы пропедевтические занятия философией. Лютер это понимал.

Меланхтон лично приложил к этому руку, написав «Риторические элементы» и «Диалектические вопросы», употреблявшиеся даже в католических школах. Так, изданный в Мюнхене в 1569 году школьный регламент категорически запрещал «Меланхтона и протестантов грамматику, диалектику, риторику, физику и подобное, что поныне употребляются в школах».

Sachsen Fürstenthum, gleicher Form der Visitation im Kurfürstenthum gestellt (1539). В последнем из этих сочинений Лютер «убрал и изменил» «некоторые места» первого. Цит. по изд.: Dr. Martin Luthers Sämtliche Schriften / Hrsg. von J.G. Walch. Halle, 1740–1753. Bd. X. Sp. 1969 и след.; сравн. § 136. Вопросы о степени участия Меланхтона в составлении этого руководства мы коснемся ниже. — Авт.

Еще в прошлом столетии такие выдающиеся филологи и педагоги, как Фаччиолати, Гесснер, Эрнести, Виттенбах, писали вводные руководства по философии³.

Однако с преобразованием, которое философия претерпела у Канта, со сменяющимися фазами последующих систем старый подход перестал удовлетворять, а новый не находил определенного и устойчивого признания. Поэтому многие гимназии, не желая более вступать на неустойчивую почву, охотно передали философию целиком университету, тем более что она не находилась в тесной связи с основными дисциплинами гимназий. При растущей и все более сомнительной массе предметов они были рады таким образом избавиться, по крайней мере, от одного, в особенности от такого, для которого трудно найти хорошего учителя. Правда, в прусских гимназиях пропедевтические занятия философией удержались по высочайшему распоряжению, но они не процветали даже и в тех гимназиях, которые по справедливости почитались образцовыми⁴. На философию косо

³ Джакомо Фаччиолати (1682–1769) – итальянский лексикограф, профессор логики в Падуе. Соч.: *Syntagmata* (Padova, 1752), *Fasti gymnasii Patavini* (Padova, 1757); Иоган Матиас Гесснер (1691–1761) – немецкий филолог. Соч.: *Opuscula minora varii argumenti* (1743–1745); Иоган Август Эрнести (1707–1781) – немецкий филолог и теолог, профессор классической филологии в Лейпциге. Соч.: *Opuscula varii argumenti* (Leipzig, 1794); Даниель Виттенбах (1746–1820) – голландский филолог, профессор Атенеума. Соч.: *Praecepta philosophiae logicae* (Amsterdam, 1782). Вероятно, именно эти работы имел в виду Тренделенбург. – *А.В.*

⁴ Речь идет об учебном плане гимназий 1837 г. Этот план в отличие от предыдущего, утвержденного в 1812 г., включал в себя философию. Стандарт 1837 г. просуществовал до 1856 г. Новое положение о перечне и расписании школьных предметов – документ, упомянутый Тренделенбургом во втором предисловии к «Элементарам», – перевел философию из разряда обязательных предметов в разряд предметов, дозволенных к преподаванию.

смотрели и скупое излагали, так что на последнем курсе отведенные ей особо два часа в неделю превращались в наивозможно кратчайший и потому слабый курс, рассчитанный на один-единственный час в неделю. Там, где это происходит, вреда причиняют больше, чем пользы: лишь отбивают вкус к занятиям философией вместо того, чтобы его возбуждать. Половинчатость в этом вопросе тем более опасна, что философия должна учить всё выводить из целого. При такой разорванности эта ее основная черта остается неясна. Было бы лучше открыто отказаться от этой дисциплины, как это делается во многих немецких гимназиях, чем изучать ее для вида и тем самым в действительности ей вредить. При необходимости следует просить у правительства разрешения на это, если нельзя добиться улучшения. Поскольку обучение философии указывает на высочайшее развитие науки, постольку этому обучению должно придаваться достоинство и сила везде, где только молодой дух впервые встречается с этими сферами. Если это невозможно или если задача превосходит регламентированную сферу гимназии, нужно отказываться от половинчатого и чуждого.

Это правда, что подвижные и многообразные направления духа текущего времени требуют от гимназий максимума возможного, и многое гимназии теперь не могут отвергать, если они не хотят отстать от общего развития. В той же пропорции, в какой растут запросы, возрастает и обязанность строже определять свои границы и то, что не годится, устранить из преподавания. Есть ли необходимость исключить философскую подготовку? Да, ее необходимо отклонить, только если преподается исключительно новый материал, не восполняющий и не углубляющий содержание старых предметов, а присоединяющийся к ним как чуждый предмет к чуждым. Поэтому автор в «Элементах логики

Аристотеля»⁵ руководствовался точкой зрения, предусматривающей тесную связь пропедевтических занятий философией с гимназическим курсом.

Очерк важнейших логических положений изложен собственными словами Аристотеля. В результате получился ряд простых и ясных фрагментов, которых достаточно для объяснения и применения при занятиях философской пропедевтикой. Они равно полезны для удовлетворения философских потребностей в области греческой древности и в собственной сфере гимназических занятий, способствуя концентрации на главных предметах обучения.

Логика Аристотеля не устарела. В предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» Кант высказал известную мысль, что со времен Аристотеля логика не позволила себе сделать ни шагу назад, но до сих пор она не смогла сделать и ни шагу вперед. Судя по всему, она кажется законченной в нем и завершенной⁶. В другом месте мы отметили⁷, что это прославленное свидетельство Канта не касается существа логического дела Аристотеля, поскольку формальная логика, логика Канта, в сравнении с аристотелевской делает шаг назад, ведь она – чего Аристотель в его великом замысле никогда не хотел – изолирует формы мышления от всякой связи с предметом, в который мышление вникает. Таким образом, логика Канта полагает, что может рассматривать формы мышления сами по себе и тем

⁵ *Elementa logices Aristoteleae. In usum scholarum ex Aristotele excerptis convertit illustravit F.A. Trendelenburg. Editio quarta retractior. Berolini, 1852. – Авт.*

⁶ *Кант И.* Сочинения на русском и немецком языках. Т. II, ч. 1: Критика чистого разума. 2-е изд. / Подгот. к изд. Н.В. Мотрошиловой, Т.Б. Длугач, Б. Тушлингом и У. Фогелем. М., 2006. С. 9 (В VIII).

⁷ *Trendelenburg F.A. Logische Untersuchungen. Berlin, 1840. Bd. I. S. 18–21. – Авт.*

самым наносит ущерб реальному характеру аристотелевской логики. Мы попытались восстановить ее характер и тем самым приблизить Аристотеля к объективным потребностям нашего времени.

Аристотелевская логика устарела так же мало, как геометрия Евклида или другие научные открытия созидательных греков. Теорема Пифагора и сегодня работает в тригонометрии, используется в математическом анализе при связях величин и опосредует математические успехи, о которых древние и не подозревали. Эллипсы и параболы, представлявшиеся сознанию Архимеда свободной игрой математического рассудка, сегодня имеют огромное значение для исчисления звездных орбит, баллистических траекторий, оптических явлений и т. д., что было для древних еще неизведанной землей. Закон рычага, открытый Архимедом, сегодня применяется в тысячах машин, а также в связи с механическими целями и величинами, до которых древним было далеко и которые составляют область новейших изобретений. Рука, которую Аристотель и Гален изучали как инструмент инструментов, использует и производит сегодня такие инструменты и совершает поэтому такие движения, каких жизнь древних не требовала. Но и теорема Пифагора, и особенности конических сечений, и законы рычага, и принципы умелой руки при этом остались теми же и в новых условиях, в которых они оказались в результате применения, сохранили постоянство своего значения и непреходящую силу; они остаются молодыми, как в те дни, когда впервые удивили дух их великого изобретателя, и от бесконечного усложнения применения становятся только могущественней. В таком же смысле непреходящи и логические законы Аристотеля. Бесконечно умножились предметы наук; открылись новые стороны мироздания; методы с удивительнейшим искусством под-

страиваются под свои объекты, ведь чем старательнее захват, тем надежнее обладание. И несмотря на это, в новых связях и сопряжениях господствуют те же логические законы – они красной нитью неустранимо пронизывают пеструю ткань наук. Это не осознали только потому, что забыли спустить основные логические понятия из абстрактных высот их философской родины на самую арену их деятельности, в конкретную жизнь наук.

В школе каждая из множества дисциплин идет своим путем, грамматика и математика, физика и история, и они образуют многообразие сфер, друг с другом едва соприкасающихся. Платон в свое время уже учел опасность, которой угрожает духу разрозненная масса знаний, хотя науки, постигнутые в их началах, были еще связаны в единое целое. После того как он предписал предметы первоначального обучения, он проводит просто и определенно мысль о том, к чему мы еще и сегодня должны стремиться в ходе философской подготовки. «По истечении этого срока, – пишет он, – начиная с двадцати лет, лучшие юноши должны пользоваться большим почетом сравнительно с остальными, а наукам, *порознь* преподававшимся им, когда они были детьми, должен быть сделан общий обзор, чтобы показать *сродство* наук между собою и с природой существующего. Только такое усвоение знаний будет прочным, и одновременно это – самая главная проверка ума. Кто способен все обозреть, тот – философская натура»⁸. Поскольку же срод-

⁸ В русском переводе этот фрагмент передается так:

«По истечении этого срока, – пишет он, – юноши, отобранные из числа двадцатилетних, будут пользоваться большим почетом сравнительно с остальными, а наукам, *порознь* преподававшимся им, когда они были детьми, должен быть сделан общий обзор, чтобы показать их сродство между собою и с природой бытия.

– Знание будет прочным, только когда оно приобретено подобным путем.

ство основывается на общей логической процедуре, то занятия логикой и могут дать требуемый обзор. Для этого на нижеследующих страницах содержится разнообразный материал по предметам, изучаемым в гимназическом цикле, который подтверждает и демонстрирует на некоторых примерах то, что логические законы Аристотеля обладают незаметной силой связывать и упорядочивать. Тем самым сухие понятия обретут жизнь и признание их большого значения, а также между отдаленнейшими друг от друга знаниями будет установлена общность, которую Платон называет внутренним сродством.

Старая логика обычно добавляла главу «Об изобретениях» (*De inventione*)⁹. Прилагаясь же к субстрату отдельных наук, логические законы гораздо эффективнее стимулируют изобретения, чем это было возможно раньше при помощи абстрактного изложения, – будь то в интересах риторики или науки. В этом смысле занятия логикой должны рассматриваться не как внешнее умножение учебных предметов, а как способ достигнуть того взаимосвязанного единства, которое необходимо сегодня как никогда.

Знакомство с этими основными положениями Аристотеля имеет еще и то преимущество, что философский язык у него оформился в научную терминологию, которая и сегодня образует основание нашего словоупотребления. По-

– И это самая главная проверка, имеются ли у человека природные данные для занятия диалектикой или нет. Кто способен все обозреть, тот – диалектик, кому же это не под силу, тот – нет». См.: Платон. Государство // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 322 (кн. VII, 537bc). – А.В.

⁹ *De inventione* – юношеское сочинение Марка Туллия Цицерона. На русский язык название этого сочинения часто переводят как «О нахождении» («О нахождении материала») или «О подборе материала для речей».

чти все наши философские слова, сколько их ни есть, изначально несут в себе следы аристотелевского источника через посредство латинских переводчиков и схоластических комментаторов. Чтобы правильно понимать такие термины, как «субъект» и «объект», «субстанция» и «акциденция», «потенция» и «акт», «первичное» и «вторичное», «категории» и «силлогистические термины», необходимо изучить их у Аристотеля, который первым ввел их в употребление. Если, как говорится в известной поговорке, «слово на вес золота», то у Аристотеля философские термины еще звонкий металл, который ныне, едва ли осмысленный в своем происхождении, свелся к воображаемой ценности бумажных ассигнаций. Очень важно поэтому с помощью источника познакомиться с их первоначальной значимостью. Здесь греческая филология проясняет наш живой язык, и тем ученику является важный пример греческого влияния.

Аристотель ныне служит предметом спора философских направлений, в который гимназия не должна вовлекаться, – это бесспорное мнение. Более тысячи лет Аристотель определял дух наук, многие элементы его учения по умолчанию заимствованы самыми разными науками. Ему неоднократно выпадала честь выступать источником научного блага, на который с равным уважением ссылались соперничавшие друг с другом течения. Несмотря на то что папа осудил учение аверроистов и александрийцев, оба они коренились в том же Аристотеле, на котором основывалось строгое и величественное здание церковной схоластики. Не согласные друг с другом томисты и скотисты полагали своим базисом Аристотеля. Поэтому Лютер бранил его, называя безбожным оружием папистов, но вскоре и Лютеру открылось его значение, и тот же Аристотель, в свободном духе обновленный Меланхтоном, стал великим наставником в протестантских школах. Два столетия спокойно дли-

лось изучение Аристотеля. Новое время, отмеченное большей самостоятельностью, столь же дивилось изначальной силе его исследовательской, пронизательной мысли. И сегодня отрицающие друг друга направления снова с равной признательностью собираются вокруг Аристотеля. Быть может, в наши дни, когда философские усилия пребывают в раздробленности, он станет новым центром взаимопонимания. Поэтому если гимназия в подготовительных занятиях будет ориентироваться на Аристотеля, она пребудет верной строго современному образованию, открытому мировой истории, в чем заключается ее обязанность, и станет на уровень своего времени, находясь одновременно вне его мимолетных увлечений.

На этом пути гимназия, быть может, внесет существенный вклад в будущее добротного философского образования. В ходе развития новоевропейской науки мы утратили простодушие греков. Представителей естественных наук, увлекшихся искусственным экспериментированием, Гёте решительно призывал к спокойному созерцанию данной вещи, как делали древние. В современной же диалектике понятия насилуются и передергиваются даже решительнее, чем в ходе эксперимента, правда, без большого успеха, вместо того чтобы предоставить свободу действий самой вещи и созерцать ее в них. Тем, что диалектика всегда стремится произвести противоречие и учитывает его лишь для того, чтобы посеять раздор в единстве и утвердить новую вражду, она утрачивает в этом беспокойном процессе покой и величественную простоту, которая столь радует и удивляет нас в Платоне и Аристотеле, и ту невинность античного созерцания, которое откровенно и напрямую обращается к вещи. У Аристотеля в отличие от искусственного аппарата и экспериментирующего с понятиями метода новой диалектики мы повсюду наблюдаем эту греческую простоту.

Исследование у него прямо направленно на вещь, убор рассуждений безыскусственный, а выражения отмечены резкостью и жесткостью лишь потому, что мысли, которым они служат, остаются как бы обнаженными. В этой простоте формы и содержания аристотелевская логика стоит в одном ряду с геометрией Евклида¹⁰. Великая заслуга классической филологии, преподаваемой в гимназии, в том, что, несмотря на прошедшие столетия и тысячелетия, между нашей современностью и народом, выдающимся в мировой истории своим духовным творчеством, нет никакой пропасти; наоборот, через общность с самобытными греками наше образование все время обогащается и животворится новым. В этом античном духе гимназия могла бы организовать и первоначальные занятия философией, чтобы позднее современность с достаточной силой могла проявиться в юношестве.

Автор руководствовался этим общим убеждением при написании очерка аристотелевской логики и теперь прибав-

¹⁰ В 1696 г. Лейбниц в письме к Габриелю Вагнеру «О пользе искусства разума, или логики» говорит: «Конечно, не случайность, что Аристотель свел эти формы в непогрешимые законы и вместе с тем был действительно первым, кто писал математически вне математики» (см.: *Leibniz G.W. Schreiben an Gabriel Wagner. Vom Nutzen der Vernunftkunst oder Logik (XL.b)* // Gothofredi Guillelmi Leibnitii opera philosophica quae exstant latina, gallica, germanica omnia. Edita recognovit e temporum rationibus disposita pluribus ineditis auxit introductione critica atque indicibus instruxit Joannes Eduardus Erdmann. Pars prior. Berolini, 1840. S. 421). Каждому следовало бы прочитать это неустаревшее письмо Лейбница-творца, прежде чем снисходительно отзываться о занятиях логикой. С дидактической проницательностью на великолепном примере там показано, чем молодой Лейбниц обязан занятиям логикой и что эти занятия дают науке. — *Авт.* Этот пример см. по-русски: *Погребысский И.Б. Готфрид Вильгельм Лейбниц. М., 1971. С. 29–30.*

ляет его ко второму изданию составленных пояснений. Следует отметить лишь две особенности, относящиеся, в частности, к учебным занятиям.

В очерках аристотелевской логики необходимо стремиться одновременно к двум весьма часто пересекающимся друг с другом целям – теории и практике. С одной стороны, аристотелевская логика должна быть изложена в своих основных понятиях; с другой – необходимо принять во внимание нужды преподавания и, учитывая их, избегать излишних подробностей, ограничивать целое, не жертвуя при этом точностью и глубиной, и вводить лишь те определения, которые, пережив Аристотеля, представляют ценность и для современных наук. Если исходить из второй точки зрения, конспектируя и смещая, сокращая и упорядочивая, то первую уже нельзя провести во всей строгости. Однако, как стало ясно, одна цель из-за другой существенно не страдает. Ради интереса к достижению исторической полноты книга не должна лишаться практической направленности; и предлагаемые разъяснения должны содействовать практической стороне там, где самодостаточная теория забывает о своем применении.

Те понятия, которые скрыто господствуют во всяком познании, ученик найдет в логике в чистом виде. Поскольку же они имеются там лишь в скрытом виде и теперь являются в своей наготе, постольку кажутся ему сухими и мертвыми. Тут уже нужно педагогическое искусство, чтобы придать им в сознании ученика то значение, которым они обладают. К тому же логические правила необходимо давать не только в отдельности, но и так, чтобы стала ясна их плодотворность в науках¹¹.

¹¹ «Кроме того, признаю, что если логик приводит правила без примеров, это все равно, что хотеть учиться фехтованию только теоретически». *Leibniz G.W. Schreiben an Gabriel Wagner... S. 425. – Авт.*

Если же столь многообразные предметы гимназического преподавания образуют, тем не менее, две большие группы, из которых одна коренится в языках, а другая – в математике, то встает задача обнаружить в обеих этих группах образующую и устрояющую силу логических понятий. Их соответствие удивит и увлечет ученика. Подобренные с этой целью разъясняющие примеры нужны в тексте не для того, чтобы они непосредственно и в этом самом виде были сообщены ученику, а лишь для того, чтобы сделать понятным родство логических положений научным созерцаниям. Проницательный учитель, который имеет представление о своеобразии кругозора своих учеников, сам сможет подобрать из того, что их в данный момент занимает, подходящие примеры, чтобы с их помощью приблизить к сознанию ученика и взаимно укрепить в нем массу научных представлений. Но для того чтобы философское занятие не было обращено против своих собственных принципов, оно должно оказаться в руках такого учителя, который достаточно сведущ в обеих группах дисциплин, чтобы из тех и из других приводить логические примеры. Если в гимназии нет ни одного учителя, могущего в целом обозреть весь корпус дисциплин, будет лучше оставить пропедевтические занятия по философии в покое и даже не пытаться их проводить.

Надлежит также обратить внимание и на такой аспект в манере и ходе занятий. Что целесообразнее: сначала объяснить текст Аристотеля филологически, а затем философски или изучать его в обратном порядке? Первым способом комментируется содержание, но это в меньшей степени мотивирует ученика к тому, чтобы самому находить логические отношения. Поэтому учитель, владеющий предметом, будет поступать наоборот. Сначала независимо от Аристотеля он, исходя из самой вещи, разовьет свободный анализ

ее характеристик, относящихся к соответствующим параграфам, и лишь потом как бы в подтверждение и ради обобщения позволит ученикам прочитать афоризмы Аристотеля. Тогда ученик лучше поймет аристотелевские положения, изумится содержанию ничем не примечательных слов и с большим интересом будет слушать относящиеся к теме исторические разъяснения. Действительнее и целесообразнее переходить от рассматриваемой вещи к связывающему слову, чем наоборот – лишь через связанное слово к вещи. В первом случае у слова сразу имеется значение, во втором – слово легко сужает горизонт вещи. Аналогия с филологическими занятиями должна отступить на задний план перед специфической целью философской пропедевтики. Впрочем, каждый параграф предлагает к рассмотрению три аспекта: терминологию, формальный процесс, который описывается, и значение при употреблении.

Обычно для подготовительных философских занятий наряду с логикой предлагают эмпирическую психологию или даже некоторые разделы из истории философии. Представляется, что обе науки лежат вне сферы гимназического образования. Психология хочет быть наукой – ненаучное же изложение не принесет никакой пользы, а лишь вред: в психологии находят завершение все проблемы природы, ведь они ищут своего разрешения в душе; из психологии исходят все проблемы духовного мира, ведь в человеческой душе он таит свой нежный и могущественный росток. Таким образом, психология стоит в центре философии, но излагать ее пропедевтически очень трудно. Для этой части занятий предлагали использовать, подобно логическим трудам Аристотеля, его книги о душе. Однако они слишком трудные и в некоторых метафизических понятиях слишком глубокомысленные и потому малодоступные для учеников среднего уровня, с которыми приходится иметь дело в старших клас-

сах (Prima). Всякое же изложение истории философии в гимназиях остается фрагментарным. Простой дегустацией нередко портится удовольствие от полноценной еды.

Прусским гимназиям предписано в каждом семестре двухгодичного учебного цикла в старших классах выделять два часа на философскую пропедевтику. По большей части они стоят в учебном плане сиротливо и даже бесполезно. Если же логики достаточно для цели, которую преследуют вводные занятия по философии, а другие философские науки для гимназии не годятся, то здесь можно выиграть время в смысле все более необходимой концентрации, не утрачивая существа дела, а скорее способствуя его укреплению.

Если в зимнем полугодии определить для логики три часа в неделю, то это придаст ей вес и интерес, будет способствовать сосредоточению на ней сил ученика, что позволит ему преодолеть трудности нового предмета. Столь интенсивное изложение ее в одном семестре, как представляется, будет более плодотворным, чем если проводить подготовительные философские занятия распыленно в течение четырех семестров. Особенно это будет работать на руку университетским занятиям, для чего логику можно перенести в самый старший класс (Oberprima), то есть на последний гимназический год. При такой расстановке часов для обычного двухгодичного пребывания учеников в старших классах пять восьмых всего времени, которое ныне отводится на философскую пропедевтику, использовалось бы на пользу дела и могло бы быть добавлено на родственные предметы, например, на немецкую литературу или легкие философские тексты древних – Цицерона или Платона. Если же на логические занятия в каждом семестре отводится всего лишь один час в неделю, и они поневоле растягиваются на несколько семестров, то этим только убивают силу предмета и готовят впервые подступающему к нему

ученику величайшие трудности, которые встречают его к тому же на заключительном этапе учебы. Можно только снова и снова предостерегать от такого жалкого паллиатива.

От этой книжечки не стоит ожидать больше того, что она может дать. Это лишь попытка прокомментировать логику Аристотеля с точки зрения современных наук, изучаемых в наших гимназиях. Поэтому автор воздерживается в ней от собственных соображений, набрасывая их лишь проходя там и сям. Ее краткость извинительна, поскольку она находит свое дополнение и развитие в «Логических исследованиях» автора.

Свое предисловие мы начали с Лютера, стоявшего у истоков истории философского преподавания в гимназии. Поэтому в качестве рекомендации нашего небольшого предприятия нам бы хотелось закончить тоже словами Лютера. «Я могу, – пишет он, – охотно примириться с тем, чтобы оставить книги Аристотеля по логике, риторике, поэтике, или чтобы они, изложенные в *сокращенной форме*, с пользой читались молодежью для упражнений в красноречии и в произнесении проповедей; но комментарии и интерпретации надо упразднить, и, подобно тому как “Риторика” Цицерона читается без комментариев и интерпретаций, так же *единообразно, без таких обширных комментариев* следует читать и “Логика” Аристотеля. Но [в наше время] с их помощью не обучают ни произносить речи, ни проповедовать, а лишь сводят все к диспутам и словопрениям»¹².

Берлин, 12 марта 1842 г.

А. Тренделенбург

¹² Luther M. An den christlichen Adel deutscher Nation (1520) // Dr. Martin Luthers Sämtliche Schriften / Hrsg. von J.G. Walch. Bd. X. Halle, 1744. Sp. 380. – *Авт.* В цитате с некоторыми уточнениями использован перевод Ю.А. Голубкина, опубликованный в кн.: Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства // Лютер М. Избранные произведения / сост.-ред. – А.П. Андрюшкин. СПб., 1994. С. 107. Курсив А. Тренделенбурга.

Предисловие ко второму изданию

С той поры, когда было написано предисловие к первому изданию, логика больше, чем раньше, отошла от участия в гимназическом обучении, особенно в последние пять лет, когда в прусских гимназиях обязанность проводить занятия по философской пропедевтике превратилась в условное разрешение. Множество вторгающихся в учебный план новых предметов продолжают вытеснять из гимназий старые философские занятия.

Когда больше не утверждается изначальная простота латинских школ¹³, когда новые дисциплины борются со старыми за место, тогда при отборе того, что следует принять, а что исключить, нельзя забывать, что *более трудный* предмет не должен уступать более легкому. Трудное формирует; на трудном юный дух упражняется для работы, тогда как с легким – забавляется. Тот, кто преодолевает трудное, выигрывает в легком.

Учреждения, подобные гимназии, работающие над максимально возможным увеличением меры глубокой и основательной образованности в нации, в своих принципах должны придерживаться трудного, если оно важно, а не легкого, даже если оно привлекает приемлемостью и эффективностью. Согласно этому канону, в гимназиях греческий и латинский должны *предшествовать* новым языкам, математика – новой истории. Новое само добьется успеха, как только станет необходимо. На более легком, но при-

¹³ Латинские школы – школы, основанные еще до реформации преимущественно при аббатствах или городских церковных общинах. Они готовили учащихся к духовным профессиям или дальнейшему обучению в университете; преподавание в школах велось в основном на латинском языке. В XIX в. в ходе процесса секуляризации латинские школы были преобразованы в государственные гимназии, в которых помимо латыни большое внимание уделялось обучению древнегреческому языку.

ятном юношество избаловывается. Оно тогда ищет привлекательного, с презрением отвергая простую и грубую домашнюю еду; оно требует тогда – если воспользоваться образом, к которому прибегает Бэкон, чтобы проиллюстрировать антипатию к строгим наукам, – египетских горшков с мясом и испытывает отвращение к манне, хотя она и небесного происхождения¹⁴. Имеются предметы, опасные своей привлекательностью. Нередко, например, занятия по истории немецкой литературы – скорее развлечение, чем обучение, скорее удовольствие, чем серьезная работа, не говоря уже о том, что, пожалуй, даже декламация вырождается в чтение по ролям. Да и нужно ли давать в гимназиях обстоятельное изложение истории немецкой литературы? Ученики, получившие понятие прекрасного и своеобразного от древних, особенно от греков, самостоятельно освоят это в немецком изложении. Понимание нового и национального не составляет для них трудностей. Мы не знаем, излагалась ли история немецкой литературы в таких подробностях, как сегодня, в то время, когда кончали княжеские школы¹⁵ такие немецкие мастера, как Клопшток, Лессинг и Фихте, но мы знаем, что тогда придавали значение занятиям логикой. В реальных школах¹⁶,

¹⁴ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. 2-е испр. и доп. изд. Т. 1 / под ред. А.Л. Субботина. М., 1977. С. 278–279. Бэкон здесь опирается на библейскую притчу о манне небесной (Чис. 11:4-6, Исх. 16:3).

¹⁵ Княжеские школы – вид элитарных учебных учреждений, основанных на территории Саксонии во времена Реформации в середине XVI в. Они предлагали более сложную программу, чем латинские школы, нередко самые талантливые ученики этих школ получали стипендии. Одна из известных школ такого типа – школа Пфорта недалеко от города Наумбурга. Здесь учился поэт Фридрих Готтлиб Клопшток (1739–1745), ее закончили философы Иоганн Готтлиб Фихте (1774–1780) и Фридрих Ницше (1858–1862); в княжеской школе Св. Афра в Мейсене учился Готхольд Эфраим Лессинг (1741–1746).

¹⁶ В отличие от гимназий, ученых и княжеских школ, основными предметами в которых были древние языки, в реальных школах обу-

где греческие классики не изучаются, а с римскими знакомятся лишь в усеченном виде, история немецкой литературы и истолкование немецких классиков гораздо более необходимы. Впрочем, из программ видно, что в реальных школах уже вводятся занятия логикой, пренебрегаемые и отвергаемые гимназиями.

В наше время проявилось стремление сократить время обучения в гимназии. Об этом, например, говорилось в 1849 году на общепрусской конференции учителей в Берлине, причем в угоду реальным школам, которые, мол, стремятся к равному положению с гимназиями, однако их ученики кончают учиться на год раньше, чем в гимназиях. Поэтому предлагалось перейти к девятилетнему курсу обучения с прибавлением или исключением одного года. В то время как в школах вводятся новые предметы, для молодежи сокращают время на их усвоение и вообще время для умственного созревания. Поэтому надо иметь мужество требовать, наоборот, продления пребывания учеников в гимназии на пользу молодым людям, которым, если они задержатся в гимназии, продлится юность – время до того, как они целиком будут поглощены службой; на пользу университетам, которые тем лучше смогут работать и тем выше подняться, чем более зрелыми по возрасту и в научных усилиях будут их студенты; на пользу будущей службы, трехлетняя подготовка к которой сегодня значительно урезана. Последнее в прусских университетах относится особенно к юристам и теологам. Год добровольной военной службы часто отнимает у учащихся на целых два семестра собранность и силу для занятий. У теологов время сокращается к тому же из-за частных уроков, которые они зачастую вынуждены давать, а так как стипендии, как правило, рассчитаны только на трехлетний период, то они лишены

чали прежде всего естественным наукам и математике. Статус реальных школ, ориентированных на подготовку к техническим профессиям, был ниже статуса гимназий и ученых школ.

возможности добавить один свободный семестр. В этих обстоятельствах время университетского обучения сжимается.

Если мы не хотим утратить основательность нашего немецкого образования у представителей церкви и государства и старинную немецкую славу надежного фундамента и вообще любви к науке, будет правильно и разумно не сокращать продолжительность гимназического обучения, а наоборот, удлинить его на определенный период. Кое-что даст уже один дополнительный семестр. Тогда старое, которое признавалось важным столетиями и которому придавали такое внимание реформаторы и Лейбниц, утвердится без всяких трудностей.

Элементарная логика в гимназиях всегда была фундаментом для философских лекций в университете. Когда ее исключают, не нужно удивляться, что в среде, например, молодых теологов снижается воздействие университетского философского образования, как сетуют на публичных собраниях.

Когда предмет, для которого годятся только учителя более высокого и универсального образования, перестает преподаваться в гимназии, вместо того чтобы поднять до соответствующей высоты уровень учителя, который требуется для преподавания этого предмета, тогда научный дух гимназии падает.

По этим причинам автор еще раз вручает этот текст гимназиям с пожеланием следовать сентенции: «Храни, что имеешь».

Второе издание этих «Пояснений» подвергнуто тщательному просмотру, который осуществил поклонник Аристотеля. Исправления и добавления затронули, в частности, § 37, где заново разработано учение о знаках, имеющее важное применение, например, в правоведении для доказательств, основанных на косвенных уликах.

Берлин, 7 ноября 1860 г.

А. Тренделенбург

Перевод с немецкого А.Г. Вашестова

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

Учение Аристотеля о понятии, суждении и умозаключении (дедуктивном силлогизме)¹⁷

§ 1–2

В логике <Аристотеля> в качестве отправного пункта рассматривается, как известно, *суждение*, и прежде всего точно очерчивается и отграничивается его область. <Так, в своем сочинении «О душе» Аристотель говорит: § 1.>

Ἐν οἷς καὶ τὸ ψεῦδος καὶ τὸ ἀληθές σύνθεσις ἤδη νοημάτων ὡσπερ ἐν ὄντων¹⁸.

«Там, где возможна и ложь, и истина, есть уже связь понятий, образующая некоторое единство» (De an. III. 6. 430a27).

Περὶ γὰρ σύνθεσιν καὶ διαίρεσιν ἔστι τὸ ψεῦδος τε καὶ τὸ ἀληθές. τὰ μὲν οὖν ὀνόματα αὐτὰ καὶ τὰ ῥήματα ἔοικε τῷ ἄνευ συνθέσεως καὶ διαίρεσεως νοήματι, οἷον τὸ ἄνθρωπος ἢ λευκόν, ὅταν μὴ προστεθῆ τι· οὔτε γὰρ ψεῦδος οὔτε

¹⁷ Деление текста на отделы и их названия даны Б.А. Фохтом. У А. Тренделенбурга отсутствуют.

¹⁸ Здесь и далее Аристотель цитируется по изданию, осуществленному Иммаунилом Беккером: Aristotelis opera. Ex recensione Immanuelis Bekkeri. Edid. Academia Regia Borussica. Vol. I–II. Berolini, 1831.

ἀληθές πω. σημείον δ' ἐστὶ τοῦδε· καὶ γὰρ ὁ τραγέλαφος σημαίνει μὲν τι, οὐπω δὲ ἀληθές ἢ ψεῦδος, ἐὰν μὴ τὸ εἶναι ἢ μὴ εἶναι προστεθῆ ἢ ἀπλῶς ἢ κατὰ χρόνον.

«Ибо истинное и ложное бывают там, где есть соединение и разъединение, имена же предметов и высказывания о них, взятые сами по себе, т. е. изолированно, подобны понятию, насколько оно стоит еще вне связи или определенного разъединения с другим понятием, как, например, “человек” или “белое”, когда к ним ничего не прибавлено. Ведь в таком виде это еще не ложь и не истина. Обнаруживается это в том, что и “козел-олень” также означает нечто, однако еще не нечто ложное или истинное, пока <(к нему)> безусловно или по отношению к определенному времени не прибавлено, что он существует или не существует» (De interp. I. 16A12).

Ὅστε ἀληθεύει μὲν ὁ τὸ διηρημένον οἰόμενος διηρηῆσθαι καὶ τὸ συγκεείμενον συγκεῖσθαι, ἔψευσται δὲ ὁ ἐναντίως ἔχων ἢ τὰ πράγματα.

«Тот, следовательно, мыслит истинно, кто разделенное <(подразумевается, в действительности, в бытии)> считает разделенным, а соединенное соединенным; напротив, тот мыслит ложно, чьи мысли или понятия стоят в отношении, противоположном тому, которое имеет место между вещами» (Metaph. IX, 10, 1051b3).

<Если теперь принять во внимание, что каждое высказывание, каждое предложение неизбежно что-либо обозначает, то станут понятными слова Аристотеля в его сочинении «Об истолковании», где он буквально говорит следующее: § 2.>

Ἔστι δὲ λόγος ἅπας μὲν σημαντικός, – – ἀποφαντικός δὲ οὐ πᾶς, ἀλλ' ἐν ᾧ τὸ ἀληθεύειν ἢ ψεύδεσθαι ὑπάρχει· οὐκ ἐν ἅπασιν δὲ ὑπάρχει, οἷον ἡ εὐχή λόγος μὲν, ἀλλ' οὐτ' ἀληθῆς οὔτε ψευδῆς. οἱ μὲν οὖν ἄλλοι ἀφείσθωσαν· ῥητορικῆς γὰρ ἡ ποιητικῆς οἰκειότερα ἢ σκέψις, ὁ δὲ ἀποφαντικός τῆς νῦν θεωρίας.

«Всякое предложение служит, правда, обозначению чего-нибудь, ... но не всякое предложение является суждением, а таковым является только то предложение, в котором имеется высказывание об истинном или ложном. Этого рода высказывание, однако, имеет место не во всех предложениях, так, например, молитва есть, правда, некоторое предложение, но такое, которое не является ни истинным, ни ложным. Все другие <, т. е. последнего рода предложения, как то молитва и т. п. в логике,> во внимание не принимаются, ибо их исследование относится скорее к области риторики или поэтики; напротив, суждение составляет подлинный предмет настоящего исследования» <т. е. логики> (De interp. IV. 17a1).

Именно потому, что только истина составляет цель всякого познания, логика должна брать свое начало там, где впервые поднимается вопрос об истине, а это происходит в *суждении*, смысл которого заключается в том, чтобы представить в мысли то, что имеет место в действительности. Этим-то отношением к действительности логическое исследование отличается от грамматического (§ 2), делающего предложение предметом своего рассмотрения в более общем смысле.

Представление, взятое изолированно, то есть без отношения к другому представлению, является само по себе со-

вершенно нейтральным (например, «человек», «белый», «козлообразный олень»), так что если мыслить такое представление в его обособленности, то в нем не будет мыслиться ничего – ни истинного, ни ложного. Но в соединении с предложением (одно только соединение не будет иметь значение), и эта нейтральная обособленность тотчас же исчезнет. В предложении, поскольку оно выражает собой суждение, представления не просто находятся в отношении друг к другу, но в основу этой связи молчаливо полагается мысль о том, что нечто устанавливается и что суждение претендует быть отображением действительности (ср. §1). На это предположение делается намек наклонением (*Modus*), в котором употребляется глагол, служащий предикатом (ср. § 5 – ἄνευ δὲ ῥήματος и др.), да и вообще всеми отношениями речи к лицу говорящему, например, применением указательного местоимения (см. Becker. Organism. 2. Aufl. § 47)¹⁹. Даже мысль о чем-то недействительном (например, о козле-олене) становится истинной, если она высказывается как нечто недействительное (μη ὑπάρχον § 10), например: козлообразный олень не существует.

Уже до соединения и разделения должны <по Аристотелю> существовать элементы, которые могут быть соединяемы и разъединяемы, и что уже до того, как эти соединяемые и разъединяемые в суждении элементы окажутся в соответствии с тем, что соединяется и разъединяется в действительности, должно быть возможным, чтобы эти элементы мысли и сами по себе, т. е. еще до вступления их в сужде-

¹⁹ Беккер, Карл Фердинанд (1775–1849) – немецкий натурфилософ, лингвист и языковед. Автор популярного школьного учебника по немецкому языку. Тренделенбург ссылается на параграф «Грамматические формы, формы мышления и формы созерцания» в кн.: Becker K.F. Organism der Sprache. 2. Aufl. Frankfurt a. M., 1841. S. 166–174.

ние, соответствовали бы вещам, чтобы между теми и другими, элементами мысли и элементами действительности, было в силе некоторое первоначальное соответствие, или, выражаясь иначе, должно быть возможным, чтобы элементы мысли (субъект, предикат; греческ., ὄνομα, ῥῆμα) отображали бы элементы действительности (сущее, деятельность).

Вопрос о том, каким образом происходит и может происходить это усвоение действительности в элементах мысли, представляет собой частью психологическое исследование, частью логико-метафизическое и уже предполагается аристотелевской логикой. И так как каждая наука ограничена своими предпосылками, через которые только и становится понятным ее отношение к другим наукам, то и на уроке [логики] каждая важная предпосылка всего дальнейшего изложения должна быть выдвинута на первый план. Но если здесь, таким образом, и открывается перспектива на дальнейшее исследование, то для первых занятий эту перспективу следует все-таки ограничить, чтобы усвоение элементов логики не утратило своей определенности и не было бы излишне осложнено решением труднейших проблем. Поэтому, как бы ни было привлекательно и заманчиво хотя бы издали указать на более высокие задачи исследования, их все же приходится пока отстранить, ибо они внесут только путаницу, если будут рассмотрены преждевременно. <Вот почему здесь будет достаточно только указать на предпосылку о соответствии элементов мысли элементам действительности, не подвергая ее ближайшему исследованию, тем более что> скептицизм, хотя и оспаривает любую возможность мысленного усвоения действительности, он всегда способствовал лишь все большему уточнению и никогда – отрицанию познания вообще.

§ 3

<Но что же такое сами эти элементы мысли?> В своей обособленности эти элементы суждения, если их мыслить по их общему смыслу, суть основные формы высказывания – *категории*. <Вот что Аристотель буквально говорит об этом:>

Τῶν κατὰ μηδεμίαν συμπλοκὴν λεγομένων ἕκαστον ἤτοι οὐσίαν σημαίνει ἢ ποσὸν ἢ ποιὸν ἢ πρὸς τι ἢ ποὺ ἢ ποτὲ ἢ κείσθαι ἢ ἔχειν ἢ ποιεῖν ἢ πάσχειν. ἔστι δὲ οὐσία μὲν ὡς τύπῳ εἰπεῖν οἶον ἄνθρωπος, ἵππος· ποσὸν δὲ οἶον δίπηχυ, τρίπηχυ· ποιὸν δὲ οἶον λευκόν, γραμματικόν· πρὸς τι δὲ οἶον διπλάσιον, ἥμισυ, μείζον· ποὺ δὲ οἶον ἐν Λυκείῳ, ἐν ἀγορᾷ· ποτὲ δὲ οἶον ἐχθές, πέρυσιν· κείσθαι δὲ οἶον ἀνάκειται, κάθηται· ἔχειν δὲ οἶον ὑποδέεται, ὥπλισται· ποιεῖν δὲ οἶον τέμνει, καίει· πάσχειν δὲ οἶον τέμνεται, καίεται.

«Из того, что высказывается без всякой связи <(т. е. не входит в предложение и не составляет его части)>, каждый элемент означает или “сущность” (субстанцию), или “сколь много” <“сколь большой”> (количество), или “какого свойства” (качество), или “отнесенное к чему-нибудь” (отношение), или “где-либо” (пространство), или “когда-либо” (время), или “лежать” <“находиться”, “положение”>, или “иметь” <(обладание)>, или “делать” <“действовать”>, или “страдать”. Субстанцией будет, если говорить в общем смысле, например, человек, лошадь; для “сколь много” <“сколь большой”> примером будет два <три>

локтя в длину; примером для “какого свойства” <(или качества)> – белый, грамотный <(образованный)>; для “отнесенный <(или относящийся)> к чему либо” – двойной, составляющий половину, бóльший; “где-либо” – например, в лицее, на площади; “когда либо” – вчера, в прошлом году; “лежать” <занимать положение> – например, лежит, сидит; для “иметь” <(обладать)> примером служит “быть обутом”, “вооруженным”; примером для “делать” будет “режет”, “жжет”; для “страдать” – быть разрезаемым или сжигаемым» (Categ. 4. 1b25).

Если *представления*, в своей взаимной связи и *единстве* образующие суждение, будут выделены в качестве *элементов*, т.е. взяты в своей наибольшей, дальнейшему обобщению уже не подлежащей общности, то таким образом возникнут *категории*, т.е. последние формы высказывания.

И так как эти *категории* по всем признакам получены Аристотелем из расчленения *предложения*, то они допускают сравнение их с частями речи, которые, впрочем, во всей своей полноте были установлены только после Аристотеля²⁰. При этом, однако, следует заметить, что если большинство частей речи легко сопоставить и связать с соответствующими категориями, то для *союзов* среди категорий, по-видимому, нет соответствующего им места. Во всяком случае союзы, служащие лишь для расчленения предложений, а не для обозначения их содержания, не относятся к тем понятиям, которые имеют смысл и без связи их в предложении с другими *понятиями* (τῶν κατὰ μηδεμίαν συμπλοκὴν λεγόμενον).

Любое предложение какого-либо писателя, если его расчленить, может послужить поэтому материалом для

²⁰ Представителями стоической школы. – Б.Ф.

отыскания примеров, иллюстрирующих *аристотелевские категории*.

При этом человеческий язык, хотя и представляет собой физическое <(телесное)> выражение наших представлений, является столь же текучим и летучим, как и та стихия <(воздух)>, в которой он находит свое обнаружение: в отличие от других чувственно воспринимаемых явлений, образования языка не могут, как известно, быть фиксированы и удержаны пространственно. Требуется поэтому пронизательное наблюдение, чтобы в море звуков и словесных форм внести известный порядок, в полноту представлений – некоторый постоянный и во всех них повторяющийся закон. Если из сферы грамматического воспитания, ставшего для нас нашей второй природой, сделать попытку жизненно перенестись на точку зрения непосредственного рассмотрения, впервые пытающегося ориентироваться в хаосе звуков и представлений, тогда нам станет особенно ясной грандиозность заслуги пронизательных греков во всей этой области. Не надо забывать, что во времена Аристотеля <аналитическая> расчленяющая грамматика находилась ведь еще только в самой зачаточной стадии своего развития. Поскольку Аристотель впервые основную задачу рассмотрения предложения перенес с выражения его в звуках на значение входящих в него понятий, постольку наука именно ему обязана первой попыткой дать общий обзор всего мира представлений, а это и есть его опыт установления *категорий* – нечто вроде искусственной системы упорядочения естественных продуктов природы <, в данном случае – установления единства и связи в процессе нашей речи как способа выражения представлений (и в них преднамечающихся понятий)>. При помощи этих категорий и их системы человеческий ум мог и должен был ориентироваться прежде всего в себе самом. Но раз такие классы представлений или, точнее, понятий уже были признаны и установ-

лены, они могли затем послужить и быть использованы в целях самого разнообразного исследования отдельных понятий, многочисленные примеры чего мы и находим как у самого Аристотеля, так и у его последователей в течение всего последующего времени, особенно же в эпоху Средневековья. При этом Аристотель не отличал еще, как это впоследствии сделал Кант, первоначальные, или чистые, чувственные *созерцания* от таковых же, т. е. тоже первоначальных, или чистых, понятий рассудка. У Аристотеля понятие субстанции (οὐσία) обнимает в равной мере и пространственно ограниченный индивидуум, и род, познаваемый только в связывающем и объединяющем мышлении. Где и когда – пространство и время – условия чувственного восприятия, они образуют собственные понятия. <Если у Канта *только последние* назывались *категориями*, или основными понятиями рассудка (Stammbegriffe des Verstandes), то у Аристотеля этим термином (категорией) в равной мере обозначались также и пространство и время, т. е. то, что он выражал словами «где» (ποῦ) и «когда» (πότε). Эти условия чувственного восприятия были для него такими же категориями, как и субстанция, хотя и имели у него уже некоторый своеобразный смысл, как бы дополняя собой в сфере конкретного значение и смысл того, что должно было мыслиться в категории субстанции. А именно, у Аристотеля под *субстанцией* (οὐσία) понимается, как известно, с одной стороны, пространственно-ограниченный и даже во времени фиксированный «*вот этот индивидуум*» (τόδε τι), с другой же стороны, всякий вообще вид или род, обозначаемый и фиксируемый как некоторая реальная общность только в сравнивающем и объединяющем мышлении, то есть только в понятии (ἡ κατὰ λόγον οὐσία). К остальным категориям эти аристотелевские «где» (ποῦ) и «когда» (πότε) такого непосредственного отношения, как к субстан-

ции, уже не имеют.> Поэтому в отношении к количеству, качеству и прочим категориям у Аристотеля уже нет речи о таком различении <, которое имеет у него место для категории субстанции: все другие категории, кроме субстанции, не имеют уже у Аристотеля двойного значения в их зависимости от (их) отношения к пространственно-временной фиксации, с одной стороны, или их отношения только к сфере сравнивающего и объединяющего мышления – с другой>. Далее уже здесь следует сделать некоторое, хотя бы и предварительное, указание и на то, как все категории связываются у Аристотеля друг с другом и переходят одна в другую, например, категория отношения <(πρός τι)> может входить у него в сферу количества или в сферу качества или сочетаться с субстанцией. Таковы примеры: двойного, где одновременно полагается и отношение, и количество; или восприятия, которое относительно <(выражает отношение)>, поскольку оно с необходимостью предполагает некоторый объект и в то же время по своей природе есть некоторое качество (ἕξις); наконец, пример господина и слуги, где отношение приурочено к субстанции. И подобным же образом категории положения (κεῖσθαι) или обладания (ἔχειν), или действия (ποιεῖν), или страдания (πάσχειν) связаны с «где» (ποῦ) и «когда» (πότε), т. е. с категориями пространства и времени, которые они несут с собою <или заключают в себе>. Это переплетение категорий и, так сказать, вхождение их одной в другую не составляет еще здесь, т. е. в самом начале логики Аристотеля, настоящей проблемы исследования, но все же оно уже свидетельствует о невозможности подводить то или другое понятие всецело и исключительно под ту или другую категорию, подобно тому, как растения, например, могут быть относимы, каждое со всей определенностью, к тому или иному классу в системе растительного царства (ср. *Trendelenburg. Historische*

Beiträge zur Philosophie. Bd. I. Aristoteles Kategorienlehre. См. особенно с. 184 и след.)²¹.

Во всяком случае, различие высших <основных> форм понятий, провести и установить какое впервое попытался именно Аристотель, составляет необходимую и первейшую ступень в исследовании происхождения и развития этих форм <, подобно тому как различие основных форм продуктов (порождений) природы всегда служило базой и условием возможности понять происхождение и развитие этих продуктов (т. е. отдельных экземпляров животных, растений или горных пород и минералов)>.

А насколько важно и актуально такое исследование <основных форм понятий>, по существу своему совпадающее с решением проблемы о внутренней возможности и источниках познания, об его условиях и составе, видно из того, что решением именно этой проблемы занимается и современная нам философия (ср.: LU I. 275 сл.; LU II. 72 [ЛИ I. 296 и сл.; ЛИ II С.133])²²; Historische Beiträge zur Philosophie. Bd 1. S. 196 ff., часть: «Учение о категориях в истории философии»).

Для начала же при изучении логики достаточно будет и сделанных выше указаний, имевших своей целью установить

²¹ *Trendelenburg A. Historische Beiträge zur Philosophie. In 3 Bd. Bd. I. Geschichte der Kategorienlehre. Berlin, 1846.*

²² «Логические исследования» – главное двухтомное сочинение Тренделенбурга. В «Элементах» существует множество отсылок к данному произведению. «Логические исследования» претерпели три прижизненных издания. В данном тексте все ссылки даны на первое издание: *Trendelenburg A. Logische Untersuchungen, Bd. 1. Berlin, Bethge 1840* (сокр.: LU I); *Trendelenburg A. Logische Untersuchungen, Bd. 1. Berlin: Bethge, 1840* (сокр.: LU II). Дополнительно приводятся соответствующие номера страниц русскоязычного перевода Е.Ф. Корша, который сделан со второго издания, выпущенного в 1862 году: *Тренделенбург А. Логические исследования. Т. 1-2. М., 1868* (сокр.: ЛИ I, ЛИ II).

лишь основную точку зрения на общее значение категорий и способствовать тому, чтобы учащийся мог ближе подойти к усвоению смысла трудной проблемы <, содержащейся в учении о категориях (со времени Аристотеля до наших дней)>.

§ 4–5

<Возвращаясь теперь к прерванному изложению собственно логики Аристотеля, мы видим, что> за установлением понятия суждения ближайшим следующим шагом является проводимое Аристотелем различие суждений на *утвердительные* и *отрицательные*, т. е. учение о так называемом *качестве* суждений <§ 4>.

Ἔστι δὲ εἷς πρῶτος λόγος ἀποφαντικὸς κατὰφασις, εἶτα ἀπόφασις.

«Суждение <предложение> (λόγος ἀποφαντικὸς) есть некоторое единство, понимаемое прежде всего как утверждение, а потом также и как отрицание» (De interp. 5. 17a8).

Κατὰφασις δὲ ἐστὶν ἀπόφανσις τινος κατὰ τινος. ἀπόφασις δὲ ἐστὶν ἀπόφανσις τινος ἀπὸ τινος.

«Утверждение при этом есть положительное высказывание чего-либо одного о чем-либо другом, отрицание же – такое высказывание, в котором чему-либо <(одному)> отказывают в чем-либо <другом>» (De interp. 6. 17a25).

Ὅμοίως δὲ οἱ λόγοι ἀληθεῖς ὡσπερ τὰ πράγματα.

«Суждения поэтому истинны в том же смысле, в каком и вещи» (De interp. 9. 19a33).

<§ 5> Τὸ δ' οὐκ ἄνθρωπος οὐκ ὄνομα· οὐ μὴν οὐδὲ κεῖται ὄνομα ὃ τι δεῖ καλεῖν αὐτό· οὔτε γὰρ λόγος οὔτε ἀπόφασις ἐστίν. ἀλλ' ἔστω ὄνομα ἀόριστον, ὅτι ὁμοίως ἐφ' ὅτου οὖν ὑπάρχει καὶ ὄντος καὶ μὴ ὄντος.

«Не-человек не есть имя²³, и нет никакого <(определенного имени)> названия, которым его следовало бы обозначить <(следует обозначить)>, ибо это не есть ни суждение <предложение>, ни отрицание, но его можно было бы назвать “неопределенным именем”, потому что оно одинаково присуще каждой вещи, будет ли она существующей или несуществующей» (De interp. 2. 16a30).

Ἔσται πᾶσα κατάφασις καὶ ἀπόφασις ἢ ἐξ ὀνόματος καὶ ῥήματος ἢ ἐξ ἀόριστου ὀνόματος καὶ ῥήματος. ἄνευ δὲ ῥήματος οὐδεμία κατάφασις οὐδ' ἀπόφασις.

«Всякое утверждение и всякое отрицание будет состоять <(должно состоять)> или из имени <(существительного)> и глагола, или из неопределенного имени и глагола. Без глагола <(же)> не существует ни утверждения, ни отрицания» (De interp. 10. 19b10).

Сказанное в § 4 прежде всего развивает то, что уже было сказано выше в § 1. Во всяком познании, претендующем на истину, содержится некоторое отношение к вещам (к объекту). Дух стремится воспроизвести в себе мир. Что вещи проявляют в своем действии, то и высказывается о них в суждении. Без такого отношения к вещам не суще-

²³ У Тренделенбурга в «Пояснениях...» далее: «(какой-либо вещи, не есть имя существительное)».

ствуется никакого суждения, но лишь понятия, которые сами по себе совершенно нейтральны; в глаголе же, служащем предикатом, кроме понятия деятельности, заключающегося в самой вещи, находит себе выражение (Modus) и это <(помянутое)> отношение духа к вещам. Поэтому каждое суждение, будучи высказано в предложении, требует глагола.

Прежде всего вещи, поскольку они деятельны, действуют посредством своей производящей силы и порождают известные соединения. Это положительное отношение согласующихся между собой понятий и выражает собой утвердительное суждение. Поскольку же вещи, напротив, разобщаются, постольку и соответствующие понятия отрицаются (отрицательное суждение). Истина утвердительного и отрицательного суждений является, таким образом, отображением того, что соединяется или разобщается в действительности.

Существо вещи есть некоторый производящий (соединяющий) акт. Поэтому утвердительное суждение, если обращать внимание на природу вещи, является первичнее отрицательного суждения, которое только отклоняет <(т. е. отказывает в чем-то)>.

То, что отрицательное суждение соответствует некоторому имеющемуся в действительности разобщению, особенно обнаруживается в таких косвенных доказательствах, в которых сама вещь противится приписанному ей или, в виде пробы, допущенному в отношении ее соединению.

Приведем для пояснения несколько простых примеров, вроде следующих. Углы равностороннего плоского треугольника = 60° . Соединение этих понятий определяется возникновением самой вещи. Но тот же равносторонний треугольник не имеет прямого угла. Ибо в противном случае сумма углов такого треугольника, поскольку они равны между собой, была бы равна трем прямым углам. Природа вещи решительно противится здесь попытке соединения

обоих этих понятий. Аристотель приводит и другой пример (Analyt. Post. I. 2). Диагональ квадрата неизмерима с его сторонами. Геометрическое доказательство у Евклида (Euclid. Element. X. 117)²⁴ показывает то же самое. Поскольку квадрат является равносторонним и прямоугольным (утвердительно суждение о его первоначальном существовании), постольку он только и отличается от ромба и т. д. («это не ромб» – таково вытекающее отсюда отрицательное суждение). Если угодно воспользоваться примером из другой области, то можно взять понятие гласного и установить, чем оно отличается от понятия согласного, – в результате получится, что в самой вещи содержится соединение и разделе-

²⁴ Тренделенбург пользовался немецким переводом Евклида, выполненным И.Ф. Лоренцем еще в XVIII веке *Euklids Elemente, funfzehn Bücher, übersetzt von Johann Friedrich Lorenz, Halle: XVysenhouses, 1781*). В 1824–1825 гг. Й.В. Камерер и К.Ф. Хаубер выпустили первые шесть книг «Начал», дополнив оригинальный текст латинскими переводами и комментариями (*Euclidis elementorum libri sex priores. Graece et latinos commentario et scriptis veterum ac recentiorum mathematicorum et Pfeleidereri maxime illustrati, ed. J.W. Camerer, K.Fr. Hauber 2 Bände, Berlin: Reimer 1824, 1825*). Полное комментированное издание «Начал» было осуществлено Й.Л. Гейбергом и Г. Менге. Они подготовили и издали полное собрание сочинений Евклида в восьми томах (*Euclidis Opera omnia ed. I. Heiberg et H. Menge 8 vols. Leipzig: Teubner, 1883–1916*). С этого издания Д.Д. Мордухай-Болтовский выполнил перевод «Начал» на русский язык (Евклид. Начала. Кн. I–XV: в 3 т. / пер. с греч. и коммент. Д.Д. Мордухая-Болтовского при ред. участии М.Я. Выгодского и И.Н. Веселовского. М.-Л.: Гостехиздат, 1948–1950). Согласно изданию Лоренца, десятая книга Евклида состоит из 117 «предложений», Гейберг и Менге в своем издании десятой книги в качестве принадлежащих Евклиду оставили 115 «предложений», что нашло отражение в переводе Д. Д. Мордухая-Болтовского. Перевод на русский язык 117 «предложений» представлен в издании «Начал», выполненном М.Е. Ващенко-Захарченко: Начала Эвклида с пояснительным введением и толкованиями. Киев: тип. Университета Св. Владимира, 1880. С. 470.

ние, выраженное посредством утвердительного и отрицательного суждения. Поскольку союз обозначает отношение предложений и частей предложения (утвердительное суждение в его первоначальном существе), постольку он, именно вследствие этого, не есть ни существительное, ни предлог (отрицательное суждение о разобщенных областях). Где понятия в качестве частных понятий выводятся из общего, где виды получаются из рода посредством указания видообразующего различия, там в этом последнем <, т. е. в видообразующем различии,> и лежит основание отличающихся друг от друга видов. Например, из параллелограмма посредством определения его сторон как равных, а его углов – как прямых возникает квадрат, именно этим <т. е. равными сторонами и углами> только и отличаясь от прямоугольника, ромба и ромбоида. Отрицание основывается здесь на утвердительном суждении.

Тем не менее для нашего <порождающего свой предмет> познания, которое первоначально происходит на пути от внешнего к внутреннему и наоборот, отрицательное суждение часто возникает раньше, чем утвердительное.

Если отрицание, принадлежащее высказыванию, содержащему в себе некоторое суждение, сливается с понятием, то этим обозначается, что нечто мыслится только в обособлении от некоторого определенного понятия (не-а, не-человек). Но что такое это обособляемое, остается неопределенным. Сделанное предикатом такое неопределенное понятие, собственно говоря, упраздняет самое существо определенного суждения, <(всегда)> содержащего в себе некоторое определение; поэтому появляющееся у новейших логиков²⁵ так называемое *бесконечное суждение*²⁶ не явля-

²⁵ Кант, Фихте, Гегель, Коген. – Б.Ф.

²⁶ Скорее всего, здесь имеется в виду деление суждений, предложенное Кантом в «Критике чистого разума» (§ 9 «О логической

ется равноправным с утвердительными и отрицательными видами суждения.

Пример применения такого «неопределенного имени» дает нам дихотомическое подразделение (*a*, не-*a*). Нечто есть треугольник или не-треугольник, причем под этим последним можно понимать все возможное. Эта неопределенность по умолчанию ограничивается, если наша мысль (об этом не-треугольнике) остается в пределах определенной сферы. Например, треугольники суть или равносторонние, или неравносторонние <(треугольники)>.

§ 6

Отношение суждения к *общему*, *частному* или *единичному* образует то, что впоследствии было названо *количеством суждения*.

Τὰ μὲν καθόλου τῶν πραγμάτων, τὰ δὲ καθ' ἕκαστον· λέγω δὲ καθόλου μὲν ὃ ἐπὶ πλειόνων πέφυκε κατηγορεῖσθαι, καθ' ἕκαστον δὲ ὃ μὴ, οἷον ἄνθρωπος μὲν τῶν καθόλου, Καλλίας δὲ τῶν καθ' ἕκαστον.

«Вещи частью суть нечто общее, частью же – нечто единичное: под общим я понимаю то, что по <(самой)> своей природе может быть высказано о многом, под единичным – то, что не может быть высказано о многом; например, человек относится <(принадлежит)> к общему, Каллий – к единичному» (De interp. 7. 17a 38).

функции рассудка в суждениях»). Кант разделял суждения на утвердительные, отрицательные и бесконечные.

Πρότασις μὲν οὖν ἐστὶ λόγος καταφατικὸς ἢ ἀποφατικὸς τινος κατὰ τινος· οὗτος δὲ ἢ καθόλου ἢ ἐν μέρει ἢ ἀδιόριστος. λέγω δὲ καθόλου μὲν τὸ παντὶ ἢ μηδενὶ ὑπάρχειν, ἐν μέρει δὲ τὸ τινὶ ἢ μὴ τινὶ ἢ μὴ παντὶ ὑπάρχειν, ἀδιόριστον δὲ τὸ ὑπάρχειν ἢ μὴ ὑπάρχειν ἄνευ τοῦ καθόλου ἢ κατὰ μέρος, οἷον τὸ τῶν ἐναντίων εἶναι τὴν αὐτὴν ἐπιστήμην ἢ τὸ τὴν ἡδονὴν μὴ εἶναι ἀγαθόν.

«Суждение есть предложение, которое что-либо о чем-либо утверждает или отрицает, и при том или всеобщим образом, или частично, или неопределенно. При этом всеобщим я называю то, что присуще либо всем вещам <(случаям)>, либо не присуще ни одной <(-му)> из них, частным же – то, что чему-либо присуще, а чему-либо и не присуще <(или: одному присуще, а другому нет)>, неопределенным же – то, что чему-нибудь присуще или не присуще без определения того, присуще ли оно всеобщим образом или частично²⁷, например, что противоположности относятся к одному и тому же познанию или что <(чувственное)> удовольствие не есть благо» (Analyt. Pr. I. 1. 24a16).

Μάλιστα δὲ δῆλον ὅτι ἡ καθόλου κυριώτερα, ὅτι τῶν προτάσεων τὴν μὲν προτέρα ἔχοντες ἴσμεν πως καὶ τὴν ὑστέρα καὶ ἔχομεν δυνάμει, οἷον εἴ τις οἶδεν ὅτι πᾶν τρίγωνον δυσὶν ὀρθαῖς, οἶδέ πως καὶ τὸ ἰσοσκελὲς ὅτι δύο ὀρθαῖς, δυνάμει, καὶ εἰ μὴ οἶδε τὸ ἰσοσκελὲς ὅτι τρίγωνον· ὁ δὲ

²⁷ Так что остается неопределенным, в каком из этих двух значений нужно понимать это присущее. – Б.Ф.

ταύτην ἔχων τὴν πρότασιν τὸ καθόλου οὐδαμῶς οἶδεν, οὔτε δυνάμει οὔτ' ἐνεργείᾳ. καὶ ἡ μὲν καθόλου νοητὴ, ἡ δὲ κατὰ μέρος εἰς αἴσθησιν τελευτᾷ.

«С особенной ясностью преимущественное значение общего суждения <(в доказательстве)> следует из того, что, обладая первым <(более ранним или более общим)>²⁸ из двух суждений, мы, в известном смысле, знаем уже и потенциально владем также и следующим <(вторым или более поздним или менее общим²⁹)>; например, если известно, что во всяком треугольнике сумма углов равна двум прямым, то в некотором смысле, именно потенциально, известно также, что и равнобедренный треугольник также имеет сумму углов, равную двум прямым, даже если и неизвестно, что то, что имеет форму равнобедренности, есть треугольник. Напротив, тот, кто обладает знанием этого последнего суждения³⁰, тот никоим образом не знает еще общего ни потенциально, ни актуально. Общее суждение есть предмет <(чистой)> мысли (ἡ μὲν καθόλου νοητὴ), тогда как частное, в конце концов, сводится к восприятию» (Analyt. Post. 1. 24. 86a22).

Из общего познания суждения, представляющего отношение понятий как отображение отношения между вещами, проистекало ближайшее и первоначальное различие утвердительных и отрицательных суждений (качество).

²⁸ По установившейся терминологии – большая посылка. – Б.Ф.

²⁹ Меньшая посылка. – Б.Ф.

³⁰ Т. е. другой, более поздней, менее общей посылки. – Б.Ф.

В это понятие <(о качестве суждений)> включается новое различие, поскольку вещи, отношение между которыми отображает суждение, являются сами по себе частью общими, частью единичными. При этом существенно, что <(некоторые)> вещи называются общими, а именно такие, понятие которых по <(самой)> своей природе может быть высказано о многих вещах.

Общее можно понять как нечто такое, что возникает только в сравнивающем мышлении. Тогда общее раскрывается <(перед нами)> как произвольное и искусственное образование, в лучшем смысле – как некая аббревиатура <(сокращение)> рассудка. Можно сравнивать, например, букву и снежинку, камень и машину, логическое заключение и цветок, и в столь далеко отстоящих друг от друга вещах все еще находить нечто общее. Полученное таким образом общее есть *только* нечто абстрактное.

Однако общее только тогда действительно правомерно, когда и в самой природе вещей оно познается как первоначальное и в ней действенное. Конечно, это предположение, выводящее нас далеко за пределы элементов логики, однако его можно ближайшим образом пояснить тем, что общее определяется как нечто реальное в родах и видах природы и во всем <(вообще)> живом посредством постоянного размножения. Такого рода общее, по-видимому, и подразумевает Аристотель, когда <вещи> *πράγματα* называет общими, например, человека.

Общее до такой степени представляет собой существо мышления, что язык все, что он высказывает, обозначает как *общее* и лишь постольку выражает единичное как единичное, поскольку связывает его с говорящим, который <(всегда)> есть нечто единичное. Даже Каллий (пример Аристотеля), хотя это и имя собственное, все еще может относиться ко многим. Однако говорящий выходит <(в своей речи)> за пределы средств общего языка, и по-

скольку он Каллия обозначает как *этого* Каллия, ставя его этим в отношении к себе как к единичному, постольку становится понятным и единичное. Сравним треугольник (вообще) и этот данный треугольник (единичный), язык и вот это говорящее лицо, математическое познание и вот это данное лицо, производящее вычисления, – и мы будем иметь нужные примеры для аристотелевского определения.

Если разъясненное понятие включить в суждение, то получится *всеобщее* и *единичное* суждение в зависимости от того, утверждается или отрицается что-либо о таком общем или единичном. В общем суждении не следует, однако, упускать из виду некоторого определения. Так как общее, согласно данному выше объяснению, охватывает многое, то суждение только тогда является общим, когда подразумеваются все предметы <(случаи, события, лица, обстоятельства и т. д.)>, мыслимые в этом понятии. Отсюда форма <(общего суждения)>: «Все люди одарены разумом»; «все плоские треугольники имеют сумму углов, равную двум прямым».

Если же подразумевается только часть того, что понимается под общим, то возникает *частное* суждение, например: «некоторые люди имеют черный цвет кожи», «некоторые треугольники равнобедренные». А так как единичное точно также есть часть того, что объемлется в общем, то в этом смысле Аристотель вправе и *единичные* суждения (частично) включить в частное. Например, «этот треугольник равнобедренный».

В обоих этих случаях мы, поэтому, имеем дело с двоякого рода противоположностью: с общим и единичным, если исходить из понятий, с общим и частным (частично взятым), если определяются суждения. Частное и единичное берутся при этом с двух различных точек зрения. В первом отношении частное, поскольку оно обозначает вид и относится к подчиненному ему единичному, само выступает перед нами как общее; например, суждение: «некоторые

треугольники равнобедренные» имеет значение общего суждения в отношении к единичному равнобедренному треугольнику. Во втором отношении частное, а вместе с ним и единичное, понимаются в его противоположности общему, при этом частное вообще – как часть по сравнению с целым, а единичное – как его самая, как бы сказать, малая и последняя часть.

Эти различные точки зрения, применяемые в делении, которое мы находим у Аристотеля, могут служить тому, чтобы со многих сторон разъяснить взаимные отношения между *общим*, *частным* и *единичным* суждениями. Оба вышеприведенных места должны взаимно дополнять друг друга для выведения этих трех форм.

Аристотель упоминает еще и о *неопределенном* количестве. Оно должно, однако, рассматриваться не как логический род, который выражает некоторую особую мысль, но лишь как обозначение некоторого недостатка, который должен быть устранен во избежание двусмысленности. Это замечание – логическое предостережение против грамматической неопределенности.

Чтобы несколько оживить основную мысль данного параграфа, представляется важным с самого начала обратить внимание на значение общего для познания. Этой цели и служит последний абзац <(см. текст Аристотеля к § 6)>.

Без общего не существовало бы никакого познания. Мы только ощупью двигались бы в сфере единичного <(от одного к другому)> и только самими же вещами направлялись бы на надлежащий путь. Благодаря же общему мы господствуем над вещами. Так, например, в грамматике мы благодаря правилу (πρότασις κυριώτερα) рассматриваем и оцениваем единичное и <(еще)> неизвестные нам случаи в том их виде, как они даются нам вновь в каждый данный момент. Потенциально единичное содержится в этом общем <(т. е. в правиле)>. Кто, например, знает управление

предлога *ad* <(или в немецком языке – *an*)> с винительным падежом, тот тем самым знает уже и выводит отсюда бесчисленные соединения: *ad urbem, ad portam*³¹ и т. д. <(в немецком языке: *an die Wand, an den Rand, ans Fenster* и т. д.)>³². Кто знает закон теоремы бинорма <(бином Ньютона)> для целых и положительных чисел, тот владеет тем самым и единичными потенциями 1, 2, 3, 4 и т. д. для всякого бинорма, правда, не непосредственно, но все же так, что их можно вывести (*δυνάμει* <– потенциально>) из этого закона. В этом и раскрывается сила общего.

По сравнению с этим <(т.е. с познанием общего)> познание единичного остается на втором плане. Тот, кто знает единичное суждение, еще не знает тем самым общего – ни опосредованно, ни непосредственно. Правда, общее есть душа единичного, и поэтому можно сказать, что общее в нем <(т. е. в единичном)> содержится. Однако тот, кто знает только единичное суждение, не знает, произошло ли это суждение из своеобразной природы единичного или из его общего существа. Кто, например, – вернемся к вышеприведенным примерам – знает соединения *ad urbem, ad portam* и т. д. <(в немецком языке: *an die Wand, an den Rand, ans Fenster* и т. д.), еще не знает того, что *ad* (или нем. *an*) управляет исключительно винительным падежом, так как оно (это *ad* или *an*) могло бы управлять, быть может, и другим еще падежом. Кто бинормом возводит во вторую, третью и т.д. потенцию, не имеет в этом еще никакой гарантии общего прогресса <(для общего движения дальше)>. Когда Кеплер узнал, что орбита Марса эксцентрична; он еще не

³¹ Латинский предлог переводится предлогами «к», «до», «в», причем в русском языке – не только в сочетании с винительным падежом: «в город», «к двери».

³² Немецкий предлог, который переводится на русский язык как «на», «до», «к», например: на стену, до края, к окну.

знал этого относительно всех планет. С давних пор стало известно относительно семитских языков, что <(в них)> истоки слов следует искать в глаголах. Но отсюда еще не следовало то же самое для всех остальных языков, и лишь позднее это знание расширилось до всеобщего.

В то время как единичное схватывается восприятием, вследствие чего единичное суждение проистекает из наблюдения, общее, напротив, только мыслится, так как связанное с разграничением сведение единичного к общему, или <(что то же)> порождающее обоснование общего всегда неизбежно выходит за пределы восприятия.

§ 7

Πᾶσα πρότασις ἐστὶν ἢ τοῦ ὑπάρχειν ἢ τοῦ ἐξ ἀνάγκης ὑπάρχειν ἢ τοῦ ἐνδέχασθαι ὑπάρχειν.

«Всякое суждение есть или суждение о действительности, или о необходимости, или о возможности» (Analyt. Pr. I. 2. 25a1).

В этих словах указаны те роды <(виды) суждения>, которые новейшая логика обозначает терминами *ассерторического*, *аподиктического* и *проблематического* суждения. Выступающие в них *модальные* категории суждения, которые связываются с предшествующими определениями³³, здесь должны быть просто приняты, ибо их выведение затронуло бы труднейшие метафизические вопросы. То необходимое, к чему, как к своему утверждению, стремится всякое логическое действие, будет подробнее определено в дальнейшем. Здесь будет достаточно наглядно показать, в каком смысле эти три формы суждения обозначают раз-

³³ Имеются в виду качество и количество. — Б. Ф.

личные ступени познания. Возьмем для сравнения какое-нибудь грамматическое отношение. Например, вот этот союз $\grave{\text{u}}\alpha$ (нем. *damit*) в данном месте управляет конъюнктивом <(сослагательным наклонением)>. Суждение действительности связывается в данном случае с *восприятием* единичного. Но затем, после сравнения различных мест текста, оказывается возможным сказать, что союз $\grave{\text{u}}\alpha$ (нем. *damit, auf dass*) может требовать после себя как опатива <(желательного наклонения)>, так и конъюнктива <, а нем. *damit* и *auf dass* в известных случаях даже индикатива (изъявительного наклонения)>. *Рефлексия* выходит за пределы восприятия, всегда привязанного к единичному, но переходит при этом лишь в неопределенное суждение возможности. Наконец, исследуют природу опатива и конъюнктива вообще, сопоставляя с этим <(фактическое)> употребление $\grave{\text{u}}\alpha$ <(damit, auf dass в немецком)>, и устанавливают правило: «после исторических времен за $\grave{\text{u}}\alpha$ должен стоять опатив, после же абсолютных времен – конъюнктив». Исключения лишь подтверждают при этом основные правила. Ограничивающее понятие, входящее здесь в основание самого существования дела, обуславливает в нем суждение необходимости <, выраженное правилом>. Или возьмем для сравнения исторические суждения, например: «свобода Рима стала во времена Юлия Цезаря приходить в упадок» или «свобода Рима во времена Юлия Цезаря должна была придти в упадок». Или вспомним, наконец, о доказывающих положениях математики. Во всех таких случаях всегда легко будет распознать три ступени познавательного процесса: <1)> восприятия, привязанного к единичному факту, <2)> сравнивающей рефлексии и, наконец, <3)> обосновывающего понятия. В некоторых случаях приходится при этом делать различие лишь в выражении. Математическое положение выражает-

ся обыкновенно в форме чего-нибудь действительного: в плоских треугольниках сумма углов равна двум прямым. И тем не менее логическая ценность этого положения, поскольку оно доказано, стоит на ступени необходимости.

§ 8

Ἄπάντων δὴ τῶν ὄντων τὰ μὲν ἐστὶ τοιαῦτα ὥστε κατὰ μηδενὸς ἄλλου κατηγορεῖσθαι ἀληθῶς καθόλου, οἷον Κλέων καὶ Καλλίας καὶ τὸ καθ' ἕκαστον καὶ αἰσθητόν, κατὰ δὲ τούτων ἄλλα (καὶ γὰρ ἄνθρωπος καὶ ζῶον ἐκάτερος τούτων ἐστὶ). τὰ δὲ αὐτὰ μὲν κατ' ἄλλων κατηγορεῖται, κατὰ δὲ τούτων ἄλλα πρότερον οὐ κατηγορεῖται· τὰ δὲ καὶ αὐτὰ ἄλλων καὶ αὐτῶν ἕτερα, οἷον ἄνθρωπος Καλλίου καὶ ἀνθρώπου ζῶον. ὅτι μὲν οὖν ἓνια τῶν ὄντων κατ' οὐδενὸς πέφυκε λέγεσθαι δῆλον· τῶν γὰρ αἰσθητῶν σχεδὸν ἕκαστόν ἐστι τοιοῦτον ὥστε μὴ κατηγορεῖσθαι κατὰ μηδενός.

«Из всего, что обладает бытием, одно таково, что оно ни о чем другом не может быть высказано действительно <(все)>общим образом, например, Клеон, Каллий, как и вообще всё единичное и чувственно воспринимаемое; между тем как <(нечто)> другое может быть о нем высказано (ибо каждый из них, т. е. и Клеон, и Каллий, есть и человек, и живое существо). Другое, напротив, таково, что само оно о другом высказывается, другое же о нем раньше <(до того, перед тем)> не высказывается; <(еще)> другое, наконец, таково, что и оно высказывается о другом, и другое – о нем, как то о Каллии – человек, а живое суще-

ство – о человеке. А что некоторое из того, что обладает бытием, по <(самой)> своей природе не может быть ни о чем высказано, это очевидно, ибо из чувственно воспринимаемых вещей почти каждая такова, что ни о чем не может быть высказана» (Analyt. Pr. I. 27. 43a25).

Τὰ μὲν γὰρ γένη κατὰ τῶν εἰδῶν κατηγορεῖται, τὰ δὲ εἶδη κατὰ τῶν γενῶν οὐκ ἀντιστρέφει.

«Роды высказываются о видах, виды же о родах (наоборот) не могут быть высказываемы» (Categ. 5. 2 b 20).

Приведенные в этом параграфе места <из «Первой Аналитики» и «Категорий»> имеют своей целью дать понятие о *внутренних отношениях* представлений, содержащихся в суждении. Субъект по сравнению с высказыванием о нем³⁴ представляет собой нечто самостоятельное, что должно быть понято в своей деятельности или в своем существовании. Таким самостоятельным началом прежде всего является единичное (Каллий, Клеон), затем род или вид (человек), мыслимый как единичное бóльших размеров.

Предикат схватывает это самостоятельное в его деятельности или в его сущности и вследствие этого становится более общим, например: «рыбы дышат», «ртуть текуча», или, по крайней мере, имеющим одинаковый объем с субъектом. Последнее отчасти имеет место там, где единичное, оставшееся до того неопределенным, получает определение, например: «приближающийся есть Каллий», «этот оратор – Демосфен», частью же там, где сущность объясняется со всей полнотой или же определяется каким-либо <(все другое)> исключительным своеобразным признаком. Для пояснения можно взять предложение – например, теорему

³⁴ То есть по сравнению с предикатом. – Б.Ф.

Пифагора, – высказывающее <(о субъекте)> некое специфически присущее ему свойство.

Соответственно этому понятия, означающие роды и виды, например, «человек», будут обладать такими свойствами, что в качестве предиката они частью будут определять нечто другое, частью же сами будут определяемы посредством предикатов. Если же понятия становятся настолько общими, что по отношению к ним нет уже ничего более общего, что бы их определяло, то тогда они в противоположность единичному (индивидуальному), составляющему *одну* границу, представляют собой другую границу и, не будучи в состоянии быть субъектом категорического суждения, являются уже только предикатом. Аристотель имеет при этом в виду помимо субстанции девять остальных категорий (см. § 3) и этот случай отмечает как второй. «Другое же, правда, таково, что само оно о другом высказывается, другое же о нем раньше» – т. е. так, чтобы нечто более общее в качестве определения или элемента определения ему предшествовало, – «не высказывается» (Categ. 2. 5).

Из этого общего отношения следует, что род может быть высказан о своем виде, так как выражает его существо; вид же не может быть высказан о роде, так как вид не исчерпывает существа рода. Говорят, например, что квадрат (вид) есть параллелограмм (род); предлог (вид) есть служебное слово (род). Но не наоборот. В суждениях возможности вид (более узкое понятие), по-видимому, чаще является предикатом. Например, параллелограмм (род, более широкое понятие) может быть квадратом (вид, более узкое понятие), служебное слово может быть предлогом. В этом случае имеет место что-либо одно: или предикат должен определять неопределенный субъект, так что субъект только выражается более общим понятием, а на самом деле мыслится не как более широкое, но по большей части даже как более узкое понятие. Сравните, например: «этот параллело-

грамм есть квадрат»; или же это выражение равнозначно частному суждению, например, если сказать: «параллелограмм может быть квадратом» или «некоторые параллелограммы суть квадраты».

В приводимых выше параграфах обозначено отношение субъекта и предиката в *категорическом* суждении; и к нему примыкает *гипотетическое* суждение.

Дизъюнктивное суждение Аристотель обходит, но его нужно здесь упомянуть, поскольку в нем предикат в противоположность к общему как раз и представляет собой *виды* (ср. LU II. 175; [ЛИ II. 262]). Возьмем для сравнения суждения: «это тело есть куб»³⁵ и «правильные тела суть или тетраэдры, или октаэдры, или икосаэдры, или кубы, или додекаэдры»³⁶. Из этого видно, что в дизъюнктивном суждении субъектом может быть также какая-либо из категорий, например: количество бывает или непрерывным, или дискретным <(прерывным)>.

§ 9

Τὸ αὐτὸ ἅμα ὑπάρχειν τε καὶ μὴ ὑπάρχειν ἀδύνατον τῷ αὐτῷ καὶ κατὰ τὸ αὐτό. – – αὕτη δὴ πασῶν ἐστὶ βεβαιοτάτη τῶν ἀρχῶν. – – ἀδύνατον γὰρ ὄντινοῦν ταῦτόν ὑπολαμβάνειν εἶναι καὶ μὴ εἶναι. – – διὸ πάντες οἱ ἀποδεικνύντες εἰς ταύτην ἀνάγουσιν ἐσχάτην δόξαν.

«Невозможно, чтобы тому же самому то же самое в том же отношении одновременно принадлежало и не принадлежало. ... Это достовернейший из всех

³⁵ Пример категорического суждения.

³⁶ Пример дизъюнктивного суждения.

принципов... Ибо невозможно, чтобы кто-либо предположил, что одно и то же существует и не существует. Вот почему все сводят свои доказательства к этому последнему мнению» (Metaph. IV (Г) 3. 1005b19).

Δεῖ πᾶν τὸ ἀληθές αὐτὸ ἑαυτῷ ὁμολογούμενον εἶναι πάντη.

«Все истинное должно быть во всем <(во всех отношениях)> согласно с самим собой» (Analyt. Pr. I. 32. 47a8).

Τῷ μὲν γὰρ ἀληθεῖ πάντα συνάδει τὰ ὑπάρχοντα, τῷ δὲ ψευδεῖ ταχὺ διαφωνεῖ τὰληθές.

«Ибо с истинным все действительное находится в согласии, тогда как с ложным истинное скоро приходит в разногласие» (Eth. Nic. I. 1098b11).

До сих пор были рассмотрены внутренние отношения суждения. Далее увидим, как суждения вступают между собой в такое отношение, когда при одинаковых понятиях субъекта и предиката различие их заключается в форме утверждения и отрицания. Спрашивается, как такие суждения относятся друг к другу³⁷.

Один закон имеет силу везде, где суждения сравниваются с суждениями, – это закон самосохранения, называемый в логике *принципом противоречия*: *a* есть *a* и не есть *не-а*. В этом законе определенность, без соблюдения которой познание распалось бы, приведена к своему окончательному выражению. Если бы понятие было тем, что оно есть и в то

³⁷ Ответ на этот вопрос дан в § 9, 10, 11, 12, причем особенное внимание обращается в § 13 на раскрытие самой природы отрицания и определяемого им характера отношений между суждениями. – Б. Ф.

же время также и не тем, что оно есть, то все было бы неопределенным, и для познания не существовало бы никакой опоры. Определенность представляет собой негласную предпосылку <(познания)>.

Аристотель выражает этот принцип как нечто реальное. И так как вещи обладают известным простором существования, допускающим, чтобы противоречащее существовало одно вслед за другим или одно наряду с другим, то для выражения этого принципа Аристотель стремится найти некоторый цельный момент (*einen unteilbaren Punkt*), который остается одним и тем же и является вполне определенным. Поэтому он и говорит: одно и то же нечто не может быть и не быть *в одно и то же время (zugleich)* и *в том же самом отношении*. Если Кант (*Kr. d. r. V., S. 191, 2-te Aufl.*)³⁸ возразил против добавления «*в одно и то же время (zugleich)*» на том основании, что время совсем не касается понятия, то не следует забывать, что Аристотель не отрывает понятия от вещи и имеет в виду их оба в их взаимном соответствии.

Приведенное в настоящем параграфе обоснование Аристотелем <(принципа противоречия)> субъективно и идет от познающего. Невозможно допустить, чтобы одно и то же существовало и не существовало. Тот противоречил бы себе, кто одно и то же и утверждал бы и отрицал. И тем не менее в самом этом допущении («нельзя допустить» и т. д.) точно также содержится отношение к вещам, применительно к которым принцип и формируется. Действительно, этот принцип предполагается во всех тех случаях, где имеется в виду вещи подчинить познанию. Грамматику, наблюдаю-

³⁸ См.: *Кант И. Сочинения на немецком и русском языках*. Т. 2, ч. 1: *Критика чистого разума*, 2-е изд. (В), 1787 / подгот. к изд. Н.В. Могрошиловой, Т.Б. Длугач, Б. Тушлинг и У. Фогелем. М.: Наука, 2006. С. 273.

шему язык, физику, наблюдающему природу, если бы они не полагали этого принципа в основу вещей, пришлось бы иметь дело лишь с путанной неопределенностью и полнейшим противоречием, и вещи тогда действительно были бы непознаваемы.

Все доказательства сводятся к таким первым твердым основам (*feste Punkte*), которые не могут в то же время и не быть. Если, например, должно быть приведено объяснение какого-нибудь места из того или иного поэтического произведения, то, помимо всего другого, доказательство будет держаться на совершенно определенном значении слов и словесных форм, в которых одно и то же понятие не может в одно и то же время и быть, и не быть <выраженным (т. е. и иметь, и не иметь то же значение)>.

В косвенном доказательстве это основание выступает с полной ясностью. Для сравнения можно воспользоваться, не раскрывая здесь уже самого существа этого доказательства, «Элементами» Евклида: «Если в треугольнике два угла равны друг другу, то стороны, лежащие против этих углов, тоже равны» (*Euklid. Element. I. 6*). В этом доказательстве все сводится к тому, что понятие равенства исключает возможность того, чтобы меньшего размера треугольник был равен большему. Треугольник не может быть одновременно и равен другому и не равен ему (больше или меньше его).

Этот принцип прежде всего не допускает никакого противоречия понятия самому себе, <(т. е.)> предикатов субъекта субъекту, – рассуждение, которое <(легко)> расширяется до необходимого соответствия следствий с понятием как их основанием. Если далее познание мыслится как целое, то это целое, в свою очередь, есть некоторое понятие, которое в силу того же основоположения не может себе противоречить. Это отсутствие противоречия по отношению к целому возможно, однако, лишь в том случае, если части согласуются друг с другом и взаимно проникают друг в

друга до <(образования)> целого. Это требование гармонии всего истинного высказывается во втором абзаце параграфа.

Так, например, геометрические познания согласуются между собой и далее также и с арифметическими познаниями; грамматические познания согласуются между собой и с логическими познаниями. Эти познания взаимно друг друга подтверждают. Все, что справедливо относительно этих родственных между собой наук, поскольку некоторый общий первоисточник объединяет их до некоторого целого, будет иметь силу также и в отношении наук вообще как согласного в себе истинного (*einem in sich einigen Wahren*).

Везде, где в познании обнаруживается противоречие (утверждение и отрицание одного и того же в *едином* акте), это всегда является признаком того, что в том или ином звене или в нескольких звеньях <(этого познания)> содержится ошибка.

То, что Аристотель выражает в образе гармонии (*ἁρμονία*), по существу есть уже у пифагорейцев. В этом смысле в одном из фрагментов Филолая (*Stob. Eclog. phys. I. 10, Heeren*) сказано: «Природа числа и гармония не терпят лжи»³⁹.

§ 10–13

<§ 10> Ἐπεὶ δὲ ἔστι καὶ τὸ ὑπάρχον
ἀποφαίνεσθαι ὡς μὴ ὑπάρχον καὶ τὸ μὴ ὑπάρχον

³⁹ Ср. перевод А.В. Лебедева: «А лжи вовсе не допускают природа числа и гармония, ибо она им не свойственна. Ложь и зависть присущи природе безграничного, непостижимого и иррационального» (Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / изд. подг. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989. С. 443).

ὡς ὑπάρχον καὶ τὸ ὑπάρχον ὡς ὑπάρχον καὶ τὸ μὴ ὑπάρχον ὡς μὴ ὑπάρχον, καὶ περὶ τοὺς ἐκτὸς δὲ τοῦ νῦν χρόνους ὡσαύτως, ἅπαν ἂν ἐνδέχοιτο καὶ ὁ κατέφησέ τις ἀποφῆσαι καὶ ὁ ἀπέφησε καταφῆσαι· ὥστε δῆλον ὅτι πάσῃ καταφάσει ἐστὶν ἀπόφασις ἀντικειμένη καὶ πάσῃ ἀποφάσει κατάφασις. καὶ ἔστω ἀντίφασις τοῦτο, κατάφασις καὶ ἀπόφασις αἱ ἀντικείμεναι· λέγω δὲ ἀντικεῖσθαι τὴν τοῦ αὐτοῦ κατὰ τοῦ αὐτοῦ, μὴ ὁμωνύμως δέ.

«Так как о том, что присуще чему-либо другому, можно утверждать, что оно не присуще этому другому, и <(далее)> о том, что не присуще ему, что оно ему не присуще, и, наконец, что присущее привходит, а не присущее не привходит, и притом все это так же и за пределами настоящего времени, то представляется возможным все, что кто-либо утверждает, отрицать и все, что кто-либо отрицает, утверждать. Каждому утверждению, очевидно, противостоит поэтому отрицание и каждому отрицанию – утверждение. Это именно отношение и следует называть противоречием, противостоящие же друг другу положения <(в нем)> суть утверждение и отрицание. Под противоречием я понимаю <(таким образом)> высказывание того же самого (предиката) о том же самом (субъекте) и при том не только соответственно одноименности <(слов) (и притом без всякой двусмысленности)>» (De interp. 6. 17a26).

Ἀντίφασις δὲ ἀντίθεσις ἧς οὐκ ἔστι μεταξὺ καθ' αὐτήν. μῦριον δ' ἀντιφάσεως τὸ μὲν τὶ κατὰ τινος κατάφασις, τὸ δὲ τὶ ἀπὸ τινος ἀπόφασις.

«Противоречие есть <(такое)> противоположение, которое <уже> само по себе исключает всякое среднее: один член <этого> противоречия есть утверждение чего-либо о чем-либо, другой – отрицание чего-либо о чем-либо» (Analyt. Post. I. 2. 72a12).

Ἐπὶ δὲ γε τῆς καταφάσεως καὶ τῆς ἀποφάσεως αἰεὶ, εἴαν τε ἢ εἴαν τε μὴ ἦ, τὸ μὲν ἕτερον εἶναι ψεῦδος τὸ ἕτερον ἀληθές τὸ γὰρ νοσεῖν Σωκράτην καὶ τὸ μὴ νοσεῖν Σωκράτην ὄντος τε αὐτοῦ φανερόν ὅτι τὸ ἕτερον αὐτῶν ἀληθές ἢ ψεῦδος καὶ μὴ ὄντος ὁμοίως· τὸ μὲν γὰρ νοσεῖν μὴ ὄντος ψεῦδος, τὸ δὲ μὴ νοσεῖν ἀληθές· ὥστε ἐπὶ μόνων τούτων ἴδιον ἂν εἶη τὸ αἰεὶ θάτερον αὐτῶν ἀληθές ἢ ψεῦδος εἶναι, ὅσα ὡς κατάφασις καὶ ἀπόφασις ἀντίκειται.

«При утверждении и отрицании, будет ли речь идти о существующем или несуществующем, один член <(отношения)> будет всегда ложным, другой истинным, ибо то, что “Сократ болен” и что “Сократ не болен”, это <(такие)> два предложения, из которых одно очевидно истинно, а другое ложно, все равно существует ли он <(Сократ)> или не существует. Ибо если он не существует, то будет, правда, ложным, что он болен, но истинным, что он не болен. Только таким, следовательно, предложениям, которые противостоят друг другу как утверждение и отрицание, свойственно, что одно из них всегда истинно или ложно» (Categ. 10. 13b27).

<§ 11> Τὰ πλεῖστον ἀλλήλων διεστηκότα τῶν ἐν τῷ αὐτῷ γένει ἐναντία ὀρίζονται.

«То, что в пределах одного и того же рода все-го дальше отстоит друг от друга, определяется как противоположность (*contrarium, ἐναντία*)» (*Categ. 6. 6a17*).

Ἀντιφάσεως μὲν οὐδέν ἐστι μεταξύ, τῶν δὲ ἐναντίων ἐνδέχεται.

«Между противоречащими членами <(т. е. тем, что противоречит одно другому)> не существует ничего среднего, но между <(двумя)> противоположностями такое среднее возможно» (*Metaph. (I) X. 4. 1055b1*).

<§ 12> Ἀντικεῖσθαι μὲν οὖν κατάφασιν ἀποφάσει λέγω ἀντιφατικῶς τὴν τὸ καθόλου σημαίνουσαν τῷ αὐτῷ ὅτι οὐ καθόλου, οἷον πᾶς ἄνθρωπος λευκός — οὐ πᾶς ἄνθρωπος λευκός, οὐδείς ἄνθρωπος λευκός — ἔστι τις ἄνθρωπος λευκός· ἐναντίως δὲ τὴν τοῦ καθόλου κατάφασιν καὶ τὴν τοῦ καθόλου ἀπόφασιν, οἷον πᾶς ἄνθρωπος λευκός — οὐδείς ἄνθρωπος λευκός, πᾶς ἄνθρωπος δίκαιος — οὐδείς ἄνθρωπος δίκαιος· διὸ ταύτας μὲν οὐχ οἷόν τε ἅμα ἀληθεῖς εἶναι.

«Противоположность утверждения отрицанию я тогда называю противоречащей <(т. е. контрадикторной)>, когда первое <(т. е. утверждение)> приписывает предмету что-либо вообще, а второе <(т. е. отрицание)> о нем же что-либо отрицает не вообще, например: все люди белы — не все люди белы; ни один человек не бел — некоторые люди белы. Напротив, под противной <(т. е. контрарной)> противоположностью я подразумеваю взаимоотношение всеобщего утвер-

ждения и всеобщего отрицания, например: все люди белы – ни один человек не бел; все люди справедливы – ни один человек не справедлив. Эти <(предложения)> не могут быть при этом одновременно истинными» (De interp. 7. 17b16).

<§ 13> Λέγω δ' ἀντικειμένας εἶναι προτάσεις κατὰ μὲν τὴν λέξιν τέτταρας, οἷον τὸ παντὶ τῷ οὐδενί, καὶ τὸ παντὶ τῷ οὐ παντί, καὶ τὸ τινὶ τῷ οὐδενί, καὶ τὸ τινὶ τῷ οὐ τινί, κατ' ἀλήθειαν δὲ τρεῖς· τὸ γὰρ τινὶ τῷ οὐ τινὶ κατὰ τὴν λέξιν ἀντίκειται μόνον. τούτων δ' ἐναντίας μὲν τὰς καθόλου, τὸ παντὶ τῷ μηδενί ὑπάρχειν, οἷον τὸ πᾶσαν ἐπιστήμην εἶναι σπουδαίαν τῷ μηδεμίαν εἶναι σπουδαίαν, τὰς δ' ἄλλας ἀντικειμένας.

«Четыре вида суждений я по их <(словесному)> выражению называю противоположными. Например, быть присущим всем и не быть присущим ни одному, всем и не всем (некоторым), некоторым и ни одному, одним – да, другим – нет; в действительности же этих видов противоположностей имеется всего три; ибо <(высказывания)> «одним – да, другим – нет» <(т. е. одним быть присущим, другим не быть)>, противоположны друг другу исключительно только по их <(словесному)> выражению. Из этих <(т. е. остающихся)> трех видов противную <(т. е. контрарную)> противоположность образуют <(лишь)> общие суждения: «быть присущим всем и не быть присущим ни одному», например, всякая наука есть нечто нравственно доброе <(ценное)> – ни одна наука не есть нечто нравственно доброе <(ценное)>; остальные два вида суждений дают противоречащую противоположность» (Analyt. Pr. II.15. 63b23).

Эти параграфы имеют своей целью выяснить природу отрицания (Negation) в его существенных отношениях.

Поскольку каждому утверждению противопоставляется чистое отрицание (Verneinung), сводящееся по своему смыслу лишь к снятию того, что было утверждено, постольку возникает противоречие в строгом логическом смысле слова. Суждения: «этот треугольник равносторонний» и «тот самый треугольник не равносторонний» стоят друг к другу именно в таком отношении. Между такими членами противоположности нет ничего третьего. Поэтому-то косвенное доказательство при известных условиях и основывается на двух противоречащих друг другу суждениях. «Или – или» таких предложений используется далее для того, чтобы неопределенные утверждения довести до более резкой определенности, примеры чего можно найти в сократических диалогах. Исключающее отношение противоречия основывается на определенности понятий, но эта определенность упраздняется, если в них проникает двусмысленность (Homonymie, гомонимия).

От противоречия, члены которого логически исключают друг друга, следует отличать противоположность (contrarium) (§ 11). В объяснении Аристотеля содержатся следующие пункты. Противоположности всегда относятся к некоторой охватывающей их мысли, которая реально выступает как род (γένος); и если в сфере рода идет речь о направлениях и расстояниях, то по отношению к ним эта охватывающая мысль <(т. е. этот род)> есть мера. Поскольку Аристотель рассматривал понятия как находящиеся в состоянии покоя, постольку он противоположности относил к самым отдаленным конечным пунктам того же самого рода, как то: белое и черное; невоздержанность и невосприимчивость в сфере чувственного наслаждения; высокомерие и приниженность в отношении к чувству своих заслуг и чести.

Прекрасные и остроумные разъяснения «Никомаховой этики» дают примеры для сказанного и легко могут быть умноженными таковыми же из области современной науки. При этом следует обратить внимание на то, что для определения противоположностей данное в наглядном представлении направление той деятельности и того движения, которое заложено в понятиях, имеет гораздо большее значение, чем их (т. е. понятий) покой на наибольших расстояниях друг от друга⁴⁰. Старое выражение «диаметральная противоположность» фиксирует наиболее далеко отстоящие друг от друга, покоящиеся точки фигуры, новое же выражение «полярная противоположность» – направление в движении сил. Присоединенный к понятию наглядный образ должен прийти на помощь логическому различению. Первоначально пространственное созерцание можно проследить в его переходе из области метафизики и физики по аналогии в сферу духовного, как это обнаруживается, например, в грамматике. Для сравнения можно взять также положительные и отрицательные величины, которые в вычислении уравниваются в новых продуктах; противоположности перигелия и афелия орбиты Земли⁴¹, силы и груза как моментов рычага; противоположности цветного спектра, сливающиеся в гармонию. Сравните также бытие и деятельность, соотнесенные одно с другим в живом высказывании; слова-понятия и служебные слова, взаимно требующие друг друга для определенного выражения мыс-

⁴⁰ Тренделенбург, по-видимому, указывает здесь, хотя и несколько нерешительно, на элементы диалектики понятий, несомненно, содержащиеся в основных логических воззрениях Аристотеля. – *Б. Ф.*

⁴¹ «Перигелий» и «афелий» – астрономические термины: первый обозначает ближайшую точку орбиты к Солнцу, второй – наиболее удаленную от Солнца точку орбиты планеты, кометы или какого-либо другого обращающегося вокруг него небесного тела.

ли; понятия о лицах и понятия о вещах, которые, как нечто самодеятельное и страдательное, язык многообразно различает в словообразовании и в падежах. Определения понятий у Аристотеля раскрываются в этих примерах с очевидностью. Противоположности всегда охватываются у него некоторой высшей мыслью, к которой относятся наиболее далеко отстоящие друг от друга концы данной области предметов; везде становится ясной дистанция крайних моментов содержания. Является ли, однако, эта дистанция противоположностей самой большой и могут ли быть мыслимы между ними промежуточные явления, этот вопрос решается частью посредством мысли о роде, частью же через своеобразие отношений <(его)> видов. В то же время на этих примерах раскрывается то, что следует из аристотелевского понятия противоположности, а именно, что в этой власти над противоположностями находит свое обнаружение целое. Аристотелевское определение понятия ограждает нас от того смешения, которым грешат новейшие логики, а именно, будто любое положительное понятие, содержащее в себе отрицание другого, тем самым есть уже противоположность. По отношению к началу противоположностью является не середина, а конец, α противоположна не β, а ω. Отсюда и <(известное)> обозначение «А и О»⁴² (Apopalyps. I. 8). Человеческий дух имеет в противоположностях свою радость, ибо в них он созерцает целое, а язык в образовании прилагательных охотно противопоставляет каждому прилагательному ему противоположное (см.: *Becker K.F. Organism der Sprache. 2-te Aufl. Frankfurt a.M., 1841. S. 102 и след.*).

⁴² В русском языке этому обозначению соответствуют выражения «альфа и омега», т. е. начало и конец чего-либо, и «от А до Я».

Понятие противоположности в логическом *contrarium*⁴³ общеутвердительного и общеотрицательного суждения находит свое специальное применение (все, ни один). Хотя оба эти суждения исключают друг друга, так что одно из них не может быть истинным, если истинно другое, все же нет надобности, чтобы то или другое из них было истинным, но существует третья возможность. Например, все треугольники прямоугольны, ни один треугольник не прямоугольный. Оба эти суждения ложны, <(ибо)> некоторые треугольники прямоугольные.

Противоположность субконтрарных <(т. е. подпротивных)> суждений заключается только в видимости выражения, ибо во всех тех случаях, где частичное количество обозначает своеобразие вида, одно частное суждение сохраняет силу наряду с другим. Например, некоторые треугольники прямоугольные, некоторые треугольники не прямоугольные. Но, конечно, два подпротивных суждения, состоящих из одних и тех же понятий, не могут быть одновременно оба ложными.

В приведенных выше определениях отрицания и противоположности заключается существо того, что в логике называется непосредственным умозаключением *ex oppositione* <(по противоположности)>.

§ 14

Ἐπεὶ δὲ πᾶσα πρότασις ἐστὶν ἢ τοῦ ὑπάρχειν ἢ τοῦ ἐξ ἀνάγκης ὑπάρχειν ἢ τοῦ ἐνδέχασθαι ὑπάρχειν, τούτων δὲ αἱ μὲν καταφατικαὶ αἱ δὲ ἀποφατικαὶ καθ' ἑκάστην πρόσησιν, πάλιν δὲ

⁴³ Так называемая противная, или контрарная, противоположность. — Б.Ф. В переводе с лат.: «противоположность», «противоположение».

τῶν καταφατικῶν καὶ ἀποφατικῶν αἱ μὲν καθόλου αἱ δὲ ἐν μέρει αἱ δὲ ἀδιόριστοι, τὴν μὲν ἐν τῷ ὑπάρχειν καθόλου στερητικὴν ἀνάγκη τοῖς ὄροις ἀντιστρέφειν, οἷον εἰ μηδεμία ἡδονὴ ἀγαθόν, οὐδ' ἀγαθόν οὐδὲν ἔσται ἡδονή· τὴν δὲ κατηγορικὴν ἀντιστρέφειν μὲν ἀναγκαῖον, οὐ μὴν καθόλου ἀλλ' ἐν μέρει, οἷον εἰ πᾶσα ἡδονὴ ἀγαθόν, καὶ ἀγαθόν τι εἶναι ἡδονήν· τῶν δὲ ἐν μέρει τὴν μὲν καταφατικὴν ἀντιστρέφειν ἀνάγκη κατὰ μέρος (εἰ γὰρ ἡδονή τις ἀγαθόν, καὶ ἀγαθόν τι ἔσται ἡδονή), τὴν δὲ στερητικὴν οὐκ ἀναγκαῖον· οὐ γὰρ εἰ ἄνθρωπος μὴ ὑπάρχει τινὶ ζῳῷ, καὶ ζῶον οὐχ ὑπάρχει τινὶ ἀνθρώπῳ.

«Так как всякое суждение есть или суждение действительности, или суждение необходимости, или суждение возможности, и в каждом из этих подразделений одни суждения являются утвердительными, другие отрицательными, и далее из утвердительных и отрицательных одни – общими, другие – частными, третьи – неопределенными, то необходимо, чтобы общеотрицательное суждение действительности было в своих понятиях <(т. е. в отношении своих терминов)> (субъекта и предиката) обратимо. Например, если, никакое удовольствие не есть благо, то и никакое благо не есть удовольствие. Утвердительное же суждение, правда, должно быть обратимо, однако, не всеобщим образом, а лишь частично, например: если всякое удовольствие есть некоторое благо, то необходимо, чтобы и некоторое благо было удовольствием. Из <(всех)> частных суждений утвердительное суждение с необходимостью обратимо <(но лишь)>

в частное <(же)> суждение, ибо, если некоторое удовольствие есть благо, то и некоторое благо будет удовольствием, но отрицательное <(частное)> суждение не необходимо обратимо, ибо, если про некоторое живое существо нельзя сказать, что оно есть человек, то отсюда еще <(отнюдь)> не следует, что и о некоторых людях нельзя сказать, что они живые существа» (Analyt. Pr. I. 2. 25a1).

Если познано отношение предиката к субъекту, а также отношения отрицаний в различных формах суждения, то отсюда становится ясным, при каких условиях возможно *обращение* суждения. Здесь поэтому и должна найти свое место так называемая конверсия (conversio), рассматриваемая обыкновенно как *непосредственное* умозаключение, чтобы тем самым вышеприведенные положения (§ 14) получили свое значение через ближайшие следствия, из них вытекающие. Аристотель развивает это учение в качестве вспомогательного средства выведения модусов в фигурах силлогизма и помещает его поэтому в начало «Первой Аналитики». Однако его доказательства обращения, строго говоря, в отдельных своих частностях недостаточны и иногда вращаются по кругу. Поэтому наиболее целесообразно определить здесь <все> отношения <(конверсии)>, исходя из природы предиката.

В тех определениях, которыми объединяются виды суждения и которые в данном параграфе предшествуют учению об обращении, модальность, качество и количество не ставятся рядом друг с другом, как если бы одна точка зрения исключала другую, и как если бы, например, универсальное <(общее)>, аподиктическое <(необходимое)> и позитивное <(утвердительное)> суждения обособлялись друг от друга как различные виды суждения. Между тем на самом деле эти понятия так включены друг в друга, что взятые вместе

они сливаются между собой в некоторую целостную, все их в себе объединяющую форму (Gestalt). Так, например, если основной формой является утвердительное суждение, то оно же определяется затем или как суждение действительности, или как суждение возможности, или как суждение необходимости, и далее оно же – как всеобщее или не всеобщее. На это взаимное отношение так называемых категорий суждения следует обратить особое внимание.

Хотя обращение является искусственным средством, оно все же имеет известную ценность для взаимного определения понятий, образующих субъект и предикат; и в системе понятий тому же особенно служит, где это возможно, обращение общих законов.

Общеотрицательные суждения допускают безусловное обращение, ибо в них определения субъекта и объекта лежат всецело вне друг друга. Например, ни один прямоугольный треугольник не равносторонний; <следовательно,> ни один равносторонний треугольник не прямоугольный. Нет ни одного круга, который был бы <(по своей площади)> меньше, чем вписанный в него многоугольник, как нет круга, который был бы больше, чем описанный вокруг него многоугольник; <(следовательно)> все, что меньше вписанного в круг многоугольника и больше описанного вокруг него – все это не есть круг. Обращение отрицательных суждений не требует, поэтому, предварительного доказательства. Но так как в науках стремятся к познанию позитивной сущности <(вещей)>, из которой отрицания следовали бы сами собой, то в <(научной)> системе <(понятий)> такие определенно выраженные отрицательные предложения встречаются сравнительно редко. Но там, где они встречаются, например, в законах, имеющих форму запрещения, там их обращения понятны сами собой. Например, ни один судья не должен быть опорочен <(по суду)>, ни один опороченный человек не должен быть судьей.

Так как предикат обыкновенно имеет более широкий объем, чем субъект (§ 8), то форма общеутвердительного суждения допускает обращение лишь при ограничении количества <(суждения)>. Возьмем геометрическое положение: если треугольники имеют равные основания и высоты, то и площади их равны. Это положение не допускает простого обращения – если треугольники имеют равные по своей величине площади, то они имеют тоже и равные основания и высоты, – ибо в данном случае высоты могут находиться и в обратном отношении, к основаниям треугольников. Но в тех случаях, когда общеутвердительное суждение допускает просто обращение, что требует особого доказательства <, исходящего> из своеобразного содержания данного суждения, – во всех таких случаях оба понятия, т. е. и понятие субъекта, и понятие предиката, связаны между собой необходимо и исключаяюще <(т. е. устранением всего несовпадающего)>, так что они как бы взаимно покрывают друг друга. Поэтому общие суждения, допускающие прямое обращение <(т. е. без ограничения количества)>, имеют особенно важное значение и весьма широкое применение. Возьмем для сравнения из «Элементов геометрии» такие положения: в каждом равнобедренном треугольнике углы при основании равны, и наоборот, если в каком-либо треугольнике два угла равны между собой, то треугольник есть равнобедренный треугольник (Euklid. Element. I. 5 и 6); или положения о параллельных линиях (Euklid. Element. I. 27 и след.); наконец, теорему Пифагора и ее обращение (Euklid. Element. I. 47, 48); или в арифметике основной закон геометрической пропорции (Euklid. Element. VII. 19). Во всех случаях, где в языке одно понятие имеет <(для своего выражения)> только одно слово и одна словесная форма – только одно значение, там везде имеет место это отношение <(простой обратимости)>, и такие

случаи дают, подобно упомянутым положениям, особую опору для познания.

Частноутвердительное суждение хотя и допускает прямое обращение, но лишь чисто внешним образом. Так как некоторое удовольствие есть некоторое благо, то и некоторое благо есть <(некоторое)> удовольствие. Понятия эти частично требуют друг друга.

Обращение частноотрицательного суждения является двусмысленным, в отдельных случаях оно правильно, в других нет. Поэтому только из этого *одного* суждения оно недопустимо.

Оба последние случаи имеют в науке, всегда занимающейся исследованием общего, лишь весьма малое или вообще никакого применения.

Более подробно о конверсии см.: LU II. 227 [ЛИ II. 321].

§ 15–20

В предшествующем первом отделе (§ 1–14) суждение и его элементы рассматривались лишь сами по себе. Между тем суждения, взятые сами по себе, недостаточны для обоснования познания.

Поэтому в следующих параграфах мы находим развитым некоторый предварительный взгляд на цель всякого суждения, на направление всякого познания (§ 15–19). Из понятия и условий знания проистекает двоякий ход познания (§ 20), который потом и развивается в подробностях (§ 21–44). Без таких определений, играющих роль введения, умозаключение <(силлогизм)> и индукция выступали бы всего лишь как факт, но не были бы поняты в их возникновении. В настоящих очерках наша задача не могла состоять в том, чтобы проследивать ход мысли какого-либо определенного аристотелевского сочинения, но лишь в том, чтобы

наметить основные черты целого в их внутренней связи между собой.

<§ 15> Τὰ ζητούμενά ἐστιν ἴσα τὸν ἀριθμὸν ὅσαπερ ἐπιστάμεθα. ζητοῦμεν δὲ τέτταρα, τὸ ὅτι, τὸ διότι, εἰ ἔστι, τί ἔστιν. ὅταν μὲν γὰρ πότερον τόδε ἢ τόδε ζητῶμεν, εἰς ἀριθμὸν θέντες, οἷον πότερον ἐκλείπει ὁ ἥλιος ἢ οὐ, τὸ ὅτι ζητοῦμεν. σημεῖον δὲ τούτου· εὐρόντες γὰρ ὅτι ἐκλείπει πεπαύμεθα· καὶ ἐὰν ἐξ ἀρχῆς εἰδῶμεν ὅτι ἐκλείπει, οὐ ζητοῦμεν πότερον. ὅταν δὲ εἰδῶμεν τὸ ὅτι, τὸ διότι ζητοῦμεν, οἷον εἰδότες ὅτι ἐκλείπει καὶ ὅτι κινεῖται ἡ γῆ, τὸ διότι ἐκλείπει ἢ διότι κινεῖται ζητοῦμεν. ταῦτα μὲν οὖν οὕτως, ἔνια δ' ἄλλον τρόπον ζητοῦμεν, οἷον εἰ ἔστιν ἢ μὴ ἔστι κένταυρος ἢ θεός· τὸ δ' εἰ ἔστιν ἢ μὴ ἀπλῶς λέγω, ἀλλ' οὐκ εἰ λευκὸς ἢ μῆ. γνόντες δὲ ὅτι ἔστι, τί ἔστι ζητοῦμεν, οἷον τί οὖν ἔστι θεός, ἢ τί ἔστιν ἄνθρωπος.

«То, что составляет предмет <(наших)> исканий, по числу равно тому, что нам <(уже)> известно. Ищем же мы четырех вещей: того <(факта)>, что “что-нибудь есть”, того, “почему и откуда <(что-нибудь есть)>”, “есть ли что-нибудь вообще” и “что именно есть <(то, что есть)>”. В самом деле, когда мы ищем, есть ли то или это, относя его к некоторому определенному числу признаков <(т. е. подчиняя ее каким-либо из ее признаков)>, например, когда мы спрашиваем, происходит ли затмение солнца или нет, тогда мы стремимся установить <(факт)>, что что-нибудь есть. Это ясно из следующего: если мы установили,

что затмение солнца происходит, мы перестаем спрашивать об этом, а если мы с самого начала знаем, что оно происходит, то мы и не спрашиваем, происходит ли оно. Если же мы знаем <самый факт>, что что-нибудь есть, то <(тогда)> мы спрашиваем, почему и откуда он. Так, например, если мы знаем, что происходит затмение <солнца> и что земля движется, тогда мы исследуем, почему и откуда происходит затмение, а также почему, вследствие чего движется земля. При этом одно мы исследуем одним способом, другое же другим способом. Так, например, <(вопросы)> существует или не существует кентавр или бог <(исследуются по-разному)>. Самое же выражение, существует ли он или нет, я понимаю просто <(т. е. в безусловном смысле)>, но не так, как вопрос, бел он или не бел. Если же мы познали, что что-нибудь есть, тогда мы исследуем, что именно есть, например, что такое бог или что такое человек?» (Analyt. Post. I. 1. 89b23).

<§ 16> Τὸ δ' ὅτι διαφέρει καὶ τὸ διότι ἐπίστασθαι· – – ἡ δὲ τοῦ διότι ἐπιστήμη κατὰ τὸ πρῶτον αἴτιον.

«Есть разница в знании “того факта, что” и “того, почему и откуда” что-нибудь есть. ... Познание “того, почему и откуда” <(вследствие чего)> относится к первой причине» (Analyt. Post. I. 13. 78a22).

Κυριώτατον τοῦ εἰδέναι τὸ διότι θεωρεῖν.

«Самой важной стороной знания является рассмотрение того, почему и откуда что-нибудь есть» (Analyt. Post. I. 14. 79a23).

<§ 17> Ἐπίστασθαι δὲ οἰόμεθ' ἕκαστον ἀπλῶς, – – ὅταν τὴν τ' αἰτίαν οἰώμεθα γινώσκειν δι' ἣν τὸ

πραγμά ἐστιν, ὅτι ἐκείνου αἰτία ἐστί, καὶ μὴ ἐνδέχεται τοῦτ' ἄλλως ἔχειν.

«Мы тогда считаем, что знаем каждую отдельную вещь в безусловном смысле, ... когда мы думаем, что знаем причину, в силу которой существует данная вещь, и притом так, что мы <(не только)> знаем, что это именно и есть причина, но что это и не может быть иначе» (Analyt. Post. I. 2. 71b9).

<§ 18> Πᾶσα διδασκαλία καὶ πᾶσα μάθησις διανοητικὴ ἐκ προϋπαρχούσης γίνεται γνώσεως. φανερόν δὲ τοῦτο θεωροῦσιν ἐπὶ πασῶν· αἶ τε γὰρ μαθηματικαὶ τῶν ἐπιστημῶν διὰ τούτου τοῦ τρόπου παραγίνονται καὶ τῶν ἄλλων ἐκάστη τεχνῶν.

«Всякое обучение и всякое разумное усвоение чего-либо происходит на основании некоторого предшествующего знания. Это становится очевидным, если рассмотреть <(подробнее)> все науки. Ибо и математические науки, и все искусства <(т. е. умения)> возникают <(именно)> таким образом» (Analyt. Post. I. 71A1).

<§ 19> Πρότερα δ' ἐστὶ καὶ γνωριμώτερα διχῶς· οὐ γὰρ ταῦτόν πρότερον τῇ φύσει καὶ πρὸς ἡμᾶς πρότερον, οὐδὲ γνωριμώτερον καὶ ἡμῖν γνωριμώτερον. λέγω δὲ πρὸς ἡμᾶς μὲν πρότερα καὶ γνωριμώτερα τὰ ἐγγύτερον τῆς αἰσθήσεως, ἀπλῶς δὲ πρότερα καὶ γνωριμώτερα τὰ πορρωτέρων. ἔστι δὲ πορρωτάτω μὲν τὰ καθόλου μάλιστα, ἐγγυτάτω δὲ τὰ καθ' ἕκαστα.

«Более раннее и более познаваемое имеет (при этом) двоякое значение. Ибо не одно и то же более раннее <(т. е. первое)> по природе и более раннее <(т. е. первое)> для нас, а также то, что (само по себе) <(т. е. по природе)> более познаваемо и что более познаваемо для нас. Более ранним <(т. е. первым)> для нас и более познаваемым я называю то, что лежит ближе к чувственному восприятию, более ранним <(т. е. первым)> же и более познаваемым в безусловном смысле – то, что лежит дальше от чувственного восприятия. Всего дальше <(от чувственного восприятия)> лежит то, что является наиболее общим, всего ближе к нему – единичное» (Analyt. Post. I. 2. 71b33).

<§ 20> Ἄπαντα πιστεύομεν ἢ διὰ συλλογισμοῦ ἢ ἐξ ἐπαγωγῆς.

«Таким образом, все, что мы признаем за достоверное, мы признаем <(за таковое)> или на основании силлогизма или через индукцию» (Analyt. Pr. II. 23. 68b13).

Μανθάνομεν ἢ ἐπαγωγῇ ἢ ἀποδείξει. ἔστι δ' ἡ μὲν ἀπόδειξις ἐκ τῶν καθόλου, ἡ δ' ἐπαγωγῇ ἐκ τῶν κατὰ μέρος.

«Мы научаемся чему-нибудь или путем индукции, или путем доказательства. При этом доказательство исходит из всеобщего, индукция же – из частного <(единичного)>» (Analyt. Post. I.18. 81A40).

К § 15 и 16

Основные пункты: «тот факт, что» (τὸ ὅτι, Daß), «то почему и откуда что-нибудь есть» (τὸ διότι, Warum); «есть ли что-нибудь» (εἰ ἔστι, Ob); «что <(именно)> есть то, что

есть» (τί ἐστίν, Was) обозначают основные направления познания.

Прежде всего, вопрос, есть ли <вообще> что-нибудь (*an sit* у римских ораторов и юристов), есть вопрос, сравнивающий друг с другом представление и действительность. Это есть вопрос критического скепсиса, поскольку не исключена возможность, что то нечто, которое антиципируется в представлении, есть *только* представление. В представлении при этом уже подразумевается некоторое «что именно» (τί ἐστί), но его еще нет в действительности. Вопрос о том, существует ли познание, существует ли Бог, может быть поставлен лишь в том случае, если понятие <(о том и другом)> имеет уже в качестве понятия некоторое значение. Вопрос, есть ли (εἰ ἔστί) что-нибудь, относится или к вещи (<субстанции → οὐσία) и тогда он понимается безусловно (ἀπλῶς), или же, если это <(т. е. субстанция)> уже предполагается, он относится к деятельности или к свойству вещи, короче говоря, к какой-либо другой категории. На первую возможность <(когда, речь идет о субстанции)> Аристотель намекает примером: «существует ли бог?», «существует ли кентавр?». Вторую возможность <(когда речь идет о деятельности, свойствах и тому подобном субстанции)> он поясняет примером: «происходит ли затмение солнца или нет?». Ответ на оба эти вопроса дает нам положение дел, «тот факт, что» (τὸ ὅτι, quod est, по выражению схоластиков).

От установленного факта вопрос переходит затем к его существу (τί ἐστίν)⁴⁴, поскольку именно этот факт понимается в его единстве и в его подлинном отличии <от других фактов>, как бы сказать, в его самоограничении. Например, что такое десятичная система чисел? что такое октава? что

⁴⁴ «Что именно есть то, что есть?» – Б.Ф.

такое падеж? что такое существо человека? и т. д. Этот вопрос, если на него дается достаточно основательный ответ, переходит в вопрос об основании, в вопрос о «почему и откуда» (τὸ διότι), ибо только из необходимости основания понимается существо явления. Эта связь <(вопросов)> объясняется ниже, в § 60.

Подобно тому как один вопрос порождает в этом ряду вопросов другой, так же они и в обратном порядке поддерживают друг друга и взаимно проникают в завершенном познании. Исследование того, «что именно есть» (τί ἐστὶ), раскрывает «тот факт, что что-нибудь есть» (ὅτι) в его обнаружениях и тем самым утверждает его в его определениях. «То, почему и откуда» (διότι) что-нибудь есть, необходимость основания, как бы принуждает вещь *быть*, и тем самым ставит «тот факт, что что-нибудь есть» (ὅτι) вне всякого вопроса.

Если оставить в стороне скептическое «есть ли что-нибудь» (εἰ ἔστι), по большей части даже и не встречающееся в отношении к фактам, непосредственно утверждающим себя в созерцании, то тогда «тот факт, что что-нибудь есть» (ὅτι), «что именно есть то или иное нечто» (τί ἐστὶ) и «то, почему и откуда что-нибудь есть» (διότι) будут обозначать три стадии саморазвивающегося познания, как в уме отдельного человека, так и в великом ходе <(развития)> наук. Сказанное легко поясняется на примерах. Повествования Геродота представляют своего рода осведомления (ἱστορίαι), которые как таковые касаются самого факта, что «что-нибудь есть» (ὅτι), и потому, по большей части, вращаются в сфере «есть ли что-нибудь» (εἰ ἔστι) и «что <(именно)> есть» (τί ἐστὶ), вызывая к себе или непосредственную веру в них или столь же непосредственное сомнение. Но в его теоретически исследующем уме само со-

бой намечается направление на «то, почему и откуда что-нибудь есть» (διότι) – все равно, спрашивает ли он при этом о причине разливов Нила (Herodot. Hist. II. 19), хочет ли даже в факте естественного порождения животных усмотреть божественное провидение (τοῦ θείου προνοίη – Herodot. Hist. III. 108) или же в рассказе о человеческих делах, например, о встрече Крёза с Соломоном (Herodot. Hist. I. 30 и след.), дать проявиться этическому διότι, или, наконец, дает <(нам)> почувствовать божественное начало, уравновешивающее всякое превышение меры (Herodot. Hist. I. 34 и в других местах). То, что здесь выступает перед нами в индивидуальном оформлении единого духа, то же самое, освобожденное от <(всяких)> ограничений, наука раскрывает нам в актах об объединенной деятельности человеческого рода в больших размерах. То, что у Геродота выступает перед нами как простой факт, раскрывается затем по своему смыслу, прежде всего, в исторических исследованиях вообще, а затем также и во всех <(отдельных)> науках.

Сочинения Аристотеля разворачивают перед нами эти различные стадии саморазвивающегося познания. Одни из них посвящены наблюдению фактов и стремятся овладеть фактической основой того, «что что-нибудь есть» (ὅτι). Поэтому, например, «История животных»⁴⁵ носит характерное название Περί τὰ ζῶα ἱστορίαι, напоминающее «осведомления» Геродота. Но в той же области некоторые другие сочинения уже глубже проникают в вопрос о том, «что именно есть нечто» (τί ἐστί), или в вопрос о том, «почему и откуда» оно есть (διότι), например: «О происхождении животных», «О частях животных»⁴⁶, а превосходная первая книга последнего из названных сочинений связывает

⁴⁵ Сочинение Аристотеля.

⁴⁶ Сочинения Аристотеля.

даже то, «почему и откуда» (διότι), всего живого с первыми основаниями <(т. е. принципами бытия)>. Если эти сочинения из области науки о природе относятся друг к другу, как тот «факт, что что-нибудь есть» (ὅτι), к тому, «почему и откуда» что-нибудь есть (διότι), то потерянные за исключением нескольких фрагментов Πολιτεῖαι⁴⁷ можно рассматривать как стоящие в подобном же отношении к «Политике». Если такое сочинение, как «Характеры» Теофраста, стремится в ярких чертах выразить этическое (ὅτι) <(«тот факт, что что-нибудь есть»)>, то, напротив, такое сочинение, как аристотелевская «Никомахова этика», занимается τί ἐστὶ и διότι <(«тем, что именно есть что-нибудь», и тем, «почему и откуда» оно есть)>. Наконец, διότι находит свое завершение в физике и метафизике Аристотеля.

Тот же ход развития <(познания)> обнаруживается и в отдельных исследованиях науки. Проблемы Аристотеля предполагают некоторое ὅτι и спрашивают о διότι. Самая форма сочинений <(Аристотеля)> с полной ясностью раскрывает этот логический переход. «Почему, – так ставится, например, вопрос в одной “Проблеме” (Problemata. XV. 3), – все люди, и варвары и эллины, считают до десяти, а не до какого-нибудь другого числа, например до 2, 3, 4, 5-ти и не повторяют затем пятерку – “один пять”, “два пять”, как, например, в числах одиннадцать или двенадцать⁴⁸? Или по-

⁴⁷ «Политии» – составленные Аристотелем совместно с учениками книги, содержавшие описания и истории устройства 158 государств (в подавляющем большинстве греческих). До нас дошла одна из них – «Афинская полития», остальные сохранились лишь во фрагментах.

⁴⁸ Имеется в виду, что в этих числительных повторяется *десятка*: «один-на-десять», «два-на-десять», что отчетливо прослеживается как в древне-, так и в новогреческом языке.

чему они не идут дальше десяти, лишь потом начиная повторение?» В этом вопросе тот факт, что десятичная система чисел является общераспространенной, уже предполагается; кажущееся исключение отсюда устраняется, ибо если одно из фракийских племен считает только до четырех, потому что люди этого племени, подобно детям, не способны мыслить дальше и, следовательно, не могут и пользоваться дальнейшими числами, то ведь это происходит оттого, что они и вообще не способны возобновлять счет и совсем не имеют никакой числовой системы. Но если факт (т. е. $\acute{\omicron}\tau\iota$ вместе с $\tau\acute{\iota}\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota$) установлен, тогда ищется <(его)> основание; ибо поскольку «все и притом всегда считают до десяти», то значит, это не происходит случайно. Аристотель намечает возможность целого ряда оснований: частью такие основания, которые соприкасаются с пифагорейскими воззрениями, частью такие, которые содержатся в геометрических конфигурациях чисел, наконец, простое основание, открывающее в десяти пальцах руки физическое начало для всех умственных вычислений. «Десять пальцев представляют собой естественные счетные единицы, которыми все люди обладают одинаково».

В том явлении, что некоторые тела плавают на воде, на вопрос $\epsilon\grave{\iota}\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota$ <(«есть ли что-нибудь?») > ответ даётся опытом. Если определить опыт подробнее в том смысле, что плавают те тела, которые при равной массе с водой оказываются легче ее, то познание продвинется от $\acute{\omicron}\tau\iota$ <(самого факта, что что-нибудь есть)> к $\tau\acute{\iota}\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota$ <(тому, что именно есть это что-нибудь)>, и если Архимед в своем сочинении о плавающих телах (*Περὶ τῶν ὀχουμένων*, ср.: Euklid. Element., положение 3 и след.) выводит необходимость <(факта плавания тел)> из понятия жидкой воды (Euklid. Element.; гипотеза 1) и вытекающего отсюда стремления к сплошному равновесию, поскольку мельчайшие частицы

<(воды)> все начинают двигаться в отношении друг друга уже при малейшем давлении, вследствие чего давление передается от одной частицы на все другие, – то этим он свой исследующий ум успокаивает достигнутым «почему и откуда» (διότι). Подобный же пример можно заимствовать из закона о прямолинейном рычаге. Две гири находятся в равновесии, если они стоят друг к другу в отношении обратно пропорциональном к их расстоянию от точки приложения рычага (ср. «Механику» Аристотеля, гл. 4 и гл. 21, с сочинением Архимеда «О равновесии» (Περὶ τῶν ἰσορροπικῶν, в начале). Точное определение закона (τί ἐστὶ, «того, что именно есть») устанавливается лишь вместе с найденным основанием.

В грамматике восприятие раскрывает перед нами *факт*, например, соединения винительного падежа с неопределенной формой глагола (ὄτι, <т. е. фактическое наличие такого оборота>), *наблюдение* исследует в многообразном употреблении <(этого оборота речи)> его существо (τί ἐστίν), а *объяснение* приводит, наконец, это трудное <(грамматическое)> явление к его основанию (διότι), когда оно стремится понять его из падежного отношения, определяемого управляющим глаголом (т. е. фактитивом) (Becker. Organism der Sprache. 2. Aufl., 1841, § 84).

Во всех этих случаях вопросы намечают направление исследующего ума.

Наконец, следует обратить внимание также на то, как критика должна обсуждать подлинность какого-либо различения, того или иного места в тексте, тот или иной вопрос об εἰ ἔστι <(т. е. есть ли что-нибудь)>, делающийся предметом ее размышления, когда она, отвлекаясь от внешних свидетельств, стремится дать на него ответ, исходя исключительно из соображения, основывается ли τί ἐστὶ того,

о чем ставится вопрос, на некотором $\delta\acute{o}\tau\iota$. Вопрос о «том, что что-нибудь есть» ($\acute{o}\tau\iota$), получает свое разрешение из своего существа и основания.

Так в науках фактически взаимно проникают друг в друга эти намеченные Аристотелем вопросы познания. Если приведенные здесь наблюдения проследить в отдельных дисциплинах, то это даст нам средства для освещения их отправной точки зрения и метода.

К § 17

В приведенных выше вопросах, ответы на которые требуются познанием, намечены ступени самого знания. То, чем оно является в безусловном смысле и в своем завершении ($\acute{\alpha}\pi\lambda\acute{\omega}\varsigma$), определяется в настоящем параграфе. При этом в качестве характерных черт знания указываются основание вещи и необходимость.

Что касается *основания вещи*, то только оно открывает нам понимание становления и существа вещи, и потому всякое знание без <(указания его)> основания не есть подлинное знание и в лучшем случае дает нам лишь достоверность факта; это не есть понимающее знание, но только некоторое схватывание, часто лишь, по выражению Платона, $\acute{\alpha}\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ $\tau\rho\iota\beta\acute{\eta}$ <(логически не обоснованная рутина)>. Кто, чтобы воспользоваться здесь примером Спинозы, подобно купцу, решает задачу на тройное правило (Regeldetri), тот, имея в этом известный навык и часто проверяя себя на деле, находит четвертый член геометрической пропорции; но лишь тот, кто познал основание этого приема, а именно понял, что по самому генезису геометрической прогрессии произведение крайних членов равно в ней произведению средних, лишь тот является в этом деле истинно *знающим* (Spinoza. Tractatus de intellectus emendatione, p. 421 ed.

Paul⁴⁹). Решение задачи на построение плоского равнос-
торного треугольника доказано у Евклида (Euklid. Element.
I. 1) из самого основания вещи <(т. е. есть из самого поня-
тия об условиях возможности построения такого треуголь-
ника)>. Наблюдается факт затмения солнца, и это наблюде-
ние дает нам некоторое знание в подчиненном смысле этого
слова; но знанием в безусловном смысле оно становится
лишь в том случае, если солнечное затмение понимается из
производящих его условий (из конусообразной тени луны).
Только со времени Архимеда физика понимает тот факт, что
тела плавают на воде, и только со времени Галилея, что при
ускоренном движении свободно падающего тела проходи-
мые пространства относятся друг к другу как квадраты
времен, ибо и тот, и другой выводили явление из произво-
дящих условий и из полного <(их)> основания. Только та-
ким образом мы *знаем* что-либо в полном смысле этого
слова. До этого у нас может быть осведомленность о чем-
либо (Kenntniss), но нет еще знания в смысле познания
(wissende Erkenntniss). Не иначе обстоит дело и в других
областях знания. Понимание какого-либо места текста ос-
новывается, если оставить в стороне простую привычку и
упражнение, <(всегда)> на таком основании, в силу которо-
го понимание только и становится возможным, на предпо-
ложении некоторой могущей быть <(последовательно)>
продуманной мысли (eines denkbaren Gedankes), на обще-
признанном значении слов, словесных форм и их констру-
кции. Там, где события мировой истории не только схваты-
ваются в их единичности, но понимаются в их связи, рас-
крывается их смысл и их назначение.

⁴⁹ Имеется в виду издание: Spinoza Benedicti Opera quae super-
sunt omnia, vol. 2. Ed. Heinrich Eberhard Gottlob Paulus. Iena, 1803. См.
также: *Спиноза Б.* Трактат об очищении интеллекта: пер. с лат.
В.Н. Половцовой. М., 1914. С. 77.

Если, во-вторых, требуется убеждение, что дело не может обстоять иначе, то этим прежде всего обозначается *необходимость* и притом по ее отрицательному характеру. Может ли что-нибудь обстоять иначе, – это решается путем опыта (*Versuch*), который производят с мысленным допущением противоречащей противоположности. Этот эксперимент косвенного доказательства состоит в последовательном сцеплении того, чего нет, покуда оно не раскроется как нечто такое, чего и не может быть.

Как вообще субъективная, по крайней мере, с *одной* стороны, необходимость и объективное основание могут соединяться друг другом, – этот вопрос входит в область более глубокого исследования о понятиях модальности, которое здесь не может быть дано (ср. LU II. 97 [ЛИ II. 168]).

Но в действительности наше познание сравнительно лишь в немногих пунктах возвысилось до слияния воедино этого двоякого характера знания. В тех случаях, где приобретает силу лишь внешнее основание познания как некоторый знак (*σημεῖον*), где господствует только косвенное доказательство, там может быть, правда, дано удовлетворение требованию необходимости, но другое требование – требование производящего условия вещи – остается неудовлетворенным. Для сравнения можно взять соответствующие примеры даже из точных наук, например, у Евклида (*Euklid. Element. I. 27*). Две прямые линии, с которыми третья, их пересекающая, образует равные накрест лежащие углы, параллельны. Дается доказательство, что это «не может быть иначе», ибо если бы мы допустили, что обе эти прямые линии не параллельны, то они встретились бы друг с другом и образовали бы треугольник. Тогда, однако, один из накрест лежащих углов (как внешний по отношению к возникающему треугольнику) должен был бы быть больше другого (т. е. одного из углов, противолежащих внешнему углу) (*Euklid. Element. Положение 16*), что было бы несогласно со

сделанным предположением. Между тем производящее основание этого здесь не раскрыто. Ибо накрест лежащие углы уже сами собой порождают параллели, совершенно не считаясь с тем, что получилось бы, если бы они допускали пересечение; а доказательство указывает между тем только на эту сторону дела.

Так, сам Аристотель, выходя за пределы фактического положения дела, раскрывает здесь самое намерение и цель познания.

К § 18–20

Так как всякое разумное обучение и усвоение чего-либо происходит из некоторого предшествующего и уже известного познания, как об этом свидетельствует методически разрабатываемая математика на каждом примере и как это подтверждается всякой вообще наукой, то спрашивается, что же представляет собой это предшествующее и более известное познание; причем это предшествующее познание есть или нечто более ранее в отношении к созидающей природе (нечто общее) или нечто более ранее для нас (нечто единичное). Отсюда возникает двоякий способ разработки познания, силлогизм (дедукция) и индукция.

То, что нам непосредственно дается восприятием, множество единичного, есть *первое для нас*; то, что мысль находит в основании вещей как производящее единство всеобщего, есть первоначальное по отношению к самой созидающей природе – *первое по природе*. И если Аристотель *то* первое характеризует как более известное для нас, ибо мы погружены в самую среду мира явлений, а *это* первое – как безусловно и по природе более известное и познаваемое, то в основе этого <(различения)> лежит по умолчанию принимаемое воззрение, согласно которому все пестрое многообразие вещей развивается не из единства слепой силы, а из созидающей мысли. Эта воззрение, однако, выска-

зано здесь лишь как побочное соображение, которое от логического вопроса уводит нас в область метафизики.

Из всех наук можно заимствовать примеры для иллюстрации этой противоположности первого для нас и первого по природе. Место, приведенное из «Топики» (Тор. VI. 4), имеет особое значение для понимания генетической геометрии в духе Аристотеля. Если точку объясняют как границу прямой линии, а линию – как границу плоскости, то в этом случае дают объяснение, отправляясь от того, что лежит всего ближе к нам; но тогда, оставаясь последовательным, следовало бы непосредственно воспринимаемое нами тело, как оно дается в опыте, также и в науке рассматривать перед учением о плоских фигурах. В названии «первичные числа» ($\alpha\rho\iota\theta\mu\omicron\iota \text{ πρ}\acute{\omega}\tau\omicron\iota$, ср. § 57. Euklid. Element. 7) еще чувствуются следы понятия о *natura prius*⁵⁰. Естественные науки, накапливающие факты, <(т. е. описательные естественные науки)> вращаются в сфере того, что является ближайшим для нас; объясняющая (*begreifende*) физиология, напротив, развивает свои знания соответственно природе из того, что для нее есть первое⁵¹. Опытная физика наблюдает сначала то, что для нас является более познаваемым, но если она стремится понять явление из самой природы вещи, тогда она познает то, что является более познаваемым в безусловном смысле, как бы замысел самой природы.

Так, если вспомнить вышеприведенный пример, Архимед выводил из понятия о жидкости явление плавающих тел и отношения уменьшения их тяжести при погружении в жидкость. С полной определенностью он <(именно)> природу жидкого полагал в основу доказательств. Сохранившийся до нашего времени только латинский перевод его

⁵⁰ «Первое по природе» (лат.). – Б.Ф.

⁵¹ И что, следовательно, в качестве принципа понимания есть первое по природе. – Б.Ф.

сочинения Περί ὄχουμένων (De iis quae vehuntur in aqua)⁵² начинается с гипотезы: «Предположим, что природа жидкого такова, что среди ее частей, расположенных равномерно и непрерывно, части, менее сплоченные между собой, выталкиваются частями более сплоченными»⁵³. Машины, построенные в новейшее время на основе этого закона, по которому части воды обладают безусловной (schlechthin) подвижностью, вследствие чего давление свободно распространяется от одной части на все остальные, как это имеет место, например, в Брамовском прессе, изобретены, исходя из мысли ο πρότερον τῆ φύσει (первом по природе), как и любое открытие, не являющееся делом игры случая или продуктом нащупывания вслепую, предполагает проникновение ума (Blick) в такого рода первоначальное и его использование.

Из опыта мы знаем, что параллельные линии улиц, рядов деревьев, колоннад, если смотреть на них с одного конца, кажутся нам сходящимися друг к другу; и древние скептики находили в этом разладе между действительностью и явлением основание для сомнения (Sext Empir. Hypotyp. Pyrrh. I. § 118). Они, как и вся эпоха скепсиса, <(бесплодно)> вращаются при этом в πρότερον πρὸς ἡμᾶς <- в сфере первого для нас>. Но уже древние оптики (например, Евклид в 6-м положении «Оптики») познают это явление из общего основания – суживающегося угла зрения (из πρότερον τῆ φύσει <- первого по природе>) и на этом основании устраниают упреки в произвольном искажении. Самая эта видимость, таким образом, требуется действительностью, так что сомнение могла бы возбудить, скорее, лишь ее противоположность. С точки зрения того, кто рису-

⁵² «О плавающих телах».

⁵³ Ср.: *Архимед. О плавающих телах* (Книга первая) // *Архимед. Сочинения*: пер. И.Н. Веселовского. М., 1962. С. 328.

ет, эта видимость при известных условиях действует даже как πρότερον τῆ φύσει <– первое по природе>, являясь сопутствующим основанием для правильного рисунка.

Формы, которые мы различаем в существительных как их падежи, суть σημεῖα <(знаки)> внутренних логических отношений; из них мы познаем мысль как из некоторого πρότερον πρὸς ἡμᾶς <– первого для нас>. Но если мы, наоборот, необходимость падежа понимаем из деятельности глаголов, которая, будучи сама по себе неполной, требует восполнения ее тем или иным направлением, или если в каком-либо определенном предложении мы обсуждаем необходимость того или иного падежа, исходя из <(выражаемой)> мысли, то нами руководит πρότερον τῆ φύσει.

Впечатление, которое мы получаем от произведений искусства, например, от Пропилей с их строгими рядами колонн, есть πρότερον πρὸς ἡμᾶς; но та творческая идея, которая в этом материале, в этих формах получает свое конкретное осуществление, например, цель и настроение, получающие в этом здании свое обнаружение, есть πρότερον τῆ φύσει.

Если мы хотим применить эти понятия к более широкому наблюдению, то противопоставляем друг другу два воззрения на образование мира. Древние ионические натурфилософы⁵⁴ стремились понять мир из простой, чувственно воспринимаемой первоосновы (из некоторого πρότερον πρὸς ἡμᾶς). Но Платон изображает возникновение мира из первой мысли Бога (из πρότερον ἀπλῶς⁵⁵); «он был

⁵⁴ Дословно: «физиологи» – от φύσις, природа и λόγος, мысль, наука. – Б.Ф.

⁵⁵ «Первое безусловное» (греч.).

благ и чужд зависти; и он хотел, чтобы мир был возможно больше похож на него»⁵⁶.

В предшествующем изложении была выяснена противоположность того, что лежит ближе к нам, и того, что есть первое по природе. Отправная точка зрения и направление всего исследования показали нам эту противоположность с полной отчетливостью. Тем не менее в этих сравнительно больших примерах она <(т. е. эта противоположность)> не дана еще в чистом и несмешанном виде⁵⁷. Ибо начиная с того, что является первым для нас, с единичного и непосредственного, <(наше)> познание в то же время продвигается вперед лишь по пути разъяснений более общего характера, исходящих в известном смысле из противоположного полюса.

Но если то, что является первым для нас и первым по природе, понять во всей чистоте и резкости их различия, то в первом случае мы будем иметь дело с единичным, а во втором – с общим. Отсюда вытекают для Аристотеля два метода – *индукция*, суммирующая единичное до всеобщего, и *силлогизм*, устанавливающий существо особенного, исходя из всеобщего.

Может показаться странным, что способ познания, исходящий из того, что первое в безусловном смысле, непо-

⁵⁶ Тренделенбург цитирует диалог Платона «Тимей» (29е). Ср.: «Рассмотрим же, по какой причине устроил возникновение и эту Вселенную тот, кто их устроил. Он был благ, а тот, кто благ, никогда и ни в каком деле не испытывает зависти. Будучи чужд зависти, он пожелал, чтобы все вещи стали как можно более подобны ему самому» (пер. С.С. Аверинцева). См.: Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М., 1994. С. 433.

⁵⁷ Здесь Тренделенбург имеет в виду развитую им в дальнейшем концепцию окончательного разделения философских учений: *Trendelenburg A. Über den letzten Unterschied der philosophischen Systeme*. Berlin, 1849 // *Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, 1847. S. 241–262.

средственно сводится к *силлогизму*, а способ познания, который исходит из единичного и первого для нас, непосредственно сводится к *индукции*. Силлогизм и индукция могут показаться для этого слишком узкими и несоответствующими упомянутому общему различению <(первого для нас и первого по природе)>.

Разъяснению этого служит следующее. Тому, что силлогизм отправляется от всеобщего, а индукция – от единичного, учит любой пример. Далее, общее составляет в *нашем* познании последнее, а не первое (в смысле $\pi\rho\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\nu\varsigma\ \pi\rho\acute{o}\varsigma\ \eta\mu\acute{\alpha}\varsigma$), ибо наше познание начинается с восприятия единичного; но по природе оно <(т. е. это общее)> есть первое, поскольку она <(т. е. природа)> творит, исходя из мысли, которая всегда есть нечто общее. Единичное, напротив, при той же предпосылке является для созидающей природы последним, а для нас первым. Следовательно, во всех случаях, где имеет место силлогизм, заключение отправляется от того, что есть первое по природе, там же, где имеет место индукция, заключение выводится обратным путем. Но возникает вопрос, является ли первое по природе всегда и в таком смысле всеобщим, чтобы из него в акте (*im Verfahren*) познающего духа возникал силлогизм? И есть ли то, что является ближайшим для нас, всегда и в таком смысле единичное, чтобы в акте познающего духа возникала индукция? Во всяком случае, несомненно, что здесь предположено нечто большее, что выходит за пределы силлогизма и индукции, а именно – синтетический и аналитический способы познания вообще (См.: LU II. 208 и сл. [ЛИ II. 301 и сл.]). Однако здесь это можно оставить без ближайшего рассмотрения, тем более что производящее основание в синтетическом способе познания (в том, что есть *natura prius*) всегда можно выразить как всеобщее – как большую посылку умозаключения, а везде, где единичное выступает в обосновании как *чисто* единичное, всегда возникает сум-

мирующая индукция. Последнее становится ясным на примере описательных естественных наук, движущихся в сфере собирающей индукции. Первое обнаруживается во всех тех случаях, где производящее основание (то, что есть *natura prius*) выступает перед нами с полной ясностью. Если из вращения одного и того же радиуса вокруг центра возникает круг, то отсюда непосредственно следует, что все радиусы круга равны. Это положение (Euklid. Element. I. Def. 15)⁵⁸ становится большей посылкой силлогизма в доказательстве, приводимом для решения задачи построить равносторонний треугольник на данной прямой линии определенной длины (Euklid. Element. I. 1). Или когда затмение Луны объясняется конусообразной тенью Земли, в которую вступает Луна, как основанием самого существа этого явления (первым по природе – *πρότερον τῆ φύσει*), то и здесь раскрывается некий общий закон о непрозрачности сред и ограничении тени.

При преподавании будет целесообразно избегать здесь разъяснения аналитического и синтетического, так как для начала оно слишком трудно, а <(с другой стороны)> некоторые существенные определения встретятся позднее в более широкой связи (ср. § 62 и сл.). Здесь же важно лишь определить понятия предшествующего и обосновывающего познания через указание на двоякий смысл понятия о более раннем (Früheren) и из соответствующего этому понятию двоякого значения всеобщего и единичного вывести силлогизм и индукцию.

⁵⁸ См.: «Круг есть плоская фигура, содержащаяся внутри одной линии [которая называется окружностью], на которую все из одной точки внутри фигуры падающие [на окружность круга] прямые равны между собой». Евклид. Начала. Кн. I–VI / пер. с греч. и комментарии Д.Д. Мордухай-Болтовского при ред. участии М.Я. Выгодского и И.Н. Веселовского. М.-Л., 1948. С. 12 (Кн. I; Определение 15).

§ 21

Непосредственно вслед за общим очерком двоякого способа исследования рассматривается существо <(опосредствованного)> *умозаключения*.

Συλλογισμὸς δὲ ἐστὶ λόγος ἐν ᾧ τεθέντων τινῶν ἕτερόν τι τῶν κειμένων ἐξ ἀνάγκης συμβαίνει τῷ ταῦτα εἶναι. λέγω δὲ τῷ ταῦτα εἶναι τὸ διὰ ταῦτα συμβαίνειν, τὸ δὲ διὰ ταῦτα συμβαίνειν τὸ μηδενὸς ἕξωθεν ὄρου προσδεῖν πρὸς τὸ γενέσθαι τὸ ἀναγκαῖον.

«Силлогизм есть речь, в которой, когда нечто положено, из него с необходимостью вытекает нечто отличное <(другое)> в силу того только, что оно <(т. е. первое)> есть. Под словами же “в силу того только, что оно есть” я разумею, что это отличное <(другое)> вытекает ради него, а под словами “вытекает ради него”, что оно <(т. е. это отличное или другое)> не нуждается ни в каком постороннем определении, чтобы обнаружиться в <(своей)> необходимости» (Analyt. Pr. I. 1. 24b18).

Приведенное объяснение силлогизма находится в начале «Аналитики» и может вызвать сомнение относительно того, не понимает ли его Аристотель в более широком смысле, подразумевая в нем также и индукцию, так как и эта последняя рассматривается им в «Аналитике» и иногда так и называется им ἐξ ἐπαγωγῆς συλλογισμὸς <(силлогизм, исходящий из наведения)> (Analyt. Pr. II. 23). Однако, строго говоря, индукция не подходит под это объяснение, ибо на деле она нуждается в посторонних, из вне взя-

тых определениях, чтобы *завершить* то всеобщее, которого она стремится достичь, исходя из единичного. В приведенном месте Аристотель сам указал такое приводящее условие (ср. LU II. 261 и сл. [ЛИ II. 304 и сл.]). Сама по себе индукция дает только сумму <фактов>, но не дает никакого необходимого и определенно очерченного общего. Поэтому приведенное выше определение, исключаящее все, что еще нужно было бы привлечь извне для необходимости вывода, следует признать определением силлогизма в более тесном смысле этого слова и именно это определение выдвинуть в преподавании логики. В целях выяснения отдельных моментов силлогизма, в особенности необходимость вывода, полезно разобрать несколько примеров, например, умозаключения Евклида в его «Элементах» (Euklid. Element. I, 1).

§ 22, 23, 24

<§ 22> Ὅρον δὲ καλῶ εἰς ὃν διαλύεται ἡ πρότασις, οἷον τὸ τε κατηγορούμενον καὶ τὸ καθ' οὗ κατηγορεῖται.

«Терминами я называю те понятия, на которые распадается каждое суждение <(входящее в состав силлогизма)>, <а именно> как то, что высказывается о чем-либо (предикат), так и то, о чем оно высказывается (субъект)» (Analyt. Pr. I. 1. 24b16).

<§ 23> Ὅσα κατὰ τοῦ κατηγορουμένου λέγεται, πάντα καὶ κατὰ τοῦ ὑποκειμένου ῥηθήσεται.

«Все, что высказывается о предикате, будет высказываться и о субъекте» (Categ. 5. 3. b4).

<§ 24> Ὅταν οὖν ὅροι τρεῖς οὕτως ἔχωσι πρὸς ἀλλήλους ὥστε τὸν ἔσχατον ἐν ὅλῳ εἶναι τῷ

μέσω καὶ τὸν μέσον ἐν ὅλῳ τῷ πρώτῳ ἢ εἶναι ἢ μὴ εἶναι, ἀνάγκη τῶν ἄκρων εἶναι συλλογισμόν τέλειον. Καλῶ δὲ μέσον μὲν ὁ καὶ αὐτὸ ἐν ἄλλῳ καὶ ἄλλο ἐν τούτῳ ἐστίν, ὁ καὶ τῇ θέσει γίνεται μέσον· ἄκρα δὲ τὸ αὐτὸ τε ἐν ἄλλῳ ὄν καὶ ἐν ᾧ ἄλλο ἐστίν. --

Εἰ γὰρ τὸ Α κατὰ παντὸς τοῦ Β καὶ τὸ Β κατὰ παντὸς τοῦ Γ, ἀνάγκη τὸ Α κατὰ παντὸς τοῦ Γ κατηγορεῖσθαι. -- Καλῶ δὲ τὸ τοιοῦτον σχῆμα πρώτον.

«Если три термина так относятся друг к другу, что последний <(т. е. меньший)> подчинен среднему, взятому во всем объеме, а средний подчинен или не подчинен первому <(т. е. большему)>, взятому во всем объеме, то полное <опосредствованное> умозаключение <(силлогизм)> о двух крайних терминах имеет место с необходимостью. Средним я называю такой термин, который как сам стоит под другим <подчинен другому>, так и некоторый другой <(термин)> содержит под собой, и который <(поэтому)> и по своему положению оказывается средним; равным образом крайними терминами <(т. е. меньшим и большим)> я называю как то, что стоит под другим <(меньший)>, так и то, под чем стоит нечто другое <(и что само уже не стоит под чем-либо другим)> <(больший)>...»

Ибо если a (<в новой логике> P) высказывается о всей b (<в новой логике> M), а b (M) обо всей c (S), то и a (P) с необходимостью высказывается обо всей c (S). ... Такую фигуру силлогизма я называю первой» (Analyt. Pr. I. 4. 25b 32; 26b 33).

Если суждение <(как нечто целое)> распадается, то элементы, выражающие лишь форму, в которой понятия ставятся в отношении друг к другу, исчезают, ибо эти элементы

означают нечто лишь в суждении как некотором объединенном целом, – и остаются лишь те понятия, которые обладают некоторым содержанием <(но безотносительно к форме их связи)>. Эти понятия называются терминами. В суждении «квадраты суть параллелограммы» при распаде суждения связка (Copula) отпадает, и остаются только термины: квадрат, параллелограмм.

Так как далее предикат высказывает содержание субъекта, то то, что образует содержание этого содержания, т. е. предикат предиката, должно быть также и содержанием субъекта. Например, все квадраты суть параллелограммы; все параллелограммы суть плоские фигуры. Предикат предиката (плоские фигуры) будет, поэтому, иметь силу также и для субъекта первого суждения (квадрат). То, что становится ясным для нас на этом примере с общими и утвердительными посылками, само собой получает известное ограничение, если в посылки входит отрицание или частное отношение <(между понятиями)>.

В силу этого простого закона открывается возможность, исходя из того отношения, которое имеется налицо в суждениях <(т. е. посылках)>, устанавливать новые отношения, и <(опосредствованное)> умозаключение эту возможность осуществляет.

В наиболее полном виде это происходит в первой фигуре <силлогизма>. Если при рассмотрении этой фигуры Аристотель исходит из того, что здесь один термин стоит под другим, но это есть другое выражение того же закона. Если в первом выражении этого закона обращалось внимание на содержание понятий, то здесь оно направлено на их объем; если там имелось в виду высказывание <(предсказание)>, то здесь мы имеем дело с подчинением. Аристотель и то и другое приводит к известному единству. Ибо какое-либо данное понятие высказывается также и о всех видах некоторого другого понятия, которое полностью со-

держится в его объеме (Analyt. Pr. I). Квадрат содержится всецело в объеме параллелограмма, и потому параллелограмм высказывается о всех квадратах. Также обстоит дело и при отрицании.

Отсюда генетически получается первая фигура умозаключения. Если c всецело подчинено b , а b подчинено a , то b будет высказываться о всех c , а – обо всех b . Это значит, что a как предикат предиката будет присущ всем c , т. е. субъекту суждения. Сердний термин, в котором понятия соединяются, является при этом их связующим звеном.

В данном параграфе (§ 24) указаны только два главных случая, в которых при помощи первой фигуры <(силлогизма)> осуществляются общеутвердительные и общеотрицательные умозаключения (barbara, celarent). Если умозаключение по первой фигуре Аристотель назвал научным умозаключением (Analyt. Post. I. 14), то таковое действительно осуществляется как раз в этих двух модусах. Те случаи, в которых умозаключение приводит к частноутвердительным к частноотрицательным выводам (darii, ferio), получаются путем строго соответствующего же рассмотрения. Но вопрос, почему в первой фигуре <(силлогизма)> возможны (именно) только эти четыре модуса, был бы трудным и далеко ведущим вопросом, который мы исключаем из «Элементов», хотя Аристотель его тщательно рассмотрел (Analyt. Pr. I.4). По поводу избранного им пути см. «Логические исследования» (LU II. 250 и 326 [ЛИ II. 344-345 и 422]).

Примеры умозаключений, приводимые Аристотелем в его логике, производят впечатление чего-то искусственного и натянутого. Поэтому чтобы заметить, что и научное мышление в сущности по умолчанию описывает те же формы, следует вместо того, чтобы долго останавливаться на этих примерах, бросить взгляд на то, что нам дают доказательства точных наук (die beweisenden Wissenschaften).

У Евклида в качестве больших посылок выступают ли-

бо аксиомы, либо предшествующие теоремы, по отношению к которым доказательство, основанное на построении, играет роль меньшей посылки. В «Элементах» Евклида (Euklid. Element. I. 1) посредством <(построения)> двух пересекающихся кругов одинакового радиуса решается задача о том, как на данной линии, взятой за основание, построить равносторонний плоский треугольник. При этом последнее умозаключение доказательства формируется так: две величины, порознь равные третьей, равны между собой. Оба радиуса равны линии, взятой за основание, т. е. некоторой третьей величине. Следовательно, они равны и между собой. Доказательство Пифагоровой теоремы (Euklid. Element. I. 47) сводится к тому, что относительно обоих параллелограммов, возникающих вследствие того, что на линию, образующую гипотенузу прямоугольного треугольника, опускается перпендикуляр, доказываемая, что каждый из них равен квадрату, построенному на одном из катетов того же прямоугольного треугольника. Основывается же это на том, что обе возникающие половины квадрата <(т. е. квадрата, построенного на гипотенузе)> оказываются равными друг другу. Но две величины, как утверждается затем на основании шестой аксиомы, каждая из которых является удвоением равной величины, равны между собой. Квадрат же, построенный на одном из катетов, и любой из параллелограммов, построенных на гипотенузе <(опущением упомянутого перпендикуляра)>, представляют собой каждый в отдельности удвоение некоторого одинакового треугольника <(как отправной величины)>. Следовательно, они равны между собой.

Основной закон геометрической пропорции доказываемся следующим образом: равные факторы <(т. е. множители)> дают равные произведения. Но если крайние и средние члены какой-либо геометрической прогрессии перемножить друг на друга, то они дают равные факторы.

Следовательно, если $a : ae = b : be$, то $abe = aeb$ <(т. е. произведение крайних членов равно произведению средних, что и требовалось доказать)>.

Везде, где физика переходит от наблюдения к теории и от теории к доказательству (Demonstration), ее умозаключения всегда имеют ту же логическую форму. Но только не всегда бывает легко превратить синтетические элементы данной в созерцании конструкции в абстрактный закон больших посылок. Галилей в своих диалогах о движении определил с геометрической точностью, что тело, брошенное в горизонтальном направлении, если отвлечься от всякого сопротивления <среды>, описывает в своем движении параболу; и его умозаключения, если взять их в этом оголенном и формальном виде, суть умозаключения по первой фигуре (ср. *Opere di Galileo Galilei, Padua, 1744, [vol. 4], de motu projectorum, p. 143–144*)⁵⁹. Доказательство Галилея по большей части перешло во все те учебники физики, которые стремятся к геометрической наглядности, например, в учебник Криза для классических школ⁶⁰. Если Аристотель из области физики приводит оптику в качестве науки (*Analyt. Post. I. 14*), развивающейся посредством умозаключения первой фигуры, то пример для этого можно заимствовать из «Оптики» Евклида. Например, положение 6: расстояния между параллелями, уходящими <(от нас)> вперед, рассматриваемые с одного конца, всегда кажутся меньшими, чем в действительности <(т. е. суживающимися)>. Большую посылку доказательства образует здесь гипотеза, используемая как аксиома (*Euklid. Opt. Thesis 6*). Все, что мы видим под меньшим углом зрения, представляется нам

⁵⁹ Галилей Г. Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящихся к механике и местному движению // Галилей Г. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М., 1964. С. 304–305.

⁶⁰ Kries F.C. Lehrbuch der Physik für gelehrte Schulen. Jena, 1806.

меньшим <(по размеру)>. Меньшая же посылка, напротив, дается каждым данным случаем. Удаляющиеся от нас между двумя параллелями расстояния мы видим под все уменьшающимся углом зрения. Следовательно, они кажутся нам всё меньшими, как, например, по видимости заостряющиеся просветы между параллельными рядами колонн, если их рассматривать с одного конца.

Всякое применение какого-либо грамматического правила также происходит в порядке умозаключения по первой фигуре. После всех *verbis sentiendi*⁶¹, – учит латинская грамматика, – зависящее от них придаточное предложение, выражающее дополнение, стоит в *accusativus cum infinitivo*⁶². *Video* <(вижу)> есть *verbum sentiendi* <(глагол чувства)> и потому подчиняется этому правилу. Следовательно, после *video* и т. д. [Пример:] *Volucres videmus procreationis causa fingere nidos*⁶³. Если от *video*, взятого в общем смысле, заключают к вот этому данному случаю, то оно <(это *video*)> получает специальное применение, в котором умозаключают уже не по *barbara*, как в науке, а по *darii*.

Во всех случаях, где грамматика стремится понять изучаемые явления, она оперирует подобного рода умозаключениями <(т. е. по первой фигуре)>. Если она стремится понять, например, возникновение предлогов и падежей, то делает примерно следующее умозаключение. Она предполагает большую посылку: «что с необходимостью мыслится, то создает и в языке <(соответствующее)> выражение». В понятии объектных глаголов необходимо мыслится направление на объект. Следовательно, в объектных <(т. е. переходных)> глаголах мысль о направлении создает

⁶¹ Глаголы, выражающие какое-нибудь чувство (лат.). – Б.Ф.

⁶² Винительный падеж с инфинитивом (лат.). – Б.Ф.

⁶³ Мы видим, что птицы в целях рождения птенцов устраивают гнезда (лат.). – Б.Ф.

соответствующее выражение. Отсюда в языке – *casus obliqui*⁶⁴, а вместо них – предлоги. Если же меньшая посылка, как это и необходимо, получается, в свою очередь, путем вывода, то снова возникают умозаключения по первой фигуре.

§ 25

Ὅταν δὲ τὸ αὐτὸ τῶ μὲν παντὶ τῶ δὲ μηδενὶ ὑπάρχη, ἢ ἐκατέρῳ παντὶ ἢ μηδενὶ, τὸ μὲν σχῆμα τὸ τοιοῦτον καλῶ δεύτερον, μέσον δὲ ἐν αὐτῶ λέγω τὸ κατηγορούμενον ἀμφοῖν· – τίθεται δὲ τὸ μέσον ἔξω μὲν τῶν ἄκρων, πρῶτον δὲ τῇ θέσει. – δυνατὸς δ' ἔσται (συλλογισμὸς) καὶ καθόλου καὶ μὴ καθόλου τῶν ὄρων ὄντων. καθόλου μὲν οὖν ὄντων ἔσται συλλογισμὸς ὅταν τὸ μέσον τῶ μὲν παντὶ τῶ δὲ μηδενὶ ὑπάρχη, ἂν πρὸς ὀποτέρω οὖν ἢ τὸ στερητικόν· ἄλλως δ' οὐδαμῶς. κατηγορείσθω γὰρ τὸ Μ τοῦ μὲν Ν μηδενός, τοῦ δὲ Ξ παντός. ἐπεὶ οὖν ἀντιστρέφει τὸ στερητικόν, οὐδενὶ τῶ Μ ὑπάρξει τὸ Ν· τὸ δέ γε Μ παντὶ τῶ Ξ ὑπέκειτο· ὥστε τὸ Ν οὐδενὶ τῶ Ξ· τοῦτο γὰρ δέδεικται πρότερον. πάλιν εἰ τὸ Μ τῶ μὲν Ν παντὶ τῶ δὲ Ξ μηδενὶ, οὐδὲ τὸ Ν τῶ Ξ οὐδενὶ ὑπάρξει (εἰ γὰρ τὸ Μ οὐδενὶ τῶ Ξ, οὐδὲ τὸ Ξ οὐδενὶ τῶ Μ· τὸ δέ γε Μ παντὶ τῶ Ν ὑπῆρχεν· τὸ ἄρα Ξ οὐδενὶ τῶ Ν ὑπάρξει· γεγένηται γὰρ πάλιν τὸ πρῶτον

⁶⁴ Косвенные падежи (лат.). – Б.Ф.

σχῆμα)· ἐπεὶ δὲ ἀντιστρέφει τὸ στερητικόν, οὐδὲ τὸ Ν οὐδενὶ τῷ Ξ ὑπάρξει, ὥστ' ἔσται ὁ αὐτὸς συλλογισμὸς.

Οὐ γίνεται καταφατικὸς συλλογισμὸς διὰ τούτου τοῦ σχήματος, ἀλλὰ πάντες στερητικοί, καὶ οἱ καθόλου καὶ οἱ κατὰ μέρος.

«Если то же самое <(понятие)> одному присуще всеобщим образом, а другому вовсе не присуще, или обоим присуще всеобщим образом, или ни одному из них не присуще вовсе, то такую фигуру <(силлогизма)> я называю второй; под средним <(термином)> я понимаю в ней то, что высказывается об обоих <(других)> понятиях (одинаковый предикат большей и меньшей посылки <в новой логике>). ... Средний термин стоит <(здесь)> вне крайних <(терминов)> и по своему положению занимает первое место. ... Умозаключение же возможно здесь независимо от того, будут ли крайние термины всеобщими или не всеобщими. Если они всеобщие, то умозаключение возникает, когда средний термин одному <(из двух крайних)> присущ всеобщим образом, а другому не присущ вовсе независимо от того, с каким из крайних терминов будет связано его <(т. е. среднего термина)> отрицание; при несоблюдении же этого условия силлогизм не возникнет. Пусть в самом деле m (М) не выскажется ни об одном n (Р), но высказывается о всех o (S). Так как, однако, отрицательное суждение допускает обращение, то и ни одному m (М) не будет присуще n (Р) или, что то же, ни одно m не есть n ; но m (М), согласно предположению, было присуще всем o (S) (все o есть m), следовательно, n (Р) не будет присуще ни одному o (S) (ни одно o не есть n), а что это так, было уже показано выше (при рассмотрении пер-

вой фигуры). С другой стороны, если m (M) присуще всем n (P), но ни одному o (S) (все n суть m , ни одно o не есть m), то и \langle (ни одно) $\rangle n$ (P) не присуще ни одному o (S). В самом деле, если m (M) не присуще ни одному o (S), то и o (S) не присуще ни одному m (M), но ведь m (M) присуще всем n (P) (все m есть n), следовательно, o (S) не присуще ни одному n (P) (ни одно n не есть o), ибо снова возникла первая фигура. А так как отрицательное суждение допускает обращение, то и n (P) не будет присуще ни одному o (S) (ни одно o не есть n). Перед нами будет, следовательно, тот же силлогизм...

Утвердительных выводов в этой фигуре не бывает, но все они \langle (здесь) \rangle отрицательные – как общие, так и частные» (Analyt. Pr. I. 5. 26b34; 28a7).

Во второй фигуре, точно так же, как и в первой, выделена только одна основная форма, чтобы на ней типически показать существо этой фигуры. Если при одинаковых предикатах большая посылка является общеутвердительной, а меньшая – общеотрицательной или, наоборот, как Аристотель коротко отмечает это в первом определении (одно и то же понятие некоторому другому присуще всеобщим образом, а третьему не присуще вовсе), то возникают модусы *camestes* и *cesare*. Наоборот, если одинаковые предикаты всеобщим образом утверждаются или отрицаются о чем-либо (одно и то же понятие двум другим понятиям или присуще всеобщим образом, или не присуще вовсе), то такие формы суть, правда, формы второй фигуры, но заключение в обеих этих формах невозможно. В общем описании Аристотель сперва имеет в виду только саму форму \langle фигуры \rangle , чтобы затем исключить модусы, невозможные по этой фигуре. В конце параграфа имеется указание на то, от каких условий зависит возможность \langle (правильного) \rangle заключения

по второй фигуре. Если обе посылки отрицательны, то средний термин оказывается вне большей и меньшей посылок; но именно поэтому он и не содержит в себе тогда никакого отношения, которое позволяло бы соединить в выводе, отрицая или утверждая, одно понятие с другим <(т. е. меньший термин – с большим)>.

Противительный характер всей этой фигуры, необходимое ограничение ее отрицательным результатом, сведение ее Аристотелем к закону первой фигуры, – все это легко выяснить из самого содержания данного параграфа. В <латинских> примечаниях к «Элементарам логики» дано указание на внутреннее основание, в силу которого по этой фигуре невозможны утвердительные умозаключения. У Аристотеля доказательство этого <(т. е. невозможности утвердительного вывода)> содержится в исчерпывающем рассмотрении единственно возможных модусов этой фигуры (см. LU II. 242–243 [ЛИ II. 337–338]).

Вторая фигура имеет столь же первоначальный характер, как первая, и не нуждается даже в данном Аристотелем сведении ее к первой фигуре, которое и в каждом конкретном случае может быть показано подобным же образом. Стоит только воспроизвести указанные <(в этой фигуре)> отношения в утвердительных посылках, чтобы показать невозможность основанного на них вывода. Например, все прямоугольники суть параллелограммы и все квадраты суть параллелограммы; далее, все параллелограммы суть прямолинейные плоские фигуры, все ромбоиды суть прямолинейные плоские фигуры и т. д. Из рассмотренных подобных примеров легко понять, почему заключение, которое можно было бы вывести при таких условиях, осталось бы сомнительным.

В науках примеров <(этой фигуры)> следует искать там, где приходится делать лишь отрицательные умозаключения, например, в косвенных доказательствах. Возьмем для срав-

нения умозаключения стойка Зенона, утверждавшего одушевленность всего мира (Cic. De nat. de. II. 8). Ничто, не обладающее сознанием, не имеет частей, обладающих сознанием; мир имеет части, обладающие сознанием, следовательно, мир не есть нечто, лишённое сознания (*festino*). Если в наших размышлениях мы нечто, представляющееся нам первоначально возможным, все-таки исключаем как невозможное, то в таких случаях наши умозаключения подчиняются модусам именно этой <(второй)> фигуры. Мы разбираемся, например, в латинском языке в конструкции какого-нибудь трудного места и склонны принять за субъект некоторое существительное, стоящее, однако, в косвенном падеже. В таком случае мы при условии, что имеем дело с прямой речью, отклоняем эту представляющуюся нам возможность путем простого умозаключения (*baroco*). Все субъекты <(т. е. подлежащие)> стоят в именительном падеже. Это существительное не стоит в именительном падеже. Следовательно, это существительное не есть субъект <(т. е. подлежащие)>. Ботаник старается определить некоторое растение. Внешний вид (*Habitus*) этого растения говорит за то, что оно есть паслён⁶⁵. Но паслён, заключает он, имеет 5 тычинок. У этого растения нет пяти тычинок (у него их больше или меньше). Следовательно, оно не есть паслён.

Подобное же течение мыслей наблюдается и у критика, когда ему приходится установить, что данное сочинение не подлинно. Ни одно сочинение Аристотеля, так примерно он заключает, не содержит в себе философского истолкования мифов. Но сочинение «О мире» содержит в

⁶⁵ Паслён (*лат. Solanum*) – род растений семейства паслёновые, содержащий до 900 видов, встречающихся в тёплом и умеренном климате. К паслёновым относятся, например, картофель, томат, баклажан.

себе философское истолкование мифов. Следовательно, это сочинение «О мире» не есть сочинение Аристотеля (*festino*). Таким же путем протекают и имеющие характер исключений возражения (Exceptionen) в правовых спорах, например *exertio veritatis*⁶⁶. Всякая клевета содержит утверждение ложных фактов; это заявление не содержит в себе утверждения ложных фактов. Следовательно, оно не есть клевета.

Если с этим сравнить доказательство Евклидом положения, что две прямые линии, с которыми третья, их пересекающая, образует равные накрест лежащие углы, параллельны между собой (Euklid. Element. I. 27), то и его можно облечь в умозаключение по второй фигуре (*camestres*). А именно – следующим образом. Все треугольники по содержащимся в них отношениям таковы, что их внешний угол больше каждого из противолежащих ему внутренних углов. Но ни одна фигура, в которой третья линия, образующая путем пересечения ею двух других прямых линий равные накрест лежащие углы, не дает такого отношения <(углов)>. Следовательно, ни одна такая фигура не есть треугольник.

У людей, по самой своей природе склонных к отрицанию, все их размышления принимают бессознательно и преимущественно форму конфликта посылок и именно потому чаще всего протекают в умозаключениях по второй фигуре.

В основе умозаключения по второй фигуре всегда лежит следующая мысль: то, что исключается из общего закона <(образования)> понятия, тем самым исключается и из самого понятия. Однако, чтобы процедуру научного исследования свести к этим простым формам первой и второй фигур, необходимо следующее замечание.

⁶⁶ Возражение о действительности случившегося (*лат.*).

Аристотель не подверг особому рассмотрению ни гипотетического <(т. е. условного)> суждения, ни гипотетического умозаключения, между тем как именно этим последним много занималась стоическая логика. Упустил ли он из виду эти формы умозаключения или считал их по существу одинаковыми с категорическим суждением и умозаключением, этого по первому впечатлению установить нельзя. Однако при ближайшем рассмотрении между этими формами обнаруживается все же известное внутреннее единство (см. LU II. 248; ср. LU II. 177 [ЛИ II. 342; ЛИ II. 264]; Herbart, Einleitung, § 65⁶⁷).

В гипотетическом умозаключении различают обыкновенно *modus ponens* <(полагающий)> и *modus tollens* <(снимающий)>. Если утверждается основание, то тем самым утверждается и следствие; если следствие отрицается, то этим отрицается и основание. А так как субъект и предикат относятся друг к другу как скрытое основание к развернутому следствию, то те же отношения имеют место и в категорическом суждении. При этом первая фигура, вообще говоря, делает умозаключения по *modo ponente*, а вторая — по *modo tollente*. *Modo ponente*: *A* есть *B*, но *C* есть *A*. Следовательно, *C* есть *B*. *Modo tollente*: *A* есть *B*, но *C* не есть *B*. Следовательно, *C* не есть *A*. Таким образом гипотетические умозаключения можно отнести к рассмотренным выше первой и второй фигурам.

Стоик Зенон, чтобы доказать внутренне присущий миру разум, воспользовался умозаключением, основывающемся в существе своем на следующих простых положениях (*Sext Emp. Adv. math. XI. 101* и сл.). Если целое порождает нечто разумное, то это целое разумно. Мир порождает нечто разумное (человека). Следовательно, и целое мира разумно.

⁶⁷ Herbart J.F. Lehrbuch zur Einleitung in der Philosophie. Königsberg, 1813. S. 51–52.

Эта форма *modo ponente* соответствует первой фигуре (силлогизма). *A* есть *B*. Но *A* есть. Следовательно, есть и *B*.

Для гипотетического умозаключения *modo tollente*, подпадающего под вторую аристотелевскую фигуру, примером могут служить косвенные доказательства. Для сравнения можно взять «Элементы» Евклида (Euklid. Element. I. 4; I. 6; I. 39 и т. д.). Умозаключение в I.4. гласит: если бы линия *bc* должна была проходить над или под линией *ef*, то тогда две линии замыкали бы собой пространство. Однако (согласно аксиоме) две прямые линии не замыкают собой никакого пространства. Следовательно, линия *bc* не может проходить ни над, ни под линией *ef*. Хотя субъект и предикат превращены здесь в два предложения, а именно в ясно выраженное предшествующее и последующее, в основе все же лежит простая схема второй фигуры, и притом в данном случае *festino*. Никакие две прямые линии не замыкают пространства. Но *bc* и *ef* должны были бы замыкать собой некоторое пространство. Следовательно, *bc* и *ef* не должны были бы быть прямыми линиями (каковы они в действительности).

Если гипотетические умозаключения сводятся к категорическим, то не следует, однако, упускать из виду существующее между ними различие, с особенной ясностью выступающее в косвенном доказательстве. В самом деле, гипотеза выражает либо соответственно субъекту *действительное* основание, либо – в противоположность полагающему утверждению действительности – лишь *мыслимое* условие. В обоих случаях модальность <(суждений)> различна. В первом случае гипотетическое суждение превращается в утвердительное категорическое суждение (ассерторическая модальность), во втором случае гипотетическое отношение превращает суждение всего лишь в суждение возможности (проблематическая модальность). Живой язык избегает этой двусмысленности, подчеркивая в последнем случае преимущественно консеквативные <(т. е. выражающие следование)> частицы.

§ 26

Ἐὰν δὲ τῷ αὐτῷ τὸ μὲν παντὶ τὸ δὲ μηδενὶ ὑπάρχη, ἢ ἄμφω παντὶ ἢ μηδενί, τὸ μὲν σχῆμα τὸ τοιοῦτον καλῶ τρίτον, μέσον δ' ἐν αὐτῷ λέγω καθ' οὗ ἄμφω τὰ κατηγορούμενα, ἄκρα δὲ τὰ κατηγορούμενα. – τίθεται δὲ τὸ μέσον ἔξω μὲν τῶν ἄκρων, ἔσχατον δὲ τῇ θέσει. – δυνατὸς δ' ἔσται (συλλογισμὸς) καὶ καθόλου καὶ μὴ καθόλου τῶν ὄρων ὄντων πρὸς τὸ μέσον.

Καθόλου μὲν οὖν ὄντων, ὅταν καὶ τὸ Π καὶ τὸ Ρ παντὶ τῷ Σ ὑπάρχη, ὅτι τινὶ τῷ Ρ τὸ Π ὑπάρξει ἐξ ἀνάγκης· ἐπεὶ γὰρ ἀντιστρέφει τὸ κατηγορικόν, ὑπάρξει τὸ Σ τινὶ τῷ Ρ, ὥστ' ἐπεὶ τῷ μὲν Σ παντὶ τὸ Π, τῷ δὲ Ρ τινὶ τὸ Σ, ἀνάγκη τὸ Π τινὶ τῷ Ρ ὑπάρχειν· γίνεται γὰρ συλλογισμὸς διὰ τοῦ πρώτου σχήματος.

Συλλογίσασθαι τὸ καθόλου διὰ τούτου τοῦ σχήματος οὐκ ἔσται, οὔτε στερητικὸν οὔτε καταφατικόν.

«Если одному и тому же нечто другое присуще всеобщим образом, а еще нечто третье не присуще вовсе, или оба они <(т. е. другое и третье)> присущи ему <т. е. этому одному и тому же> общим образом или не присущи ему вовсе, то такую фигуру я называю третьей. Средним термином я называю в ней тот, о котором высказываются оба других <(термина)> (субъект обоих предикатов), крайними же – те, которые сами <(о нем)> высказываются (τὰ κατηγορο-

ύμενα). ... Средний термин стоит <(не между, но)> вне крайних терминов, по своему положению – последним. ... Умозаключение будет <(по этой фигуре)> возможно независимо от того, относятся ли другие <(т. е. крайние)> термины к среднему термину всеобщим или невсеобщим образом.

Если они относятся <(к нему)> всеобщим образом, то если и p (P), и r (S) <(одинаково)> будут высказываться обо всех s (M), необходимо, чтобы и некоторым r (S) было присуще p (P), ибо поскольку утвердительное суждение обратимо, некоторым p (S) будет присуще s (M) (некоторые p суть s). И так как, следовательно, всем s (M) присуще p (P) (все s есть p), а некоторым r (S) присуще s (M) (некоторые r есть s), то необходимо, чтобы и p (P) было присуще некоторым r (S) (некоторые r суть p). Тогда возникает силлогизм по первой фигуре.

Умозаключать всеобщим образом по этой (третьей) фигуре невозможно – ни отрицательно, ни утвердительно» (Analyt Pr. I. 6. 28a10; 29a16).

Данное в начале <(этого параграфа)> описание третьей фигуры представляется неточным, поскольку никакой вывод не был бы возможен, если бы оба предиката отрицались относительно одного и того же субъекта; ибо из одних только отрицательных посылок ничего не следует. Между тем, это надо объяснить тем, что Аристотель сначала определяет лишь внешнюю форму третьей фигуры, не обращая еще внимания на то, какие модусы в ней возможны.

В качестве типичной формы <(этой фигуры)> взят важнейший модус (*darapti*). Из его рассмотрения становится очевидным, что умозаключение идет здесь через обращение общеутвердительного суждения. Вследствие этого вся фигура становится искусственной и даже двусмысленной,

последнее – в тех случаях, когда общеутвердительное суждение, в соответствии с правилом и без ближайшего исследования допускающее обращение лишь с ограничением и превращением его в частное суждение, по существу дела требовало бы, однако, простого обращения без всякого ограничения (см.: LU II. 244 и сл., ср.: LU II. 227 и сл. [ЛИ II. 339 и сл.; ЛИ II. 321 и сл.]).

В примечаниях к «Элементом логики»⁶⁸ указано внутреннее основание, почему третья фигура способна всегда давать лишь частный результат. У самого Аристотеля доказательство этого дается через рассмотрение всех вполне развитых возможных в ней модусов (*Analyt. Pr. I. 6*).

Так как науки стремятся к познанию общего, то они постараются обойтись без этого типа умозаключений, дающего только частные выводы, тем более что само умозаключение не идет здесь естественным путем. Поэтому трудно, быть может, даже невозможно привести для умозаключения по третьей фигуре примеры из области наук. Скорее приходится для этой фигуры *создавать* примеры, хотя такие искусственные примеры приносят мало пользы.

Например, все эллипсы суть замкнутые в себе линии. Все эллипсы суть конические сечения. Следовательно, некоторые конические сечения суть замкнутые в себе линии.

Ни один параллелограмм не имеет сходящихся противоположных сторон; все параллелограммы суть плоские прямолинейные фигуры. Следовательно, некоторые плоские прямолинейные фигуры не имеют сходящихся противоположных сторон.

⁶⁸ Эти примечания на латинском языке даны Тренделенбургом в его «*Elementa logices Aristoteleae...*» под заголовком «*Adnotata*» и будут переведены нами дополнительно для включения их в полную редакцию настоящего руководства. – Б.Ф. Этот проект Б.А. Фохтом, судя по всему, осуществлен не был.

§ 27

Δήλον δὲ καὶ ὅτι πᾶσα ἀπόδειξις ἔσται διὰ τριῶν ὄρων καὶ οὐ πλειόνων. — Тούτου δ' ὄντος φανεροῦ, δῆλον ὡς καὶ ἐκ δύο προτάσεων καὶ οὐ πλειόνων· οἱ γὰρ τρεῖς ὄροι δύο προτάσεις.

«Ясно, что каждое служащее для доказательства умозаключение будет осуществляться посредством трех и не более терминов. ... Если же это ясно, то очевидно также, что оно <(т. е. доказательство)> будет состоять из двух и не большего числа посылок. Ибо три термина образуют две посылки» (Analyt. Pr. I. 25. 41 b 36; 42a32).

Если умозаключение получается всего из двух терминов, следовательно, только из одного суждения, то это может быть лишь умозаключение, понятое в более широком и несобственном смысле слова. *Непосредственное* умозаключение, как его называют новейшие логики, например, обращение (*conversio*) (§ 14), не дает никакого нового соединения понятий, никакого нового содержания («чего-либо отличного от положенного», см. § 21⁶⁹). При умозаключениях *ex oppositione* <(т. е. по противопоставлению)> приходится иметь дело уже с отношением двух суждений.

Если правильное <(т. е. развиваемое согласно правилам)> умозаключение содержит более чем три термина, то это уже не простое заключение, но, подобно сориту в новой логике, объединенная форма нескольких простых умозаключений. Последнее легко показать на примере. Если взять с этой целью для сравнения ту фигуру, которой Евклид пользуется для доказательства пифагоровой теоремы

⁶⁹ Здесь Тренделенбург имеет в виду определение Аристотелем силлогизма.

(Euklid. Element. I. 47), то в ходе самого доказательства нужно будет показать, что треугольник, полученный из исходного острого угла посредством вспомогательной линии, будет составлять половину одного из квадратов, построенных на катете. При этом мы, строго говоря, будем иметь дело со следующим, имеющим форму цепи, умозаключением (сорит). Все параллелограммы делятся диагоналями на две равные половины. Все квадраты суть параллелограммы. Данная фигура есть (*per constuctionem*) квадрат. Следовательно, данная фигура делится диагоналями на две равные части. Получаемый таким образом треугольник оказывается тогда равным треугольнику, образованному посредством <(упомянутой)> вспомогательной линии, и доказательство развивается дальше уже совершенно просто. Вся цепь доказательства содержит в себе четыре термина (две равных половины, параллелограмм, квадрат, построенная фигура). Но она распадается на два силлогизма первой фигуры, в которых, однако, два термина повторяются. Первое умозаключение содержит в себе [следующие] термины: две равные половины, получаемые посредством диагоналей; параллелограмм; квадрат. Второе – две равные половины, получаемые посредством диагоналей; квадрат; построенная фигура.

Если простой силлогизм содержит в себе более трех терминов, то отсюда тотчас же возникает логическая ошибка, называемая *quaternio terminorum* и разрывающая надвое связующее звено среднего термина (*terminus medius*). Это имеет место именно тогда, когда средний термин берется в двояком смысле, получая разное значение в большей и меньшей посылке. Примеры таких, на греческих омонимах⁷⁰ основанных, ложных умозаключений мы находим у Аристотеля в его сочинении «О софистических опровержениях» (Soph. elench. гл. 4, ср. гл. 19).

⁷⁰ Одноименные, но по смыслу разные слова. – Б.Ф.

§ 28

Настоящий параграф рассматривает место, занимаемое средним термином в обеих посылках в качестве субъекта или предиката, и намеченные три фигуры сводит к различной возможности того, как три понятия <(входящие в силлогизм)> могут быть высказываемы друг о друге.

Ἀνάγκη τὸ μέσον ἐν ἀμφοτέροις (ταῖς προτάσεσιν) ὑπάρχειν ἐν ἅπασιν τοῖς σχήμασιν. Ἐὰν μὲν οὖν κατηγορῆ καὶ κατηγορῆται τὸ μέσον, ἢ αὐτὸ μὲν κατηγορῆ, ἄλλο δ' ἐκείνου ἀπαρνῆται, τὸ πρῶτον ἔσται σχῆμα· ἐὰν δὲ καὶ κατηγορῆ καὶ ἀπαρνῆται ἀπὸ τινος, τὸ μέσον· ἐὰν δ' ἄλλα ἐκείνου κατηγορῆται, ἢ τὸ μὲν ἀπαρνῆται τὸ δὲ κατηγορῆται, τὸ ἔσχατον.

«Средний термин должен необходимо встречаться в обеих посылках во всех фигурах <(силлогизма)>. Если средний термин есть такое понятие, которое как само высказывается утвердительно о чем-либо другом, так и нечто другое утвердительно высказывается о нем <(самом)>, или сам он <о чем-либо> высказывается утвердительно, но нечто другое о нем высказывается отрицательно, то мы имеем дело с *первой* фигурой <(силлогизма)>. Если же средний термин о чем-либо одном высказывается утвердительно, а о другом отрицательно, то это будет *вторая* фигура (τὸ μέσον); если же о среднем термине нечто отличное от него <(в обеих посылках)> утверждается или <в одной посылке> отрицается, а другое <(в другой посылке)> утверждается, то это будет *третья* фигура (τὸ ἔσχατον)» (Analyt. Pr. I. 32. 47a39).

В этом определении выражение первой фигуры берется в более широком смысле, чем у новейших логиков, так как здесь вообще не обращается внимание на то, какая из посылок стоит раньше и какая стоит позднее, так что обе посылки тем самым могут менять свои места. Так как логики Нового времени при различении фигур силлогизма следовали той же точке зрения, какой придерживался в этом вопросе Аристотель, с тем, однако, отличием, что они фиксировали порядок посылок, то таким именно образом они и получили четвертую фигуру <(силлогизма)>. В данном случае возникшая позднее четвертая фигура содержится уже в объяснении первой фигуры; ибо и в четвертой фигуре одно и то же понятие один раз является предикатом («само высказывается утвердительно»), другой раз субъектом («о нем нечто утверждается или отрицается»). Только два модуса четвертой фигуры, установленные логиками Нового времени, не подходят под объяснение первой фигуры, данное в вышеприведенных словах, ибо в них <(т. е. в этих модусах)> средний термин не является утвердительным предикатом. Но как раз оба эти случая вызывают сомнение, с другой стороны. Эти отношения четвертой фигуры были рассмотрены в «Логических исследованиях» (LU II. 235 и сл. [ЛИ II. 332]).

То, на что Аристотель обращает особое внимание в первой фигуре, можно свести к следующим формулам, в которых, как это вообще принято, S обозначает *subjectum*, а P – *praedicatum conclusionis* <(S – субъект, а P – предикат вывода)>.

1.

P aff. ⁷¹ M

или

S aff. M

M aff. S

M aff. P

⁷¹ Здесь и далее применяются сокращения от латинских слов: affirmo – утверждаю, nego – отрицаю.

Первое из этих отношений <(между терминами)> обозначает модусы позднейшей четвертой, второе – модусы первой фигуры.

2.

P aff. M	или	S aff. M
M neg. S		M neg. P

Первое отношение опять означает один из случаев позднейшей четвертой, второе – модусы первой фигуры. Переход от одной системы к другой не представляет собой никакой трудности, если принять во внимание, что возможность перемещения посылок Аристотель оставлял открытой, не определяя заранее, какое понятие должно стать субъектом вывода.

Описанию *второй* фигуры, как мы его в данном месте находим у Аристотеля, соответствует определенная формула.

P aff. M	или	S aff. M
S neg. M		P neg. M

Объяснение *третьей* фигуры дается в следующих формулах:

1.

M aff. P	или	M aff. S
M aff. S		M neg. P

2.

M aff. P	или	M aff. S
M neg. S		M neg. P

Если в этих отношениях <(понятий)> отвлечься от определенности утверждения (Affirmation) и отрицания (Negation) и расположить посылки таким образом, чтобы субъект вывода как самое крайнее <(и самое узкое по объему)> по-

нятие составлял бы субъект меньшей посылки, то получаются формулы новейших логиков, прежде всего, четвертая и первая, затем вторая и, наконец, третья фигуры:

4.	P. M.	и	1.	M. P.	2.	P. M.	3.	M. P.
	M. S.			S. M.		S. M.		M. S.

§ 29

Ἔτι τε ἐν ἅπαντι δεῖ κατηγορικόν τινα τῶν ὄρων εἶναι καὶ τὸ καθόλου ὑπάρχειν· ἄνευ γὰρ τοῦ καθόλου ἢ οὐκ ἔσται συλλογισμὸς ἢ οὐ πρὸς τὸ κείμενον, ἢ τὸ ἐξ ἀρχῆς αἰτήσεται. κείσθω γὰρ τὴν μουσικὴν ἡδονὴν εἶναι σπουδαίαν. εἰ μὲν οὖν ἀξιώσειεν ἡδονὴν εἶναι σπουδαίαν μὴ προσθεῖς τὸ πᾶσαν, οὐκ ἔσται συλλογισμὸς· εἰ δὲ τινὰ ἡδονὴν, εἰ μὲν ἄλλην, οὐδὲν πρὸς τὸ κείμενον, εἰ δ' αὐτὴν ταύτην, τὸ ἐξ ἀρχῆς λαμβάνει.

«Далее необходимо, чтобы в каждом умозаключении один из терминов высказывался <(о другом)> утвердительно и чтобы в нем же <(т. е. в этом умозаключении)> один из терминов высказывался <(о другом)> всеобщим образом. Ибо без всеобщего или вовсе не возникнет силлогизма, или он не будет в силе для данного положения, или, наконец, то, что требуется доказать, будет <(только)> предполагаться. Ибо допустим, что требуется доказать, что удовольствие, получаемое от музыки, есть нечто нравственно ценное <(т. е. доброе)>. И вот, если для <(доказательства)> этого положения принять <(большую посылку)>: «удовольствие есть нечто нравственно ценное», не

прибавив к этому, что всякое <(удовольствие есть нечто нравственно ценное)>, то никакого умозаключения не получится; если же допустить, что только некоторое удовольствие есть нечто нравственно ценное, то тогда, если будет подразумеваться какое-нибудь другое удовольствие, ничего не будет следовать для данного <(т. е. подлежащего доказательству)> положения. Если же, наконец, будет подразумеваться именно это <(т. е. имеющее нравственную ценность)> удовольствие, то налицо будет только предположение, которое еще требуется доказать» (Analyt. Pr. I. 24. 41b6).

[Во-первых,] во всяком умозаключении, по крайней мере, *один* из терминов должен быть высказываем утвердительно. У Аристотеля доказательство этого положения заключается в тщательно разобранных выше случаях, допускающих <(правильное)> умозаключение (Analyt. Pr. I. 4–6), так как ни один модус, имеющий значение для познания, не может состоять из одних только отрицательных посылок. Между тем действующий здесь закон вытекает также и из самого существа дела. В посылках должно иметь место такое отношение между понятиями, которое было бы способно создать в выводе новую связь понятий. Но такого отношения нет, пока о среднем термине известно только то, что он не связан ни с большим, ни с меньшим термином. Как именно больший и меньший термины логически относятся друг к другу, этим <(т. е. таким только отрицательным отношением к ним среднего термина)> еще не определено. Сказанное можно пояснить хотя бы на следующем примере: «Ни один равносторонний треугольник не имеет прямого угла». «Ни один тупоугольный треугольник не равносторонний». И по сравнению с этим: «ни один равносторонний треугольник не имеет прямого угла»; «ни один пифагорейский

треугольник⁷² не равносторонен». В первом случае, если бы вывод должен был быть истинным, следовало бы заключить отрицательно, во втором – утвердительно, хотя оба случая по своей форме совершенно одинаковы. Таким образом, в каждом отдельном случае становится очевидной невозможность заключать из одних только отрицательных посылок.

Во-вторых, в посылках каждого умозаключения должно быть высказано нечто всеобщее <(т. е., по крайней мере, одна из посылок должна быть общей)>. Без этого условия невозможен никакой вывод. Аристотель, сводящий в данном месте воедино все законы умозаключения, доказательство их дал в раскрытом им раньше существе отдельных модусов. Здесь он поясняет свое утверждение лишь наглядным рассмотрением отдельного случая, в котором, если в нем нет выражения всеобщего закона, невозможно и подведение (Subsumption) отдельного случая под общее правило. Под бóльшую посылку, что «удовольствие есть нечто нравственно ценное», удовольствие, получаемое от музыки, можно подвести только в том случае, если под «удовольствием» понимается всякое вообще удовольствие, что, однако, совершенно не оправдывается неопределенностью выражения данного предложения <именно, что «удовольствие есть нечто нравственно ценное>. Если же предложение, что «удовольствие есть нечто нравственно ценное», понять ограничительно в том смысле, что только «некоторое удовольствие есть нечто нравственно ценное», то тогда остается совершенно неопределенным, подойдет или не подойдет удовольствие, получаемое от музыки, под это

⁷² Пифагорейским (пифагоровым) треугольником называется прямоугольник, стороны которого выражают натуральными числами. Считается, что Пифагор впервые доказал, что квадрат длины гипотенузы любого прямоугольного треугольника равен сумме квадратов длин его катетов. Тройка натуральных чисел (x, y, z) , для которой $x^2 + y^2 = z^2$, называется пифагоровой.

«некоторое удовольствие». Если принять последнее <(т. е., что оно не подойдет)>, то суждение, что удовольствие, получаемое от музыки, есть нечто нравственно ценное, останется недоказанным. Если же, напротив, предположить первое <(т. е., что оно подойдет)>, то мы будем иметь дело лишь с совершенно произвольным допущением того, что как раз требуется доказать. Аристотелевские примеры можно легко дополнить и другими. Если известно, что некоторые прямоугольные треугольники (а именно пифагорейские) представляют соизмеримые отношения сторон, то этой неопределенностью <(отношений)> не дается еще никакого права на определенное применение этого положения или подведения чего-либо под него. Отсюда непосредственно возникает задача первоначально только еще неопределенно выраженный вид <(отношения)> ограничить законом (т. е. относящимся к нему всеобщим) и тем самым поднять это отношение до выражения всеобщего, под которое затем возможны подведения. Пока мы, например, из латинской грамматики знаем только, что некоторые союзы требуют после себя сослагательного наклонения, до тех пор мы относительно применения <(этого правила)>, которое всегда есть умозаключение, не знаем еще ровно ничего. Так на примере отдельных случаев становится с полной наглядностью ясным, что следует из самой природы вещи, а именно, что только во всеобщности правила заложено право относить его к частному или единичному. Если Аристотель в подчинении понятий усмотрел внутреннюю возможность получения вывода (§ 24), то эта возможность, очевидно, прекращается там, где никакое определение не высказывается в качестве всеобщего.

Обыкновенно <(в логике)> указывается еще и некоторый третий закон умозаключения, о котором, хотя и не полно, упоминает Аристотель в конце этой главы «Первой аналитики» (Analyt. Pr. I. 24): «Очевидно, что в каждом умоза-

ключении или обе посылки, или одна из посылок должна согласовываться с выводом, и притом не только в отношении утверждения и отрицания, но и в том, выражает ли она необходимость, действительность или возможность. <Равным образом, следует принять во внимание также и другие роды высказывания (т. е. категории)>» (Analyt. Pr. I. 24. 41 b 27). <И как бы подводя итог всему этому отделу об условиях возможности правильного силлогизма, Аристотель говорит: «Становится вообще ясным, когда умозаключение имеет место и когда нет, когда оно бывает (только) возможным и когда вполне законченным, и что (наконец), когда силлогизм уже имеется налицо, его термины должны находиться в отношении друг к другу согласно одному из указанных способов» (Analyt. Pr. I. 24. 41b32).>

Вообще вывод, как точнее говорили позднейшие логики, всегда имеет природу более слабой посылки. Он явным образом носит на себе ограничение, определяемое условиями его получения. Этот логический закон стремились пояснить аналогией из области механики, согласно которой напряжение всей цепи не может быть больше напряжения ее слабейшего звена. *Conclusio sequitur partem debiliorem*⁷³.

§ 30

Рассмотренные три фигуры силлогизма имеют неодинаковую *научную ценность*. Их <(относительное)> значение Аристотель резюмирует в следующих словах:

Τὴν τοῦ τί ἐστὶν ἐπιστήμην διὰ μόνου τούτου
(τοῦ πρώτου σχήματος) θηρεῦσαι δυνατόν. ἐν μὲν
γὰρ τῷ μέσῳ σχήματι οὐ γίνεται κατηγορικὸς

⁷³ Закон умозаключения по слабому члену (лат.).

συλλογισμός, ἢ δὲ τοῦ τί ἐστὶν ἐπιστήμη καταφάσεως· ἐν δὲ τῷ ἐσχάτῳ γίνεται μὲν ἄλλ' οὐ καθόλου, τὸ δὲ τί ἐστὶ τῶν καθόλου ἐστίν.

«Познание того, “что именно есть что-либо”⁷⁴, возможно достигнуть только посредством первой фигуры, ибо в средней <(т. е. второй)> фигуре не возникает <(т. е. невозможно)> утвердительное умозаключение, а между тем познание того, “что именно есть что-либо”, есть познание утвердительное; в последней <(т. е. третьей)> фигуре такое <(утвердительное)> умозаключение, правда, возникает, но не как всеобщее, между тем то, “что именно есть что-либо”, есть нечто всеобщее. <Ибо человек (например) есть не только некоторым образом “двуногое животное”, но является таковым вообще>» (Analyt. Post. I. 14. 79a24).

Порождающее себя существо вещи есть, как таковое, нечто положительное и потому приобретается <(только)> через утвердительное умозаключение. Если выше (§ 1 и 4) право логического утверждения выводилось из соответствующего реального соединения, то именно это значение его имеется, по-видимому, в виду и здесь, так как именно порождающее существо вещи образует первоначальное соединение. Аристотель всего чаще поясняет то, «что именно есть <какая-либо вещь>», посредством указания на существо октавы. Она есть отношение <(числа)> колебаний двух тонов, относящихся друг к другу, как 1 к 2. Октава не проявляется ни в том, ни в другом числе колебаний, взятом в отдельности, но лишь во взаимном соотношении их обоих. Где существо какой-либо вещи состоит, по-видимому, в отрицании, как, например, (§ 60) существо лунного за-

⁷⁴ τὸ τί ἐστὶ, т. е. ответ на вопрос о самом существе вещи. – Б.Ф.

тмения – в лишении света, там это отрицание все же происходит через некоторое полагание, образующее существо <(вещи)> посредством отрицания, производящего соединение, подобно тому как в данном примере лишение света осуществляется посредством хождения земли между солнцем и луной. Поэтому Аристотель и мог сказать, что познание существа <(вещи)> есть познание утверждения.

Далее, существо <(вещи)> относится и к всеобщему, так как оно приистекает из необходимого основания. Единичное как единичное есть только факт (Tatsache), а существо <(вещи)>, из которого понимается факт (определение понятия), есть нечто всеобщее.

Утверждение и всеобщность объединяет в себе только умозаключение по первой фигуре, и потому оно-то и есть умозаключение о существе <(вещи)>. Если соответственно этому Аристотель называет его научным умозаключением, то вышеприведенные примеры служат пояснением к этому (§ 24). В особенности математические дисциплины, как замечает Аристотель, осуществляют свои умозаключения по первой фигуре. Геометрические доказательства в большинстве своем основываются на том, чтобы посредством построения так разделять или связывать фигуры, чтобы возникающие отсюда отношения подводились под уже познанные законы, и из этого применения подведения (Subsumtion) приобретались бы новые положения. При этом речь идет о положительных отношениях, которые в общей форме выражаются лишь в умозаключении по первой фигуре.

В <(указанных)> фигурах силлогизма возможность делать отрицательные умозаключения значительно преобладает над утверждением. Два модуса первой фигуры и все модусы второй фигуры дают отрицательные выводы, и только два модуса первой фигуры – утвердительные. И здесь еще раз обнаруживается, что отрицать легче, чем утверждать. Однако отрицания могут путем исключения служить тому, чтобы

косвенно обосновывать утверждение. Вследствие этого отрицательные модусы первой фигуры и вся вторая фигура силлогизма с ее отрицательными выводами получают научное применение и значение. См. об этом сказанное ниже о косвенном доказательстве (§ 43 и 44).

§ 31

За рассмотрением форм умозаключения следуют общие замечания об умозаключении вообще.

Ἵοσοὶ δ' ἐξ ἀδοξοτέρων τοῦ συμπεράσματος ἐπιχειροῦσι συλλογίζεσθαι, δῆλον ὡς οὐ καλῶς συλλογίζονται.

«Те же <подразумеваются противники>, кто стремится делать умозаключения из посылок менее достоверных, чем вывод, заключают, очевидно, неправильно» (Тор. VIII. 6. 160a14).

Понятие и цель умозаключения состоят в том, чтобы менее понятное становилось бы понятным из более понятного (ср. § 19, γνωριμώτερα <— о более познаваемом, т. е. более убедительном и очевидном для познания>). Очевидность геометрических доказательств основывается на очевидности простых принципов. Каждое геометрическое положение, выведенное из этих принципов, является по сравнению с ними более трудным и запутанным. Точно также и в области этики очевидность отдельных обязанностей основывается на ясности некоторой более общей основной мысли, например, на мысли о целом как некоторой высшей цели. В тех случаях, когда мы грамматически объясняем какое-либо трудное место текста, мы из простых, твердо установленных признаков пытаемся прежде всего выявить самое ядро предложения, чтобы затем из подобных

же признаков определить части предложения и их отношение к главному предложению, пока, наконец, всё бывшее непонятным целое, представляющее собой как бы последний вывод из всего ряда умозаключений, не будет выведено из более понятных элементов.

Между тем это правило заключать из посылок более вероятных, чем вывод, является лишь относительным. Ибо, во-первых, самое выражение его носит субъективный характер, свойственный вообще всей аристотелевской «Топике», поскольку диалектик ближайшим образом вращается лишь в области того, что коренится в общераспространенном мнении. Но затем, во-вторых, следует спросить, что, собственно, вообще является более вероятным? Не должны ли последние основания как таковые быть наиболее трудными и потому наименее вероятными? И тем не менее именно из них, в конце концов, как из предпосылок должно быть выведено заключение.

Здесь снова выступает рассмотренное выше различие между тем, что является более ранним и познаваемым по природе, и тем, что является таким по отношению к нам (§ 19). Между тем и другим часто наблюдается существенное разногласие. Каждый принцип нового открытия должен сперва выдержать борьбу с общераспространенным мнением, чтобы приобрести вероятность. Сами следствия из этого принципа, стало быть, как раз выводы из мыслей, на первый взгляд, не обладающих еще вероятностью, служат его <(т. е. этого принципа)> подтверждением; они служат тому, чтобы сделать его вероятным, если они соответствуют тому, что познано иным путем. До этого принцип имеет лишь гипотетическое значение, именно потому что он является ἀδοξότερον <— менее вероятным>. Выводы из этого ἀδοξότερον представляются, тем не менее, важными для того, чтобы это «менее вероятное» подтвердить посред-

ством его собственных следствий как ἀπλῶς γνωριμώτερον <— то, что само по себе более достоверно>, как natura prius <— то, что первое по природе>. Только при условии этих ограничений имеет значение в науках субъективное правило этого параграфа, которое, будучи заимствовано из «Топики», все еще слишком носит на себе характер «за и против», как это проявляется в диалектике спора между отдельными лицами.

Вышеприведенный пример (см. § 15 и 19) может пояснить этот метод наук — гипотетически заключать из некоторого менее вероятного (ἄδοξότερον). Архимед в своем сочинении «О плавающих телах» установил гидростатический принцип, представляющий собой само понятие жидкого тела. Малейшие частички его самым незначительным давлением приводятся в движение в отношении друг друга, и потому любое давление, оказанное на каждую из этих частичек, тотчас же сообщается всем другим частям жидкости. Отсюда с необходимостью вытекает увелечение движения во много раз. До конца Средних веков этот принцип оставался без применения и его называли даже гидростатическим парадоксом. Между тем умозаключения из этого ἄδοξότερον оказались в достаточной степени важными, ибо, будучи сопоставлены с наблюдениями, они его <(т. е. это ἄδοξότερον)> подтвердили и помогли решению даже сравнительно более сложных задач гидростатики (см.: Уэвелль, История индуктивных наук I, 115)⁷⁵.

⁷⁵ Тренделенбург ссылается на немецкий перевод Уильяма Уэвелля (1794–1866), выполненный Й. фон Литтровым (*Whewell W. Geschichte der induktiven Wissenschaften, der Astronomie, Physik, Mechanik, Chemie, Geologie etc. von der frühesten bis zu unserer Zeit / Nach dem Engl. mit Anmerkungen von J.J. von Littrow. In 3 Th. Stuttgart, 1840–1841. Th. 1. S. 87*). Здесь и далее ссылки даны на русский пере-

<В следующем (32-м) параграфе мы находим дальнейшее развитие теории правильного умозаключения>.

§ 32

Ἐξ ἀληθῶν μὲν οὖν οὐκ ἔστι ψευδὸς συλλογίσασθαι, ἐκ ψευδῶν δ' ἔστιν ἀληθές, πλὴν οὐ διότι ἀλλ' ὅτι.

«Из истинных посылок нельзя сделать заключений к чему-либо ложному, но из ложных посылок можно заключить к истинному, при этом, однако, не о том, почему что-нибудь есть, но лишь о том <(факте)>, что что-нибудь есть» (Analyt. Pr. II. 2. 53b7).

Φανερόν οὖν ὅτι ἂν μὲν ἡ τὸ συμπέρασμα ψευδὸς, ἀνάγκη, ἐξ ὧν ὁ λόγος, ψευδῆ εἶναι ἢ πάντα ἢ ἔνια, ὅταν δ' ἀληθές, οὐκ ἀνάγκη ἀληθές εἶναι οὔτε τι οὔτε πάντα, ἀλλ' ἔστι μηδενὸς ὄντος ἀληθοῦς τῶν ἐν τῷ συλλογισμῷ τὸ συμπέρασμα ὁμοίως εἶναι ἀληθές· οὐ μὴν ἐξ ἀνάγκης. αἴτιον δ' ὅτι ὅταν δύο ἔχη οὕτω πρὸς ἀλλήλα ὥστε θατέρον ὄντος ἐξ ἀνάγκης εἶναι θάτερον, τούτου μὴ ὄντος μὲν οὐδὲ θάτερον ἔσται, ὄντος δ' οὐκ ἀνάγκη εἶναι θάτερον.

«Очевидно поэтому, что если бы вывод оказался ложным, то <(тогда)> и то, из чего получается суждение вывода, (т. е. посылки) необходимо должно <(бы-

вод М.А. Антоновича и А.Н. Пыпина: *Уэвелл В. История индуктивных наук от древнейшего и до настоящего времени: в 3 т.: пер. с 3-го англ. изд. М.А. Антоновича и А.Н. Пыпина. СПб., 1867–1869.*

ло бы)> быть ложным и притом или полностью, или отчасти. Если же бы вывод оказался истинным, то <(тогда)> то, из чего получается суждение вывода, <(еще)> не должно <(было бы)> быть необходимо истинным ни целиком, ни отчасти, но возможно, что даже если бы в том, из чего получается вывод, <(вообще)> не содержалось бы ничего истинного, вывод все же был бы истинным, хотя и не необходимо. Основание этого заключается в том, что, если два понятия относятся друг к другу так, что, если есть одно, то с необходимостью есть и другое, то тогда при отсутствии одного не будет и другого, но при существовании одного другое еще не необходимо существует» (Analyt. Pr. II. 4. 57a36).

Эти отношения, легко усматриваемые в отдельных случаях, получают особенную важность при построении и проверке тех цепей умозаключений, которые образуют собой ту или другую теорию.

Тот факт, что из истинного нельзя вывести ничего ложного, если только не было допущено ошибки в самом умозаключении, т. е. если умозаключение вообще могло состояться, основывается на истинности теории умозаключений. Если бы было возможно заключить от истинного к ложному, то никакое умозаключение вообще не было бы возможно и не существовало бы никакого надежного прогресса познания.

Однако то, что из ложного можно вывести истинное, Аристотель подробно доказал на отдельных случаях, сделав тем самым совершенно очевидным тот факт, что, как в том случае, когда обе посылки ложны, так и в том случае, когда только одна из них ложна, вывод может оказаться истинным. Основание этого явления не было Аристотелем прослежено далее. Заключается же оно, очевидно, в том, что

происходит при самом процессе подведения (Subsumtion), которое не является простым отождествлением, но лишь частично выдвигает эти отношения, опуская другие. Из ложной большей посылки, что все параллелограммы имеют прямые углы, посредством меньшей посылки, что все квадраты суть параллелограммы, получается совершенно правильный вывод: все квадраты имеют прямые углы. Большая посылка утверждает слишком много, потому что понятие параллелограмма понимается в ней слишком узко. Но так как меньшая посылка относит это понятие лишь к части всех параллелограммов, то все это рассмотрение, взятое в целом, оставляет в стороне как раз те виды параллелограммов (ромбы, ромбоиды), для которых большая посылка является ложной, и через это совпадение становится возможным вывод. Основание всего этого логического феномена может быть понимаемо по-разному, но сводится всегда к тому, что термины умозаключения не равны друг другу <(по объему)>, но оказываются по отношению друг к другу частью более широкими, частью более узкими. Если бы в суждении субъект и предикат были бы равны или совпадали бы друг с другом, подобно двум сторонам уравнения, то такого рода исправление чисто случайного совпадения <(как в вышеприведенном примере с квадратами)> было бы невозможно; но тогда и всё умозаключение было бы чем-то совсем иным; оно утратило бы тогда свою способность продвигаться от общего к частному, а тем самым и принцип своего применения.

Если из ложного делается заключение к истинному, то ложное, именно потому что оно ложное, не является основанием вещи ($\delta\iota\omicron\tau\iota$), и вывод совпадает просто только с фактом ($\omicron\tau\iota$).

Таким образом, и ошибка имеет свою логику, и держится она именно на элементах истины, с которыми она переплетается.

Напомним для пояснения о часто встречающихся случаях, в которых при ложной меньшей посылке вывод, тем не менее, бывает истинным. Если, например, известные поступки надлежит оценить с правовой точки зрения, то мы их подводим под некоторый закон; и, несмотря на ложное <(т. е. неправильное)> подведение, может получиться нечто истинное. Наказуемость некоторого деяния, в силу которого кто-либо оказался лишенным своей собственности, получается обыкновенно в качестве правильного вывода независимо от того, подведем ли мы данное деяние под понятие воровства или преступного обмана, хотя рассмотренное юридически оно может подходить либо под то, либо под другое определение, и, следовательно, одно из подведений является ложным.

При применении грамматических правил неопытный человек часто идет по неправильному пути и, несмотря на это, иногда приходит к правильным результатам. Все глаголы чувствования (*verba sentiendi*), как учит латинская грамматика, управляют винительным падежом с инфинитивом (*cum infinitivo*), если от них зависит придаточное предложение, выражающее дополнение. Если бы этому правилу мы подчинили глаголы *jubere* (приказывать) и *vetare* (запрещать), то меньшая посылка оказалась бы ложной. И тем не менее, если судить по сделанному выводу, *jubere* и *vetare* оказались бы правильно связанными с поставленным за ними винительным падежом с инфинитивом. В этом смысле ответ ученика как результат размышления, осуществляющегося в ряде умозаключений, нередко бывает правильным; если же спросить его об основаниях его утверждения, то они окажутся ложными. То же самое обнаруживается по временам и в истории научных открытий. Неправильные представления о силах небесных движений навели Кеплера на открытие его третьего закона <(движения)>. Представления

эти были ложными посылками. Но так как Кеплер свое умозрение проверял наблюдением, то это последнее скоро заслонило собой в качестве обоснования ложные предпосылки (Уэвелль. История индуктивных наук. I, 544 и сл.).

Вообще науки, изображающие процесс умозаключений в самом большом масштабе, дают наилучшие примеры также и для этих замечаний Аристотеля. *Гипотезы* проверяются по данной в них <(т. е. в этих науках)> определенной норме. В гипотезах то понятие, которое должно выражать существо вещи, принимается предварительно <(за нечто истинное)>, чтобы при его посредстве понять эту вещь в ее явлениях. Если из какой-либо гипотезы как предпосылки следует нечто ложное, то это означает, что сама эта предпосылка ложна; но из ложной гипотезы может следовать нечто истинное, и то истинное, что из нее следует, не служит полным ручательством <(ее истинности)>. Например, из *fuga vacui*⁷⁶ следовало нечто истинное, например, поднятие воды в трубках, из которых выкачан воздух, насколько это явление было доступно наблюдению; но в опытах Торричелли и Паскаля этот *horror vacui* внезапно оказался непригодным для объяснения; из него <(теперь)> следовало нечто ложное. Поэтому от этого неопределенного принципа пришлось отказаться (см.: Уэвелль. История индуктивных наук. II. 71–73). Стоики доказывали, что из воззрения Эпикура на возникновение мира следует нечто ложное. Из случайного скопления атомов проистекает слепая случайность в его [т. е. этого скопления] продукте, в явлениях мира. Но так как эти последние обнаруживают порядок, то это значит, что вывод ложен, а с ним вместе и всё воззрение, из которого он вытекал. Конъектуры в текстах писателей также представляют собой гипотезы. Кто оспаривает традиционный вариант прочтения, тем самым рас-

⁷⁶ Боязнь пустоты (лат.). – Б.Ф.

смачивает его как нечто гипотетическое и показывает, что из него следует нечто ложное. Кто хочет опровергнуть ту или иную конъектуру, тот вводит ее в качестве предпосылки в некоторое умозаключение, вывод которого должен оказаться ложным. Этим и сама она оказывается ложной. Это можно пояснить на примере какой-либо конъектуры Бенгли⁷⁷; или, если угодно не выходить за пределы текста данного писателя [т. е. Аристотеля], поскольку он имеется под рукой, можно взять для сравнения хотя бы то, что следует сказать по поводу привычного варианта прочтения в § 25 οὐδὲ τὸ Ξ τῶ Ν⁷⁸. Если этот вариант удержать, то получится нечто несоответственное. Во-первых, из умозаключения непосредственно следует лишь, что ни одно Ξ не есть Ν; из этого только посредством обращения получается: ни одно Ν не есть Ξ. Вторичное следствие стояло бы, следовательно, на месте первичного без всякого посредствующего звена. Но это было бы неправильно, ибо Аристотель аргументирует на всем протяжении доказательства шаг за шагом, не допуская никакого прыжка. Во-вторых, доказательство данного положения заканчивается словами: ни одно Ξ не есть Ν. Если бы οὐδὲ τὸ Ξ τῶ Ν было правильно, то это и должно было бы быть доказано, и доказательство на этом должно было бы закончиться. Но это не верно; ибо этого не происходит. После того как старый вариант прочтения оказывается таким образом опровергнутым, его можно заменить на избранную нами конъектуру: οὐδὲ τὸ Ν τῶ Ξ. Если ее принять, то тогда непосредственный результат (первичное следствие) оказывается стоящим в выводе, и конец следующего затем доказательства вполне с ним совпадает. Это

⁷⁷ Ричард Бенгли (1662–1742) – английский филолог-классик и теолог, получил известность как основатель исторической филологии.

⁷⁸ Ни одно Ξ не есть Ν.

правильные следствия. Если же кто-нибудь захотел бы опровергнуть эту конъектуру, то ему пришлось бы доказать, что и она все-таки содержит в себе еще нечто ложное. Правильные следствия не давали бы в таком случае никакого ручательства истинности, потому что они могут происходить и из других оснований. Различные объяснения когонибудь места в тексте относятся друг к другу совершенно так же, как различные естественнонаучные гипотезы в отношении одного и того же феномена, и подчиняются тем же законам. И подобно филологической конъектуре <(и ее отношению к истолковываемому месту в тексте)> ведет себя опять же любое предположение в обыденной жизни, на принятии или отклонении которого изошрывается наша проницательность. Так, через обработку самого различного материала проходит всё тот же способ мышления, уверенного в своем простом средстве.

Для более подробного выяснения того основания <(правильности или ложности выводов из данных посылок)>, на которое здесь намекает Аристотель, следует припомнить приведенное выше замечание о том, что обусловливающее предложение гипотетического суждения соответствует субъекту, а обусловленное – предикату категорического суждения. Предикат является, как правило, более общим, чем субъект, и точно так же обусловленное предложение является, как правило, более общим, чем обусловливающее предложение. Поэтому остается открытой возможность, что какой-либо другой субъект будет иметь тот же предикат, другое основание – то же следствие. Это можно пояснить на примере различных прочтений, различных объяснений, возможных по отношению к одному и тому же месту текста. Все они, как принято говорить, дают одинаково хороший смысл. Вот это *данное* следствие, взятое в его общем смысле, вытекает в таком случае из различных посылок.

§ 33

<После выяснения правильности и ошибочности умозаключения Аристотель переходит к классификации умозаключений по признаку их достоверности, или доказывающей силы>.

Ἔστι δὲ φιλοσόφημα μὲν συλλογισμὸς ἀποδεικτικός, ἐπιχείρημα δὲ συλλογισμὸς διαλεκτικός, σόφισμα δὲ συλλογισμὸς ἐριστικός, ἀπόρημα δὲ συλλογισμὸς διαλεκτικὸς ἀντιφάσεως.

«Философема представляет собой аподиктическое <(т. е. доказывающее)> умозаключение, эпикейрема – диалектическое умозаключение, софизм – эристическое умозаключение⁷⁹, апорема⁸⁰ – диалектическое умозаключение <(на основании)> противоречия» (Тор. VIII. 11. 162a15).

Ἀπόδειξις μὲν οὖν ἐστίν, ὅταν ἐξ ἀληθῶν καὶ πρώτων ὁ συλλογισμὸς ἢ ἢ ἐκ τοιούτων, ἃ διὰ τινων πρώτων καὶ ἀληθῶν τῆς περὶ αὐτὰ γνώσεως τὴν ἀρχὴν εἴληφεν· διαλεκτικὸς δὲ συλλογισμὸς ὁ ἐξ ἐνδόξων συλλογιζόμενος.

«Доказательство есть умозаключение, происходящее из истинных и первых⁸¹ положений или из таких, которые начало <(т. е. первоисточник – τὴν ἀρχὴν)> содержащегося в них познания (γνώσεως) получили из истинных и первых положений. Диалектическое же

⁷⁹ То есть умозаключение, имеющее лишь видимость достоверности и употребляемое в спорах единственно для победы над противником, а не интересах достижения истины. – Б. Ф.

⁸⁰ Затруднение, сомнение. – Б. Ф.

⁸¹ То есть первоначально, или по существу значимые положения. – Б. Ф.

умозаключение есть такое умозаключение, которое свой вывод делает на основании лишь вероятных положений» (Top. I. 1. 100a27).

Ψευδής δὲ λόγος καλεῖται – – ἓνα τρόπον ὅταν φαίνεται συμπεραίνεσθαι μὴ συμπεραίνόμενος, ὃς καλεῖται ἐριστικὸς συλλογισμὸς.

«Ложной называется такая речь, ... когда, не приводя к действительному выводу, она имеет лишь такой вид, будто приводит к выводу, – способ речи, называемый эристическим умозаключением» (Top. VIII. 12. 162b3).

Ἐριστικοὶ (λόγοι) οἱ ἐκ τῶν φαινομένων ἐνδόξων μὴ ὄντων δὲ συλλογιστικοὶ ἢ φαινόμενοι συλλογιστικοί.

«Эристические речи⁸² суть такие <(речи)>, которые или действительно делают умозаключение, или только кажется, будто <(они)> делают его из таких положений, которые, хотя и кажутся вероятными <(общепринятыми)>, но <(в действительности)> таковыми не являются» (Soph. elench. 2. 165b7).

Τῆς ἀπορίας δόξειεν ἂν ποιητικὸν εἶναι ἢ τῶν ἐναντίων ἰσότης λογισμῶν.

«Апория <(т. е. затруднение, сомнение)> порождается, по-видимому, <(своего рода)> равновесием противоположных <(т. е. контрарных)> аргументов» (Top. VI. 6. 145b17).

Общая сущность умозаключения приобретает свои очертания через выяснение того особого намерения и на-

⁸² То есть речи, преследующие лишь цели спора, а не истины. – Б.Ф.

правления, которые обнаруживаются в приведенных в этом параграфе отдельных видах [умозаключения]. Относящиеся сюда названия сохранились отчасти и в нашем языке. В то время как *философема* оказалась <(по своему значению)> низведенной от доказывающего умозаключения до субъективного умозрения, а *эпихейрема*, поскольку она вообще еще употребляется, сохранила свое применение лишь в тех случаях, где в кратком намеке стремятся указать основания для данных посылок; в то время как *апорема*, бывшая в научном обиходе древних в постоянном и общем пользовании, в новейшем словоупотреблении почти совсем не находит для себя никакого применения; *софизм*, напротив, и до наших дней полностью сохранил свое старое значение. Так, в противоположность доказательству, развивающемуся из самого существа дела, и в противоположность диалектическому «за» и «против», в котором действует рефлексия, мы говорим о софизмах <(как о выражении)> того настойчивого стремления, которое ищет не существа дела, а лишь собственного удовлетворения, стараясь остаться правым во что бы то ни стало, совершенно так, как это было у эристов⁸³.

Здесь достаточно будет ограничиться объяснениями, приводимыми самим Аристотелем. Если доказательство непосредственно или опосредствованно восходит к первому <(по природе, или по существу)>, то полный смысл этого определения станет для нас ясным лишь впоследствии. Разъяснение этого может, однако, стоять отчасти в связи с тем, что было сказано в § 19 (о более раннем и первом по природе), отчасти же напомнить нам то значение, какое

⁸³ Эристика – искусство спора, полемики, получившее распространение в V–IV вв. до н. э. в Древней Греции в среде софистов и представителей Мегарской школы. Эристы – спорщики, стремящиеся победить любыми средствами. Эристические приемы родственны софизмам.

имеют основоположения наук, а также геометрические аксиомы и постулаты.

Софистическое (эристическое) умозаключение приводит к неправильному выводу, поскольку, будучи ложно либо по своей форме, либо по своему содержанию (первое – согласно тому, что сказано в *Top. VIII. 12*, второе – согласно сказанному в *Soph. elench. 2*), оно ищет лишь видимости истины. В Новое время стали проводить различие между непреднамеренным неправильным умозаключением, или неправильным умозаключением вообще (паралогизм), с одной стороны, и намеренным неправильным умозаключением (софизмом), с другой (ср. сходное с этим значение того и другого у Канта в «Критике чистого разума», параграф «О паралогизмах чистого разума»). Логическая проверка неправильного умозаключения одинакова у обоих мыслителей, ибо одно и то же направление мысли, выходящее в некотором смысле за пределы логического, обуславливает различные виды неправильного умозаключения.

Аристотель подверг софизмы и паралогизмы детальному разбору в сочинении «О софистических опровержениях» и в общем говорит об этом в первой главе названного сочинения: «Источник, из которого возникают ложные умозаключения, – самый естественный и обычный, а именно – свойство <(и применение)> слов. В самом деле, так как в разговоре мы не можем показать самих вещей, как они есть в себе и для себя, а вместо вещей пользуемся именами как знаками, то начинаем думать, что то, что справедливо относительно имен, справедливо и относительно вещей. Однако имена и предложения ограничены, вещи же <(по числу)> безграничны, поэтому одно и то же предложение и одно и то же имя (неизбежно) должны иметь много <(различных)> значений. И тот, кто не знает значения слов, тот при умозаключении будет обманываем как тогда, когда он

сам говорит, так и тогда, когда он слушает других» (*Soph. elench.* I 165a4-17).

Примеры <(логических ошибок)> можно заимствовать из тех мест у Ксенофонта и Платона, где с аргументацией выступают софисты. Так, например, Эвтидем у Платона (*Plat. Euthyd.* 276, 277) доказывает, что учатся только потому, что уже знают: ибо когда учитель прочитает ученику какое-либо место из поэта, чтобы он его заучил, то ученик знает уже все буквы, из которых состоит то место поэтического произведения, которое он заучивает. Аристотель находит здесь ошибку в умозаключении (*Soph. elench.* 4), <которая состоит> в сознательном использовании двойного смысла термина «учиться», так как это слово в одном случае означает «понимать», поскольку применяется <(к делу)> то, что уже известно, в другом же случае оно означает «приобретать познание».

Сведёне такого рода умозаключений к правильной форме большей и меньшей посылок и облегченная этим проверка терминов были предметом упражнений схоластической логики. Средневековые школы были весьма сильны в силлогическом формализме; и если почитать «Письма темных людей», то в их сатире можно найти немало грубых, но совершенно соответствующих школьным требованиям примеров неуклюжих монахов, как бы в параллель к более тонким софизмам подвижных греков. Ср., например, «Письма темных людей» (*Epist. obsc. virorum*, ed. Francef, 1643, p. 198). Там кельнской доминиканец с чванством выступает в деле Пфэфферкорна против получившего классическое образование юриста, защитника Рейхлина, и его гордостью является искусство силлогистического фехтования. «Некоторые хвалят его, и я недавно допытывался у них, в чем он более сведущ, чем другие? Тогда они ответили, что он имеет хорошие познания в греческом. Таким образом, вы видите, что не нужно заботиться о том, что к гре-

ческому <(языку и культуре)> не относится, – о существовании священного писания. И я уверен, что он не знает ни единого фрагмента из книг, содержащих философские учения, и не смог бы образовать ни одного силлогизма по Вагосо или Celarent, потому что он не логик. Недавно он назвал меня ослом. И я сказал ему, что если он так смел, пусть поспорит со мной. И я стал называть его на “ты” и сказал: Я утверждаю, что ты – осел. Это так, потому что тот, кто носит тяжести, есть осел; ты носишь тяжести, значит, ты осел. Я утверждаю меньшую посылку, [потому что] ты несешь эту книгу. И это было истиной, так как сам он нес книгу, данную ему Яковом Квестенбергом для углубленного изучения и направленную против нашего магистра Якова фон Хохстрата. Он не оказался настолько рассудительным, чтобы отрицать мою большую посылку, которую я не мог бы доказать. Зато теперь я знаю, что он совершенно не сведущ в логике»⁸⁴.

Впрочем, такая арена схоластических состязаний в споре не могла бы повредить и нашей современной философии. И хотя последняя высокомерно думает, что она ушла <(от этой схоластики)> далеко вперед, пришлось бы устыдиться многих своих умозаключений, если бы, приведенные к оголенной форме силлогизма, они тем самым вынуждены были бы признать свою замаскированную слабость.

В одном философском сочинении мы читаем аргументацию, которая, будучи выражена силлогистически, гласила бы так: «Бог есть слово, категория есть слово. Следовательно-

⁸⁴ Ср. с переводом С.П. Маркиша: *Брант С. Корабль дураков; Эразм Роттердамский. Похвала глупости. Навозник гонится за орлом. Разговоры запросто; Гуттен У. фон. Письма темных людей. Диалоги.* М., 1971. (Сер. «Всемирная литература»). Т. 2, письмо 10: «Магистр наш Варфоломей Ослятий магистру Ортуину шлет бесчисленно пожеланий здравствовать и сверх того превеликое почтение».

но, категория есть Бог (нечто божественное)». В этом умозаключении мы имеем дело с утвердительным выводом по второй фигуре (против сказанного в § 26) и вследствие омонимии среднего термина (слово) – четыре термина (против сказанного в § 27).

Нам пришлось услышать еще и другое умозаключение, не лучше первого: «Истина есть общее. Я есть общее. Следовательно, я есть истина».

Подобные умозаключения в абстрактной области метафизики спокойно допускаются, между тем как в области конкретного от них оберегает нас здоровый такт. Или, может быть, стали бы заключать таким образом: «Пальма есть дерево, шлагбаум есть дерево, следовательно, шлагбаум есть пальма». В одной недавно появившейся статье о поэтике Аристотеля мы познакомились с классическим суждением Аристотеля о Шекспире, Кальдероне и романтике⁸⁵. Еще более своевременным было бы перевести на язык современности сочинение Аристотеля «О софистических опровержениях».

Однако ложные метафизические умозаключения, подобные упомянутым здесь, нуждаются в более подробном расчленении, чем то, какое допускает пропедевтическое преподавание. Собственные работы учеников дадут при случае наиболее подходящие примеры.

Легче всего впасть в ошибку при умозаключениях по второй фигуре из утвердительных посылок, как это и про-

⁸⁵ Тренделенбург имеет в виду сочинение Фридриха фон Роймер «О поэтике Аристотеля и ее отношении к современным драматургам»: Raumer F. v. Über die Poetik des Aristoteles und sein Verhältniss zu den neuern Dramatikern // Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin aus dem Jahre 1828. Berlin, 1831. Параграф про Кальдерона, например, начинается с фразы: «Если бы Аристотель неожиданно мог получить произведения Кальдерона в свои руки...» (S. 59).

изошло в приведенных диалектических примерах, – и все же эта ошибка имеет пагубный характер, ибо при ее посредстве X может быть превращен в U, а белое – в черное, и притом следующим способом: «Всякое U есть буква, всякое X есть буква, следовательно, X есть U. Все белое есть цвет; все черное есть цвет; следовательно, черное есть белое».

Соблазнительным является далее заключать от существующего следствия некоторого основания к самому этому основанию – и эта ошибка от последующего к предшествующему (*fallacia de consequente ad antecedens*) есть та же ошибка, что и та, которую мы только что порицали, поскольку обусловленное положение гипотетического суждения соответствует предикату категорического суждения.

Некоторые ложные умозаключения, получившие широкую известность в древности, можно найти в *Dan. Wyttenbachii praescepta philosophiae logicae III. 9. § 3* и сл.⁸⁶ (Ср. *Diogenes Laert. V. Philos. II. § 108*).

⁸⁶ Виттенбах (Wyttenbach) Даниэль (1746–1820) – известный швейцарский филолог. С 1799 г. работал в Лейдене (Голландия). *Wyttenbachii D. Praescepta philosophiae logicae Halae-Berolini. Orphanotrophei*, 1820.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

Индукция

§ 34–36

Если силлогизм начинается, по Аристотелю, с того, что является само по себе более ранним и более познаваемым, то индукция начинается с того, что является более ранним и более познаваемым для нас (§ 19). Поэтому за рассмотрением силлогизма, заключающего от общего к единичному, следует *индукция*, выделяющая общее из единичного.

<§ 34> Ἐπαγωγὴ ἢ ἀπὸ τῶν καθ' ἕκαστα ἐπὶ τὸ καθόλου ἔφοδος, οἷον εἰ ἔστι κυβερνήτης ὁ ἐπιστάμενος κράτιστος καὶ ἠνίοχος, καὶ ὅλως ἔστιν ὁ ἐπιστάμενος περὶ ἕκαστον ἄριστος. ἔστι δ' ἢ μὲν ἐπαγωγὴ πιθανώτερον καὶ σαφέστερον καὶ κατὰ τὴν αἴσθησιν γνωριμώτερον καὶ τοῖς πολλοῖς κοινόν, ὁ δὲ συλλογισμὸς βιαστικώτερον καὶ πρὸς τοὺς ἀντιλογικοὺς ἐνεργέστερον.

«Индукция есть продвижение (ἔφοδος) от единичного к общему, например, если сведущий <(в своем деле)> кормчий есть наилучший и сведущий возница <(также)>, то и всякий вообще в каждом деле сведущий будет наилучшим; индукция обладает большей силой убедительности и достоверности, а в отношении к чувственному восприятию также и боль-

шей познаваемостью и общепризнанностью; силлогизм же обладает большей принудительностью и более действителен против спорящих» (Тор. I. 2. 105 a 13).

<§ 35> Ἐπαγωγὴ μὲν οὖν ἐστὶ καὶ ὁ ἐξ ἐπαγωγῆς συλλογισμὸς τὸ διὰ τοῦ ἐτέρου θάτερον ἄκρον τῷ μέσῳ συλλογίσασθαι, οἷον εἰ τῶν Α Γ μέσον τὸ Β, διὰ τοῦ Γ δεῖξαι τὸ Α τῷ Β ὑπάρχον· οὕτω γὰρ ποιούμεθα τὰς ἐπαγωγάς. – – δεῖ δὲ νοεῖν τὸ Γ τὸ ἐξ ἀπάντων τῶν καθ' ἕκαστον συγκείμενον· ἡ γὰρ ἐπαγωγὴ διὰ πάντων.

«Индукция и индуктивное умозаключение (ὁ ἐξ ἐπαγωγῆς συλλογισμὸς) есть способ посредством одного из крайних терминов высказывать другой крайний термин в заключении (συλλογίσασθαι) о среднем термине, например, если по отношению к a и $c - b$ составляет средний член – показать при посредстве c , что a присуще b ; ибо именно так осуществляем мы индукции. ...При этом под c надо понимать нечто, составленное из всех отдельных случаев, ибо индукция осуществляется через всех них» (Analyt. Pr. II. 23. 68b 15, 27).

<§ 36> Τρόπον τινὰ ἀντίκειται ἡ ἐπαγωγὴ τῷ συλλογισμῷ· ὁ μὲν γὰρ διὰ τοῦ μέσου τὸ ἄκρον τῷ τρίτῳ δείκνυσιν, ἡ δὲ διὰ τοῦ τρίτου τὸ ἄκρον τῷ μέσῳ. φύσει μὲν οὖν πρότερος καὶ γνωριμώτερος ὁ διὰ τοῦ μέσου συλλογισμὸς, ἡμῖν δ' ἐναργέστερος ὁ διὰ τῆς ἐπαγωγῆς.

«Индукция некоторым образом противоположна силлогизму, ибо последний через посредство среднего термина показывает принадлежность бóльшего термина <(как наиболее общего определения предмета)> меньшему термину <(как наименее общему определению его)>, первая же <(т. е. индукция)> – через меньший термин принадлежность большего термина среднему. <(При этом)> по природе первым <(т. е. более ранним)> и более познаваемым является умозаключение через посредство среднего термина <(т. е. собственно силлогизм)>, но для нас более наглядным – умозаключение посредством индукции» (Analyt. Pr. II. 23. 68b32).

Если рассматривать индукцию самостоятельно в ней самой, то она собирает и складывает единичное, чтобы из получаемой суммы образовать общее. Аристотель формально выражает это следующим образом: через посредство единичных вещей (низших понятий) (*c*), служащих к выражению определенного свойства (*a*), последнее приписывается общему (*b*), непосредственно стоящему над единичным (*c*). Согласно примеру Сократа, приводимому Аристотелем, – так как сведущий <(в своем деле)> кормчий, сведущий возница и т. д. (*c*) в своем искусстве являются наилучшими (*a*), то и понимающие в своем деле вообще (*b*) являются наилучшими. Обратное отношение имеет место в умозаключении: все понимающие в своем деле являются в нем наилучшими; сведущий кормчий есть понимающий в своем деле; следовательно, и так далее. Здесь, таким образом, посредством *b* (понимающий в своем деле) *a* (наилучший) оказалось бы в заключении высказанным о *c* (кормчий)⁸⁷.

⁸⁷ В немецком источнике буквенные обозначения латинские.

Поскольку в индукции предполагается, что общее (das Allgemeine) как всеобщность (die Allheit) представляет собой всю сумму единичного, возникает вопрос, когда же сумма может считаться законченной, – вопрос, на который собирающее наблюдение ответить не может, ибо единичное как таковое представляет собой безграничное множество. Поэтому индукция сама по себе, поскольку она тщетно старалась бы овладеть всем единичным, не может гарантировать никакой строгой всеобщности.

Правда, по самой идее индукции этого следовало бы от нее требовать, как это Аристотель и делает. «Под *c* (единичным), – говорит он, – следует понимать то, что составлено из всех единичных <(случаев)>, ибо индукция осуществляется через всех них». Однако на деле индукция сама по себе этого не дает. Поэтому уже Аристотель, чтобы гарантировать ее полноту, старался отыскать особенные условия, лежащие, однако, уже за пределами индукции (Analyt. Pr. II. 23 и ср. LU II. 263 [ЛИ II. 357]). Но он рассмотрел природу и недостатки индукции лишь в весьма кратких чертах. Полная индукция <(предполагающая перечисление всех без исключения отдельных случаев)> логиками Нового времени рассматривается как умозаключение с разделительной большей посылкой <(А есть или В, или С, или D и т. д.)>, в которой отдельные виды <(целого)> исчерпываются как общие случаи единичного.

Здесь представляется удобный случай рассмотреть подробнее применение разделительного суждения, нигде не затронутого <(самим)> Аристотелем. Воспользуемся для примера «Элементами» Евклида (Euklid. Element. III. 20). Точное рассмотрение положения I. 35 в «Элементах» Евклида также привело бы нас к трем возможностям построения, которые можно было бы выразить в разделительной большей посылке и <(опираясь на нее)> доказать затем

каждую из них по отдельности. Объединение этих трех возможностей представило бы собой форму индукции; но из простой перечисляющей индукции никогда не могло бы возникнуть большей посылки, *исчерпывающей* все виды. Посредством полной индукции сам Аристотель открыл свои силлогистические законы, прежде всего, возможные модусы трех фигур и их взаимоотношения (Analyt. Pr. I. 4–6), а затем также и правила силлогизма (см. выше §§ 29 и 32). Однако и в этих случаях индукция никогда не могла бы быть завершенной до целого, если бы уже из общих оснований комбинации не следовали бы все мыслимые случаи (ср. LU II. 326 [ЛИ II. 422]). С этим ходом исследования переплетается поэтому у Аристотеля в отдельных случаях силлогистическое доказательство. Тщательно проведенный Аристотелем путь индукции сообщил полученному им результату длительную гарантию, но вопрос о выяснении внутренних оснований всякого индуктивного доказательства он, в известной мере, оставил открытым для позднейшего исследования.

Аристотель говорит, что индукция «нагляднее и общепонятнее», чем силлогическое умозаключение. Так как она продвигается вперед, опираясь на данное единичное, то в этом последнем она имеет непосредственное и живое подтверждение, а также очевидную достоверность. Однако для того чтобы из единичного образовать общее и его завершить, необходимо, поскольку индукция сама по себе никогда не бывает законченной, допустить некоторый скачок. Того, кто не захочет сделать этот скачок, будет трудно принудить <(согласиться с индуктивным выводом)>; ибо, чтобы удержаться на своей позиции, он использует тот недостаток и пробел, который имеется во всякой индукции. Поэтому непрерывно продвигающийся вперед силлогизм «неопровержимее». Преимущества наглядности и очевид-

ности, признаваемые Аристотелем за индукцией, более субъективной природы. Следует заметить, что в области опыта исключительно индукция обеспечивает для познания почву действительности.

Если искать примеров индукции, то их в изобилии можно найти в «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонта – и там почти в их научном первоисточнике, так как Аристотель именно Сократу приписывает индукцию как его подлинное изобретение. Для сравнения целесообразно посмотреть, как Сократ (Хен. Мет. I 5; II.1) доказывает, что самообладание (ἐγκράτεια) есть добродетель, или как он показывает наличие в мире предопределяющей цели. Не следует, однако, упускать из виду, что с индукцией связывается при этом родственная ей аналогия (см. § 38).

В науках индукция в большинстве случаев требует дополнения и редко встречается в чистом виде. Так называемая полная индукция в арифметике на самом деле не есть голая индукция (см.: Drobisch. Neue Darstellung der Logik... S. 222 и сл.)⁸⁸. Если на основании наблюдений в физике или физиологии устанавливаются общие законы (например, что двойной шпат обуславливает двойное преломление проходящего через него светового луча, или что у человека головка бедренной кости простым давлением воздуха удерживается в точно приспособленной к ней суставной чашке и поэтому при ходьбе свободно передвигается вперед и назад), то индукция, по сравнению с безграничным множеством подобных явлений, всегда может основываться лишь на ограниченном числе случаев. Поскольку, однако, экспериментальное исследование тщательно устраняет всякое

⁸⁸ Drobisch M. Neue Darstellung der Logik nach ihren einfachsten Verhältnissen, mit Rücksicht auf Mathematik und Naturwissenschaft, 2, völlig umgearbeitete Aufl. Leipzig, 1851.

случайное воздействие, так что явление оказывается порожаемым исключительно только самой же наблюдаемой вещью, постольку индукция предполагает, что при одинаковых причинах явления остаются неизменными. В сфере органического <(мира)> подобного рода законы подчинены, кроме того, еще и мысли о цели⁸⁹. Физика, которая согласно указанию Ньютона, должна остерегаться метафизики, все же не обходится без метафизической предпосылки, когда решается на то, чтобы частичный результат (Stückwerk) индукции поднять до <(значения)> целого и всеобщего. Прежде эту метафизическую веру выражали в утверждении, что природа остается верной сама себе. Эта предпосылка подтверждается, однако, лишь тем, что посредством метода, противоположного индукции, отыскивается необходимое основание <(явлений)>. Кеплер распространяет свои законы об эллиптическом пути и о пропорциональности плоскостей временам прохождения планетами своих путей (radius rector verrit areas tempori proporttionales⁹⁰) с Марса, в применении к которому эти законы были откры-

⁸⁹ Здесь Тренделенбург имеет в виду свое учение о цели. Понятию «цель» посвящена целая глава второго тома «Логических исследований». Телеологические аргументы Тренделенбурга оказались востребованными в полемике вокруг сочинения Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859). В отличие от многих других университетских философов Тренделенбург с готовностью принял выводы английского ученого. В третьем издании «Логических исследований» философ значительно расширяет главу под названием «Цель» с тем, чтобы раскритиковать концепцию Геккеля, попытавшегося использовать дарвиновскую теорию эволюции как основание для установления «монизма материи». *Rosenstock G.G. F.A. Trendelenburg. Forerunner to John Dewey. Carbondale (Illinois), 1964. P. 32–35.*

⁹⁰ Радиус вектора описывает плоскость пропорционально времени. — Б.Ф.

ты, путем индукции прежде всего на Меркурий, а затем и на другие планеты. Но только Ньютон поднимает их путем открытия всеобщего тяготения как порождающего их основания до высшей всеобщности (см. Уэвелль. История индуктивных наук. I. 550 и сл.; II. 199). Вообще за индуктивной эпохой Кеплера в астрономии следует дедуктивная эпоха Ньютона.

Правила и исключения эмпирической грамматики возникают на основе собранных примеров благодаря индукции в наблюдаемом словоупотреблении. Силу и слабость чистой индукции легко показать, например, в сфере греческой грамматики на истории так называемой *praeseptum Dawesianum*⁹¹ (см. Buttman в его «Syntax», § 139⁹²; в результате новейших сопоставлений *лучшие* кодексы подтверждают это наблюдение, однако, и для хорошей аттической прозы). Но если какая-нибудь отдельная грамматика пытается на почве твердо установленных фактов (как это делает, например, Г. Герман⁹³) дать доказательство того, что данное словоупотребление и не может быть другим, или если общая грамматика из логических отношений мысли выводит требования [т. е. законы] предложения, то она <(т. е. общая грамматика)> восполняет индукцию посредством дедукции и только в ней завершает свое познание.

⁹¹ Тренделенбург ссылается на канон (грамматические предписания), предложенный английским филологом-классиком Ричардом Дозом (Dawes, 1708–1766).

⁹² Имеется в виду вторая часть («Синтаксис») учебника по грамматике древнегреческого языка Филиппа Бутмана. См.: *Buttmann Ph. Griechische Grammatik*. 20. Aufl., hrsg. und bearbeitet von A. Buttmann. Berlin, 1858. S. 413–420.

⁹³ Готфрид Герман (1772–1848) – немецкий филолог-классик, профессор словесности и поэзии в Лейпцигском университете, влиятельный глава так называемой грамматико-критической школы и основатель «Греческого общества».

Представляется важным в заключение учения о силлогизме и индукции обратить внимание на существенное взаимоотношение способа исследования, продвигающегося от единичного к общему, со способом исследования, переходящим общего от к единичному.

§ 37–39

За рассмотрением силлогизма и индукции следует рассмотрение родственных с ними *энтимемы* и *примера*.

<§ 37> Εἰκός δὲ καὶ σημεῖον οὐ ταὐτόν ἐστιν, ἀλλὰ τὸ μὲν εἰκός ἐστι πρότασις ἔνδοξος· ὁ γὰρ ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ ἴσασιν οὕτω γινόμενον ἢ μὴ γινόμενον ἢ ὄν ἢ μὴ ὄν, τοῦτ' ἐστὶν εἰκός, οἷον τὸ μισεῖν τοὺς φθονοῦντας ἢ τὸ φιλεῖν τοὺς ἐρωμένους. σημεῖον δὲ βούλεται εἶναι πρότασις ἀποδεικτικὴ ἀναγκαία ἢ ἔνδοξος· οὐ γὰρ ὄντος ἔστιν ἢ οὐ γενομένου πρότερον ἢ ὕστερον γέγονε τὸ πρᾶγμα, τοῦτο σημεῖόν ἐστι τοῦ γεγονέναι ἢ εἶναι. ἐνθύμημα μὲν οὖν ἐστὶ συλλογισμὸς ἐξ εἰκότων ἢ σημείων.

«Вероятное и знак <(т. е. обозначение вещи)> – не одно и то же, но вероятное есть некоторая предпосылка, принимаемая на веру <(т. е. основанная на людском мнении)>. Ибо то, о чем известно, что в большинстве случаев оно происходит или не происходит, существует или не существует определенным образом (οὕτω) – это и есть вероятное, например, тот факт, что завистники ненавидят или что влюбленные настроены дружественно. Знак же стремится быть

аподиктической <(т. е. доказывающей)> предпосылкой, необходимой или, по крайней мере, обычно принимаемой <(за нечто истинное)>; ибо то, при существовании чего вещь существует или при наступлении чего она рано или поздно будет существовать, и есть знак того, что вещь возникла (γεγονέναι) или что она есть. Энтимема <(и)> есть, поэтому, умозаключение (συλλογισμὸς) из вероятного или из знака <(или признака)>» (Analyt. Pr. II. 27. 70a3).

Учение о вероятном и о знаке (Indicium – признаке) имеет то существенное значение, что помогает определить логическую ценность и степень достоверности, которую имеют наши умозаключения, особенно в практическом отношении. Чтобы лучше понять тот смысл, в котором эти термины употребляются у Аристотеля, целесообразно сравнить с приведенным выше <(в § 36)> нижеследующим местом из аристотелевской риторики (Rhet. I. 2. 1357a32): «<...из числа тех положений, из которых выводятся энтимемы, одни будут иметь характер необходимости, другие – и такова бóльшая часть их – характер утверждений о том, что встречается в большинстве случаев;> энтимемы выводятся поэтому из вероятного и из признаков (Zeichen). Вероятное есть то, что случается в большинстве случаев, при этом не просто то, что случается, как определяют некоторые, но нечто такое, что может случиться и иначе, и что к тому, в отношении чего оно вероятно, относится как общее к частному. Что касается признаков (σημεῖα), то к тому, что выводится <(в энтимеме)>, они относятся частью как единичное к общему, частью как общее к частному; из них те, которые с необходимостью ведут к заключению, называются τεκμήριον – доказывающими признаками, те же, которые не ведут к заключению, с необходимостью не имеют

особого названия, соответствующего этой их особенности. <Необходимыми (т. е. с необходимостью приводящими к заключению) я называю те признаки, из которых образуется силлогизм, почему подобный ряд признаков и есть τεκμήριον как нечто доказанное и вполне определенное, ибо τέκμας и πέρας в древнем языке означают одно и то же (именно предел и границу).> Из признаков некоторые выражают отношение единичного к общему, например, если бы кто-нибудь сказал, что мудрецы справедливы, ибо Сократ был мудр и справедлив. Это, правда, признак, но он может быть опровергнут <(т. е. не имеет доказывающего значения)>, даже если сказанное справедливо, ибо здесь нет силлогизма. Напротив, если кто-нибудь скажет, что он болен, потому что его лихорадит, или что она <(т. е. эта женщина)> родила, потому что у нее есть молоко, то такого рода признаки необходимы, и только такие признаки имеют доказательную силу, ибо только они неопровержимы, если только допускается верность посылки. Наконец, третий род признаков относится <(к доказываемому факту)> как общее к частному, например, если в качестве доказательства того, что кто-либо болен лихорадкой, приводят тот признак, что у него короткое дыхание; и такой признак может, однако, быть опровергнут (устранен), даже если само утверждение и верно, ибо и не страдающий лихорадкой <(человек)> может иметь иногда короткое дыхание».

В этом месте «Риторики», как и в дальнейшей связи вышеприведенного места, заимствованного из «Аналитики», знак <(т. е. признак)> сводится <(в своем применении)> к трем фигурам силлогизма и на них проверяется в своем значении.

Доказывающий признак (τεκμήριον), основывающийся на всеобщей и исключаяющей все другие связи действия и причины, дает заключение по первой фигуре.

Признак, помогающий из единичного случая извлечь общее (Сократ мудр, Сократ справедлив; следовательно, мудрые справедливы), имеет форму умозаключения по третьей фигуре, ибо здесь предикаты сходятся в некотором общем субъекте. Этот признак потому устраним, что в третьей фигуре недопустимы общие выводы, и, кроме того, в данном примере в посылках отсутствует общее. *Ex mere particularibus nihil sequitur*⁹⁴ <(см. § 29)>. Такое умозаключение только в том случае могло бы иметь значение, если бы единичное, употребляемое в качестве признака (в приведенном примере – Сократ), было бы представителем всего рода, так что то, что имеет значение для него, имело бы значение и для всех индивидуумов данного рода. Единичное, взятое в качестве признака, потому остается сомнительным, что бесчисленные признаки, которые содержит единичное, переплетают лежащее в их основе необходимое со случайным, вследствие чего то и другое <(т. е. случайное и необходимое)> могут быть перепутаны в единичном. Например, Сократ мудр; Сократ имеет голову Силена; следовательно, все мудрецы имеют голову Силена.

Признак, который подсказывается нам более общим понятием (он болен лихорадкой, ибо у него короткое дыхание), принимает форму второй фигуры силлогизма (у всех больных лихорадкой короткое дыхание; у Кая короткое дыхание; следовательно, Кай болен лихорадкой). Так как во второй фигуре невозможны утвердительные выводы, то отсюда следует, что этому признаку не хватает необходимости. Как правило, обусловленное предложение (*Nachsatz*) гипотетического суждения является более общим, чем обуславливающее предложение (*Vordersatz*); предикат более

⁹⁴ «Из одних частных посылок нельзя сделать <правильного> вывода» (лат.). – Б. Ф.

общ, чем субъект. Там, следовательно, где мы имеем дело с обусловленным предложением или предикатом <(гипотетического суждения)>, нельзя ещё заключать к обуславливающему предложению или субъекту <(данного гипотетического суждения)>. Действие, рассматриваемое как признак некоторой причины, может быть действием также и какой-либо другой причины.

Поэтому, если спрашивают, как то, что Аристотель называет вероятным (εἰκός), относится к признаку (<знаку,> σημεῖος), нужно сказать, что оно <(по своему объему)> более ограничено. *Вероятное* представляет собой большую посылку для заключения по первой фигуре силлогизма, однако посылку, основанную на неполной индукции. Это неопределенный еще опыт в том, что обычно происходит, или некоторое предположение, сообразующееся со сходством, которое заимствуется нами у нас же самих <(т. е. субъективно)>. *Признак*, встречающийся в форме всех фигур силлогизма и относящийся как к изменяющемуся, так и к неизменному, есть, именно поэтому, нечто более широкое, чем то, что Аристотель называет вероятным в человеческой жизни.

Признак (σημεῖον), хотя он и основывается на неполной индукции, имеет объективный характер и относится поэтому в качестве *causa cognoscendi*⁹⁵ к науке⁹⁶. В этом смысле развивается, например, семиотика <(т. е. учение симптомах)> в науке врачевания, делающая выводы о существовании болезни по внешним признакам (ἡ σημεῖωτική). Вообще мы ориентируемся в жизни, подмечая признаки;

⁹⁵ «Основа познания» (лат.).

⁹⁶ См. латинские примечания (Adnotata) Тренделенбурга к § 17 в издании: *Trendelenburg A. Elementa logices Aristoteleae*. 6. Aufl. Bero-line, 1853. S. 83–85.

и в священном писании (Матф. XVI. 3) фарисеи порицаются за то, что они не умели оценить знамения времени (τὰ σημεῖα τῶν καιρῶν). Подобно тому как учение о симптомах находит свое применение в диагнозе болезней, так же точно в уголовном праве доказательство по совокупности признаков⁹⁷ служит для познания обстоятельств дела и вины. Логическую ценность такого доказательства следует определить соответственно высказанному, и при этом не следует забывать и различие между необходимыми признаками, коих немного, и ненужными, которые сами по себе опровержимы и, возможно, допускают другое объяснение. Психология следователя реализуется в умозаключениях из самих по себе значительных, но все же не необходимых признаков. Аристотель относил к таким признакам и физиогномику. Если несколько признаков, каждый из которых в отдельности опровержим, совпадают, то вероятность растет, и притом не только внешне, через увеличение числа признаков, но потому в особенности, что становится все труднее для многих признаков, хорошо характеризующих предполагаемую причину, отыскать другое основание, которое бы равным образом объясняло все эти признаки. В учении о симптомах болезней лечебное средство, направленное против существа болезни, о котором заключают на основании данного признака, имеет для дальнейшего познания <(болезни)> примерно такое же значение, как эксперимент в естествознании, смотря по получаемому результату либо подтверждающий определенную гипотезу, либо делающий ее сомнительной.

Науки стремятся установить такие, своеобразные и исключают все постороннее, связи причины и действия, ко-

⁹⁷ То есть доказательство из фактов и улики без признания своей вины обвиняемым. — Б.Ф.

торые <(т. е. эти связи)>, представляя собой необходимые признаки (τεκμήρια), допускают полное обращение обуславливающего и обуславливаемого положения (см. § 14) и тем самым требует обратного умозаключения <(т. е. от действия к причине)>. Такие признаки дает нам и грамматика, когда она учит нас заключать от твердо установленных форм наклонений или падежей, из необходимых составных частей предложения к той мысли, которая эти формы породила. Именительный падеж есть для нас τεκμήριον субъекта, за исключением разве того случая, когда он стоит фактивно⁹⁸; согласующийся с ним *verbum finitum*⁹⁹ есть σημεῖον <(т. е. простой знак)> предиката; ближайший косвенный падеж – σημεῖον объекта, служащего как бы дополнением к предикату. В доказательстве по совокупности признаков в уголовном праве так называемое *alibi* составляет τεκμήριον в подтверждение того, что кто-либо не совершил преступления, произошедшего в данном месте. Если физик открыл необходимое, исключительно своеобразное действие какой-либо силы, то с этим признаком он связывает затем свое наблюдение или использует его в качестве мерила. Сравните с этим Полярную звезду или направление магнитной силы как знак, указывающий сторону света; флюгер – как знак направления ветра; поднимающийся или спускающийся столб ртути на весах барометра; распространяющуюся или стягивающуюся жидкость

⁹⁸ Фактитив обозначает действие, произведенное «с участием» (при помощи, в отношении или с учетом какой-то абстрактной связи) указанного понятия. Есть семантические фактитивы, напр., в руку ~ вручить, молот ~ молотить, сверло ~ сверлить, собака ~ собачиться и т. п.

⁹⁹ Технический термин, служащий для обозначения форм глагола, изменяющихся по лицам. – Б.Ф.

в термометре, число оборотов маленьких мельничных крыльев в анемометре¹⁰⁰ и т. д. <Главный интерес настоящего параграфа сосредоточивается, следовательно, на том, что> вместе с открытием необходимых признаков (τεκμήρια) растет и достоверность наблюдения, и богатство комбинаций. Энтимемы (в аристотелевском смысле) из таких *необходимых* признаков принадлежат регрессивному методу и образуют уже полный силлогизм.

<§ 38> Παράδειγμα δ' ἐστὶν ὅταν τῷ μέσῳ τὸ ἄκρον ὑπάρχον δειχθῆ διὰ τοῦ ὁμοίου τῷ τρίτῳ. δεῖ δὲ καὶ τὸ μέσον τῷ τρίτῳ καὶ τὸ πρῶτον τῷ ὁμοίῳ γνῶριμον εἶναι ὑπάρχον. οἶον ἔστω τὸ Α κακόν, τὸ δὲ Β πρὸς ὁμόρους ἀναιρεῖσθαι πόλεμον, ἐφ' ᾧ δὲ Γ τὸ Ἀθηναίους πρὸς Θηβαίους, τὸ δ' ἐφ' ᾧ Δ Θηβαίους πρὸς Φωκεῖς. ἐὰν οὖν βουλώμεθα δεῖξαι ὅτι τὸ Θηβαίους πολεμεῖν κακόν ἐστὶ, ληπτέον ὅτι τὸ πρὸς τοὺς ὁμόρους πολεμεῖν κακόν. τούτου δὲ πίστις ἐκ τῶν ὁμοίων, οἶον ὅτι Θηβαίους ὁ πρὸς Φωκεῖς. ἐπεὶ οὖν τὸ πρὸς τοὺς ὁμόρους κακόν, τὸ δὲ πρὸς Θηβαίους πρὸς ὁμόρους ἐστὶ, φανερόν ὅτι τὸ πρὸς Θηβαίους πολεμεῖν κακόν. ὅτι μὲν οὖν τὸ Β τῷ Γ καὶ τῷ Δ ὑπάρχει, φανερόν (ἄμφω γὰρ ἐστὶ πρὸς τοὺς ὁμόρους ἀναιρεῖσθαι πόλεμον), καὶ ὅτι τὸ Α τῷ Δ (Θηβαίους γὰρ οὐ συνήνεγκεν ὁ πρὸς Φωκεῖς πόλεμος). ὅτι δὲ τὸ Α τῷ Β ὑπάρχει, διὰ τοῦ Δ

¹⁰⁰ Анемометр (от др.-греч. ἄνεμος – ветер и метρέω – измеряю) – метеорологический прибор для измерения скорости ветра.

δειχθήσεται. τὸν αὐτὸν δὲ τρόπον κἂν εἰ διὰ πλειόνων τῶν ὁμοίων ἢ πίστις γένοιτο τοῦ μέσου πρὸς τὸ ἄκρον. φανερόν οὖν ὅτι τὸ παράδειγμά ἐστιν οὔτε ὡς μέρος πρὸς ὅλον οὔτε ὡς ὅλον πρὸς μέρος, ἀλλ' ὡς μέρος πρὸς μέρος, ὅταν ἄμφω μὲν ἢ ὑπὸ ταυτὸ, γνώριμον δὲ θάτερον. καὶ διαφέρει τῆς ἐπαγωγῆς, ὅτι ἡ μὲν ἐξ ἀπάντων τῶν ἀτόμων τὸ ἄκρον ἐδείκνυεν ὑπάρχειν τῷ μέσῳ καὶ πρὸς τὸ ἄκρον οὐ συνῆπτε τὸν συλλογισμόν, τὸ δὲ καὶ συνάπτει καὶ οὐκ ἐξ ἀπάντων δείκνυσιν.

«Пример (аналогия) имеет место тогда, когда показывается, что среднему термину присущ больший <(термин)> и притом через нечто сходное с третьим <(т. е. меньшим термином)>. Но при этом должно быть <(заранее)> известно, что средний термин присущ третьему <(т. е. меньшему)>, а первый <(т. е. больший)> – тому, что сходно с третьим <(т. е. меньшим)>. Например, пусть *a* будет обозначать зло, *b* – начинать войну с соседями, *c* – войну афинян с фиванцами, *d* – войну фиванцев с фокейцами. И вот, если мы хотим показать, что вести войну с фиванцами есть зло, то нужно <(сперва)> допустить, что вести войну с соседями есть зло. Но это <(в свою очередь)> становится убедительным из <(наблюдения)> сходных случаев, например, из того, что для фиванцев война с фокейцами была злом <гибельна>. В самом деле, так как война с соседями есть зло, а война с фиванцами есть война с соседями, то ясно, что вести войну с фиванцами есть зло. Далее, что *b* присуще *c* и *d* – это очевидно <(ибо и то и другое есть ведение войны с соседями)>, и точно также, что *a* присуще *d*, <(ибо

фиванцам война с фокейцами не принесла блага); то же, что *a* присуще *b*, это доказывается посредством *d*; и точно таким же образом поступают, если при помощи не одного, а нескольких сходных случаев делается вероятным, что средний термин относится к большему. Очевидно, следовательно, что пример не выражает собой ни отношения части к целому, ни отношения целого к части, но отношение части к части при том условии, что обе они подходят под одно понятие, но <(только)> одна из них является известной; при этом от индукции пример отличается тем, что индукция принадлежность большего термина среднему доказывала из всех отдельных <(т. е. единичных)>¹⁰¹ случаев в их совокупности и с большим термином не связывала никакого дальнейшего <(т. е. нового)> силлогизма, тогда как пример и связь эту осуществляет, и доказательство ведет не из всех отдельных случаев» (Analyt. Pr. II. 24. 68b38).

Сказанное Аристотелем в этом фрагменте о примере относится вообще к умозаключению по аналогии, имеющему весьма широкое применение во всех формах <(как практического, так и научного)> познания. <Аристотель в ряде мест своего «Органона» подробно характеризует природу и значение *примера* и *анalogии* для познания, поясняя, что они направлены не на приобретение общего, но лишь на то, чтобы посредством общего (уже предполагаемого заранее) познать *единичное*.> С помощью приведенных Аристотелем определений можно исчерпывающе разъяснить его [т. е. примера] сущность, причем как его сильные, так и слабые стороны. (Об аналогии см. подробнее: LU II. 263 и сл.; 302 и сл. [ЛИ II. 357 и сл.; 400 и сл.].)

¹⁰¹ В тексте стоит: «неделимых» (ἀτόμων). – Б.Ф.

В умозаключении по аналогии Аристотель показывает двоякого рода движение. Прежде всего отсутствует общая большая посылка и даже вообще средний термин. Сходные случаи (*d*), стоящие параллельно со средним термином (*c*), по отношению к которому нечто должно быть высказано как заключение, вынуждают нас, однако, сформулировать такую большую посылку (*b* есть *a*). Неудачная война фиванцев с фокейцами, относящаяся к войне афинян с фиванцами как один случай к другому, как часть к части, дает основание к тому, чтобы объемлющее целое общего понятия определить как бóльшую посылку (всякая война с соседями пагубна). За этим следует второе движение, относящее приобретенное всеобщее непосредственно к данному случаю путем присоединения (*συνάπτει*) силлогизма по первой фигуре. Пример (аналогия) с самого начала не направлен, строго говоря, на то, чтобы образовать для познания общее как таковое, но к тому, чтобы единичное познать посредством общего. Поэтому аналогия, в отличие от индукции, стремящейся прежде всего к общему, не успокаивается на том, чтобы выдвинуть вперед общее. Двоякое движение от сходных единичных случаев к всеобщему и обратно – от всеобщего к данному единичному <(случаю)> – дает духу, не преследующему в этом процессе какого-либо одностороннего направления, но стремящегося достигнуть некоторого целого, своеобразное удовлетворение, еще более увеличивающееся самостоятельным порождением всеобщего и созерцанием, сопровождающим сходные случаи.

Рассмотрение единичного на примере всегда будет направлено на то и в том находить свою меру, что всеобщее, которое должно быть выдвинуто этим рассмотрением, возникает из него как бы само собой. Все, что от него отвлекает, оставляется без внимания или отодвигается на задний план. Ибо пример есть тот случай, который должен сделать

правило наглядным. Если пример заимствуется Аристотелем у какого-нибудь оратора, то в этом примере война фиванцев с фокейцами будет объясняться в том смысле, что отношения к соседям будут выступать перед слушателями как нечто такое, что обуславливает собой несчастье войны. Так далеко проливает свой свет умозаключение. Но вопрос заключается в следующем: была ли война фиванцев с фокейцами именно потому пагубной, что она вообще была войной с соседями, или это общее, быть может, совсем не имело никакого влияния, так что эта война была несчастной именно только в своем своеобразном течении и связи. Возражающий оратор как раз на этом будет настаивать и станет оспаривать правомерность выведения у помянутого всеобщего из примера. Выражая эту мысль в общей форме, можно сказать: аналогия правильна в том случае, если единичное примера (*d*) стоит к данному единичному (*c*) в отношении требуемого целого и всеобщего как одна часть к другой, и если в силу этого отношения единичные случаи дают полное право на то, чтобы необходимую большую посылку образовать как общее положение; напротив, аналогия является ложной, если в понятии (*d*), во всех других отношениях сходном <(с тем, которое имело место в первом случае)>, высказывание (*a*) было обусловлено всего лишь каким-либо особенным и своеобразным свойством, а не всеобщим существом (*b*), которое оно <(т. е. это понятие)> разделяет с другими случаями данного единичного (*c*). Опосредствование через *b* в таком случае невозможно.

Удачные примеры можно найти в «Риторике» Аристотеля (II. 20). Здесь с полным правом басня, и в древненемецком языке носящая название *Bispel*, включена в сферу примеров (παράδειγμα) (см., напр.: Liv. II. 32)¹⁰². Другие при-

¹⁰² Тренделенбург имеет в виду рассказанную Титом Ливием историю о том, как один переговорщик Менений Агриппа предотвра-

меры аналогии можно легко найти у Ксенофонта в его «сократических речах».

Сократ утверждает (Xen. Men. I. 2. § 9; Aristot. Rhet. II. 20), что было бы сумасшествием избирать архонтов города по жребию; ибо сумасшествием было бы назначать кого-нибудь кормчим, ремесленником или флейтистом не в силу знания и умения, а по случайности жребия. Из аналогии должна, прежде всего, выделиться всеобщая бóльшая посылка. В случаях, где необходимы особое знание и особое понимание (*b*), было бы нелепым (*a*) назначать по жребию тех, кто должен обладать этими условиями. Затем сама собой должна присоединиться меньшая посылка, что для занятия должности архонта (*c*) необходимо особое знание и особое понимание <(дела)>. Следовательно, было бы нелепым назначать архонта по жребию. Примеры кормчего, ремесленника, флейтиста представляют собой при этом сходные случаи (*d*). Таким образом, этот случай вполне согласуется с тем, который использован Аристотелем в данном месте. Архонты, с одной стороны, кормчие, ремесленники и флейтисты, с другой, – все относятся друг к другу как часть к части по сравнению с целым понятием о всех тех, кто для своего дела нуждается в соответствующем знании и понимании. Напротив, те, которые, подобно Форхаммеру¹⁰³, оспаривают в интересах существующей в Афинах конституции это сократическое умозаключение по аналогии, – те

тил возможные беспорядки между римскими плебеями и сенаторами, прибегнув к расхожей анатомической аналогии, а именно – «уподобив мятежу частей тела возмущение плебеев против сенаторов». См. русский пер.: *Тит Ливий*. История Рима от основания города: в 3 т. Т. 1 (Кн. I–X) / пер. под ред. М.Л. Гаспарова, Г.С. Кнабе, В. М. Смирнина; отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1989. С. 90.

¹⁰³ Имеется в виду известный археолог и филолог Петер Вильгельм Форхаммер (Forchhammer) (1801–1894).

всю свою принципиальность направляют как раз против положения, что соответствующие понятия (*c* и *d*) относятся друг к другу как часть к части, и потому отрицают подчинение (Subsumption) общему, образованное из упомянутых несходных случаев: «Назначение по жребию основывалось на том предположении, что афинские граждане равны между собой не только перед судом, но и во всём их отношении к государству, что каждый гражданин не только озабочен благом отечества, но обладает также и знаниями, требуемыми государством для занятия по жребию освобождающихся должностей». «Должностями, занимаемыми по жребию, были только такие должности, для выполнения функций которых требовался только здравый рассудок и знание аттической конституции. Напротив, должности, требовавшие особых знаний и способностей, будь это должности второстепенные, как-то кормчего или флейтиста, или высшие должности полководца, посланника, заведующего государственными финансами, всегда подлежали замещению по *выбору*»¹⁰⁴.

В научных сочинениях древних аналогия, согласно самому ее названию, выступает как *пропорция*, и еще Кант объясняет аналогию как равенство двух *качественных* отношений. Если желательно иметь примеры, то среди прочего можно взять для сравнения платоновского «Горгия» (Plat. Gorg. 464-465) и «О частях животных» Аристотеля (Part. anim. I. 4), а также припомнить спор об аналогии и аномалии у греческих грамматиков. При ближайшем рассмотрении дела представляется возможным эту грамматическую форму свести к приведенному выше логическому рассмотрению примера. Уже грамматика называли схему аналогии, т. е. то единичное, в котором должен раскры-

¹⁰⁴ Forchhammer P.W. Die Athener und Sokrates, die Gesetzlichen und der Revolutionär. Berlin, 1837. S. 13-14.

ваться общий закон изменения (Abwandlung), примером (παράδειγμα). В математике в основе возможности из трех известных членов геометрической пропорции (ἀναλογία) находить четвертый неизвестный член, лежит предполагаемый общий закон образования чисел, раскрывающийся в отношении экспонента <(т. е. показателя степени)>. Подобным же образом в умозаключении качественной аналогии предполагается такое общее, которое в одинаковой мере порождает все свойства единичного. Поэтому, чтобы полностью провести сопоставление, следовало бы в упомянутом аристотелевском примере общее понятие (война с соседями) сравнить с общим показателем степени <(т. е. экспонентом)>. И подобно тому как при решении задач на тройное правило можно лишь редко выявить сам показатель степени (Exponenten), точно так же и аналогия часто остается слепой, не обладая сознанием того всеобщего, которое она предполагает. Поэтому в данном месте текста аристотелевское понимание <(аналогии)> имеет для проверки аналогий особенное значение. Без допущения всеобщего в аналогии приходится лишь топтаться на месте, как в естественных науках, вместо того чтобы делать умозаключение в собственном смысле. Примеры таких аналогий можно найти также, если встать на точку зрения мнимой сообразности правилам, следуя которой старые немецкие грамматики совершенно искусственно сильную форму спряжения ставили в аналогию со слабой. С такой ложной аналогией мы встречаемся при решении вопроса о том, следует ли говорить χρῆσθαι или χρᾶσθαι (Sext Emp. Adv. gramm. I. § 196 и сл.); как κτῆσις относится к χρῆσις, так κρᾶσθαι относится к χρᾶθαι (см.: Gell. N. Att. II. 25).

Аналогия является по умолчанию подразумеваемой руководящей нитью нашего расширяющегося познания;

и там, где она образует соответствующие ряды, она доставляет нашему уму своеобразную радость, ибо она дает возможность увидеть единство общего закона в среде многообразия и в самом созерцании единичного и как бы неожиданно охватывает единичное ясностью своего собственного всеобщего. В отношении первого вопроса следует сравнить тот способ, каким ребенок учится говорить и каким он расширяет свои представления, и историю открытий и изобретений (см.: LU II. 263 и сл.; 302 и сл. [ЛИ II. 357 и сл.; 400]); в отношении второго вопроса следует припомнить поучительные аналогии между тремя первыми потенциями и линией, между квадратом и кубом, учением о параллелограмме и параллелепипеде, кругом и шаром; в учении о свете, теплоте и звуке; аналогии между различными органами чувств и, наконец, аналогичные явления в грамматике различных языков.

Аристотель заметил большое субъективное действие примеров (Probl. XVIII. 3) и уже задался вопросом, почему люди в своих речах находят большее удовлетворение в примерах, чем в умозаклчениях. Пример и по способу своего действия идет параллельно с индукцией, освещающей путь нашего познания. Аналогия даже в самой прозе науки обладает привлекательностью поэтической метафоры, пока она, подобно тому как это бывает с красками цветка, не передаст эту привлекательность зрелому плоду понятий.

<Выражение этой именно мысли о взаимоотношениях понятий как принципа строгого доказательства и примера как средства индукции поясняет и § 39>.

<§ 39> Ἀμφότεροι (οἱ τε διὰ συλλογισμῶν καὶ οἱ δι' ἐπαγωγῆς λόγοι) διὰ προγινωσκομένων ποιοῦνται τὴν διδασκαλίαν, οἱ μὲν λαμβάνοντες ὡς παρὰ ξυνιέντων, οἱ δὲ δεικνύντες τὸ καθόλου

διὰ τοῦ δῆλον εἶναι τὸ καθ' ἕκαστον. ὡς δ' αὐτως καὶ οἱ ῥητορικοὶ συμπείθουσιν· ἢ γὰρ διὰ παραδειγμάτων, ὃ ἐστὶν ἐπαγωγή, ἢ δι' ἐνθυμημάτων, ὅπερ ἐστὶ συλλογισμὸς.

«Оба рода доказательства <(т. е. и те, которые основываются на силлогизмах, и те, которые опираются на индукцию)> научают, исходя из чего-либо уже ранее познанного, поскольку они или <(как первые, основывающиеся на силлогизмах)> заимствуют определенные знания в той их форме, как они существуют у людей знающих, или <(как те, кто опирается на индукцию)> доказывают общее тем, что единичное <(из которого они исходят)> представляется для них очевидным. Подобным же образом убеждают <(нас)> и доводы ораторов, а именно – или посредством примеров, что составляет индукцию, или посредством энтимем, следовательно, силлогистическим путем» (Analyt. Post. I. 1. 71аб).

Все наше познание осуществляется, таким образом, по Аристотелю, как в сфере объективной науки, так и в кругу субъективных убеждений посредством постоянного обращения и перехода от единичного к общему и от общего к единичному, многочисленные примеры чего <рассеяны на всем протяжении аристотелеского «Органона».> [Примеры из области риторики предлагает любая речь Демосфена или Цицерона].

§ 40–42

Следующие далее § 40, 41 и 42 трактуют об *опровержении* и об *ошибках в умозаклучениях*.

<§ 40> Ὁ ἔλεγχος ἀντιφάσεως συλλογισμός.

«Опровержение¹⁰⁵ есть умозаключение противоречия <(т. е. умозаключение к противоречащей противоположности)>» (Analyt. Pr. II. 20. 66b11).

<§ 41> Ἐνστασις δ' ἐστὶ πρότασις προτάσει ἐναντία. διαφέρει δὲ τῆς προτάσεως, ὅτι τὴν μὲν ἐνστασιν ἐνδέχεται εἶναι ἐπὶ μέρους, τὴν δὲ πρότασιν ἢ ὅλως οὐκ ἐνδέχεται ἢ οὐκ ἐν τοῖς καθόλου συλλογισμοῖς.

«Возражение есть посылка, высказывающая нечто противоположное другой посылке. От этой последней она отличается тем, что возражение может быть частным <(суждением)>, тогда как посылка или вообще не может быть частным суждением, или, по крайней мере, не <(может быть таковым)> в общих умозаключениях» (Analyt. Pr. II. 26. 69a37).

<§ 42> Ἐπεὶ τὰ μὲν δι' αὐτῶν πέφυκε γνωρίζεσθαι τὰ δὲ δι' ἄλλων (αἱ μὲν γὰρ ἀρχαὶ δι' αὐτῶν, τὰ δ' ὑπὸ τὰς ἀρχὰς δι' ἄλλων), ὅταν μὴ τὸ δι' αὐτοῦ γνωστὸν δι' αὐτοῦ τις ἐπιχειρῆσει δεικνύναι, τότε αἰτεῖται τὸ ἐξ ἀρχῆς.

«Так как одно по самой природе своей познается непосредственно <(т. е. через самого себя)>, между тем как другое только через другое (ибо принципы познаются непосредственно <(через самих себя)>, то же, что подчинено принципам, познается через дру-

¹⁰⁵ Уличение в несостоятельности принятого. – Б. Ф.

гое), то, когда не познаваемое через самого себя стараются все-таки доказать из него самого, – этим предполагают уже то, что с самого начала требуется доказать» (Analyt. Pr. II. 16. 64b34).

Αἰτεῖσθαι δὲ φαίνονται τὸ ἐν ἀρχῇ πενταχῶς. φανερώτατα μὲν καὶ πρῶτον εἶ τις αὐτὸ τὸ δείκνυσθαι δέον αἰτήσῃ. τοῦτο δ' ἐπ' αὐτοῦ μὲν οὐ ῥάδιον λανθάνειν, ἐν δὲ τοῖς συνωνύμοις καὶ ἐν ὅσοις τὸ ὄνομα καὶ ὁ λόγος τὸ αὐτὸ σημαίνει, μᾶλλον. δεύτερον δέ ὅταν κατὰ μέρος δέον ἀποδείξαι καθόλου τις αἰτήσῃ, οἷον εἰ, ἐπιχειρῶν ὅτι τῶν ἐναντίων μία ἐπιστήμη, ὅλως τῶν ἀντικειμένων ἀξιῶσειε μίαν εἶναι· δοκεῖ γὰρ ὁ ἔδει καθ' αὐτὸ δεῖξαι μετ' ἄλλων αἰτεῖσθαι πλειόνων. τρίτον εἶ τις καθόλου δεῖξαι προκειμένου κατὰ μέρος αἰτήσῃεν, οἷον εἰ πάντων τῶν ἐναντίων προκειμένου τῶνδὲ τινῶν ἀξιῶσειε· δοκεῖ γὰρ καὶ οὗτος, ὁ μετὰ πλειόνων ἔδει δεῖξαι, καθ' αὐτὸ χωρὶς αἰτεῖσθαι. πάλιν εἶ τις διελὼν αἰτεῖται τὸ πρόβλημα, οἷον εἰ δέον δεῖξαι τὴν ἰατρικὴν ὑγιεινοῦ καὶ νοσώδους, χωρὶς ἐκάτερον ἀξιῶσειεν. ἢ εἶ τις τῶν ἐπομένων ἀλλήλοις ἐξ ἀνάγκης θάτερον αἰτήσῃεν, οἷον τὴν πλευρὰν ἀσύμμετρον εἶναι τῇ διαμέτρῳ, δέον ἀποδείξαι ὅτι ἡ διάμετρος τῇ πλευρᾷ.

«Предполагать то, что требуется доказать, можно, по-видимому, в пяти смыслах. Очевиднейшим образом и прежде всего, если кто-либо то, что требуется

доказать, сам же <(и)> предполагает¹⁰⁶. Это¹⁰⁷, если речь идет о самом деле¹⁰⁸, не легко остается скрытым, но при синонимах это <(происходит)> легче, а также везде там, где слово и понятие означают одно <(и то же)>. Во-вторых, когда то, что требовалось доказать лишь в некоторой части, предполагают в общем смысле, например, если бы желая доказать, что контрарно противоположное входит в сферу одной и той же науки, стали бы утверждать, что таково вообще все, что противоположно одно другому¹⁰⁹, ибо тогда то, что, казалось бы, надо было доказать только само по себе, соединяют в предположении вместе со многим другим. В-третьих, когда то, что надо было доказать в общем смысле, предполагают в частном смысле, так, например, если бы кто-либо, стоя перед задачей доказать что-либо для всех видов противоположного, предполагал бы <(уже)> это для некоторых определенных видов противоположного, ибо и в этом случае то, что, казалось бы, следовало доказать вместе со многим другим, предполагается как взятое отдельно само по себе. Далее, если кто-либо при помощи деления предполагает <(данную)> проблему <(решенной)>, например, если кто-либо для доказательства того, что врачебное искусство <(т. е. медицина)> имеет своим предметом и здоровое, и больное, стал бы предполагать как то, так и другое в отдельно-

¹⁰⁶ [Вариант:] ... когда предполагают то (именно), что требуется доказать. – Б.Ф.

¹⁰⁷ То есть этот род предположения. – Б.Ф.

¹⁰⁸ То есть если имеется в виду самый предмет доказательства. – Б.Ф.

¹⁰⁹ [Вариант:] ... что это справедливо и относительно всего вообще, что так или иначе противоположно другому. – Б.Ф.

сти. Или <, (наконец),> если бы из двух вещей, с необходимостью следующих одна из другой, одну стали бы предполагать, – например, что <(одна)> определенная сторона квадрата несоизмерима с его диагональю, тогда как следовало бы доказывать, что диагональ вообще несоизмерима с какой бы то ни было стороной <(квадрата)>» (Тор. VIII. 13. 162b34).

В то время как опровержение (Elenchos), будучи направлено против результата другого умозаключения (μετ' ἀντιφάσεως του συμπεράσματος – Soph. Elench. I), представляет собой вывод от противного (Gegenschluß), дающий заключение, противоречащее выводу другого умозаключения, возражение (инстанция) направляется против посылки умозаключения и подрывает силу умозаключения путем противоречия одной из его посылок.

Наиболее подходящие примеры можно будет заимствовать у ораторов, которые как раз сейчас под рукой, или из опровергающих диалогов Ксенофонта и Платона, например, из платоновского «Горгия», первой книги «Государства» или из полемических сочинений Лессинга и т. п. Пояснения будут тем плодотворнее, чем ближе подходят они к тем сочинениям или к кругу тех наук, которыми как раз занят ученик. Мы ограничимся лишь немногими указаниями.

В «Никомаховой этике» Аристотель изобличает в заблуждении тех, кто полагает высшее счастье жизни в политической чести. Указанное место может служить в качестве примера опровержения (ἔλεγχος), поскольку намечаемые в нем основания легко могут быть облечены в форму умозаключения: «Образованные и практические люди, – читаем мы в этом месте, – избирают для себя в качестве счастья честь, ибо это есть цель политической жизни. Однако, по видимому, это есть нечто более поверхностное, чем высшее

человеческое благо, составляющее предмет искания. Ибо честь находится в большей мере в руках того, кто оказывает почести, чем в руках того, кому они оказываются; но упомянутое благо мы мыслим себе ведь как своего рода собственность и как нечто такое, чего трудно достичь. Далее эти люди потому, по-видимому, гонятся за честью, чтобы их считали добрыми; они стараются, следовательно, добиться того, чтобы ценой добродетели заслужить почитание у знакомых и со стороны людей понимающих. Очевидно, следовательно, что, по их мнению, добродетель есть нечто еще более превосходное» (Eth. Nic. I. 3). Итак, здесь большинство утверждает, что честь есть высшее благо, и это утверждение – результат его соображений – и есть то заключение, против которого направляется вывод от противного. Опровержение проведено здесь совсем по способу диалектического ἔλεγχος, исходя из собственного мнения утверждающих. Сначала образуется умозаключение по второй фигуре: высшее благо должно быть прочной собственностью обладающего им (всеобщее); честь таковой собственностью не является (всеобщее); следовательно, она не есть и высшее благо. В основании второго вывода от противного лежит умозаключение по первой фигуре: что определяется еще какой-то другой целью, то не есть высшее благо; честь определяется некоторой другой целью (добродетелью); следовательно, она не есть высшее благо. Эти голые умозаключения представляют собой как бы несущий скелет свободно движущегося опровержения.

Случаи, рассмотренные выше (§ 38) под понятием аналогии, дают примеры возражения (Instanz). В первом случае показана возможность опровержения через посредство возражения против большей посылки, во втором – через посредство возражения против меньшей посылки (см. примеры из наук в кн.: LU II. 264 и сл. [ЛИ II. 357 и сл.]).

Если к деянию при обвинении применяется действующий закон, то против большей посылки, т. е. против твердо установленного закона, редко можно будет привести возражение (Instanz). Но защитник восстает в таком случае против подведения <(данного случая под общий закон)> и свои возражения направляет против меньшей посылки. Обвинители Сократа утверждают: все ἀσεβεῖς (безбожники) виновны; Сократ есть ἀσεβής (безбожник); следовательно, Сократ – виновен. Умозаключения Ксенофонта (Xen. Mem. I. 1. § 2) представляют собой возражения против меньшей посылки. Сократ не есть ἀσεβής (безбожник), ибо он всегда на общественных алтарях приносил жертвы богам государства и пользовался предуказаниями мантики¹¹⁰ и т. д.

Определения § 41, содержащие предостережение против круга в умозаключении, легко допускаемого людьми неопытными, и указание на строгую последовательность аргументов, имеют в научном смысле значение в особенности при исследовании принципов. По этому поводу можно напомнить учение о параллельных линиях, основанное на 11-й аксиоме Евклида. Положение 29-е в I книге Евклида (если две прямые линии параллельны, то третья линия, их пересекающая, образует с ними равные накрест лежащие углы) можно было бы доказать без помощи 11-го основоположения (если две прямые линии так пересекаются некоторой третьей линией, что оба внутренних угла, взятые вместе, оказываются меньше двух прямых, тогда, будучи в достаточной мере продолжены, они совпадут), равно как и само это основоположение могло бы быть доказано лишь в том случае, если бы можно было заранее допустить поло-

¹¹⁰ Мантика (μαντική) – в Древней Греции искусство прорицания, гадания.

жение (I. 32), что в каждом треугольнике сумма его углов равна двум прямым, – так, как если бы оно было установлено само по себе. Но так как это положение само зависит от параллелей, то такое доказательство представляло бы собой ὕστερον-πρότερον¹¹¹, переходящее в круг в доказательстве, и могло бы быть сведено к указанному Аристотелем в соответствующем месте «Топики» пятому способу¹¹². Многие попытки доказательства 11-го основоположения Евклида потерпели крушение подобным же образом. Если всякий круг в доказательстве должен быть вообще избегнут и если никакое основоположение вообще не должно быть принято без очевидности первоначального, то тогда задачей будет провести различие между выведенным и зависимым, с одной стороны, и первоначальным и независимым, с другой.

В своем объяснении указанных в настоящем параграфе пяти видов предположений (Тор. VIII. 13) <(служащих основанием для доказательства того или иного положения)> Аристотель избирает весьма яркие примеры. В действительности, однако, они <(т. е. такие предположения, предрешающие доказательство)> редко выступают с такой непосредственностью и столь неприкрыто, но в большинстве случаев бывают замаскированы и включены в сложный ход мыслей. Являются ли противоположности – прямое и кривое, четное число и нечетное число, здоровое и больное, доброе и злое – <(каждая)> предметом *одной и той же* науки, было в древности спорным вопросом, нередко затрагиваемым Аристотелем в качестве примера. Так как в пределах каждого рода, образующего предмет

¹¹¹ «Поставление последующего на место предыдущего» (греч.). – Б.Ф.

¹¹² Доказательства 11-ого основоположения см.: Тор. VIII. 13. – Б.Ф.

некоторой науки, возникают противоположности, представляющие собой <(крайние),> наиболее далеко друг от друга отстоящие точки всей области данного рода (ср. выше § 11), то каждая наука охватывает противоположности; и если все науки должны подчиниться некоторому единству, то в пределах этого единства они будут указывать на некоторую последнюю и высшую противоположность, которой подчиняются все остальные противоположности. Но это только в смысле предвосхищения, о котором могла бы идти речь, если бы примеры Аристотеля нужно было проследить далее.

§ 43–44

Эти параграфы выясняют значение *утвердительного и отрицательного*, равно как и *косвенного доказательства*.

<§ 43> Ἡ δὲ καταφατικὴ (πρότασις) τῆς ἀποφατικῆς προτέρα καὶ γνωριμωτέρα· διὰ γὰρ τὴν κατάφασιν ἢ ἀπόφασιν γνῶριμος, καὶ προτέρα ἢ κατάφασιν, ὥσπερ καὶ τὸ εἶναι τοῦ μὴ εἶναι. — — ἔτι ἀρχοειδεστέρα (ἢ δεικτικὴ ἀπόδειξις)· ἀνευ γὰρ τῆς δεικνυούσης οὐκ ἔστιν ἡ στερητικὴ.

«Утвердительная посылка первоначальнее и познаваемее отрицательной, ибо отрицание познается через утверждение и утверждение первее отрицания, как и вообще бытие первее небытия; ... кроме того, утвердительная посылка есть в большей мере принцип <(чем отрицательная посылка)>, ибо без <(положитель-

ной)> доказывающей посылки невозможна и снимающая <(отрицательная)>» (Analyt. Post. I. 25. 86b33).

<§ 44> Πάντες οἱ διὰ τοῦ ἀδύνατου περαίνοντες τὸ μὲν ψεῦδος συλλογίζονται, τὸ δ' ἐξ ἀρχῆς ἐξ ὑποθέσεως δεικνύουσιν, ὅταν ἀδύνατόν τι συμβαίνει τῆς ἀντιφάσεως τεθείσης.

«Все те, кто в доказательстве стремятся достичь чего-либо через посредство невозможного, <(сперва)> заключают к чему-то ложному, но как раз этим они вместе с тем раскрывают также и то, что с самого начала подлежало доказательству, именно посредством того соображения, что при допущении противоречащей противоположности <(тому, что должно быть доказано,)> возникнет нечто невозможное» (Analyt. Pr. I. 23. 41a23).

Ἡ εἰς τὸ ἀδύνατον (ἄγουσα ἀπόδειξις) ὡδ' ἔχει. εἰ δέοι δεῖξαι ὅτι τὸ Α τῶ Β οὐχ ὑπάρχει, ληπτέον ὑπάρχειν, καὶ τὸ Β τῶ Γ, ὥστε συμβαίνει τὸ Α τῶ Γ ὑπάρχειν. τοῦτο δ' ἔστω γνώριμον καὶ ὁμολογούμενον ὅτι ἀδύνατον. οὐκ ἄρα οἷόν τε τὸ Α τῶ Β ὑπάρχειν. εἰ οὖν τὸ Β τῶ Γ ὁμολογεῖται ὑπάρχειν, τὸ Α τῶ Β ἀδύνατον ὑπάρχειν. — Ἐπεὶ δ' ἡ κατηγορικὴ τῆς στερητικῆς βελτίων, δῆλον ὅτι καὶ τῆς εἰς τὸ ἀδύνατον ἀγούσης.

«Доказательство, ведущее к невозможности (т. е. не прямое, или косвенное), имеет следующий вид: если, например, должно быть доказано, что *a* не присуще *b* (*b* не есть *a*), то следует предположить, что оно (*a*) ему (*b*) все же присуще (т. е., что *b* есть *a*), и что,

кроме того, b присуще c (c есть b), так что и a было бы, следовательно, присуще c (c есть a). Но относительно этого последнего <(т. е., что a присуще c)> должно быть известно и признано, что оно невозможно. Следовательно, невозможно, чтобы a было присуще b . Поэтому, если признано, что b присуще c , то невозможно, чтобы a было присуще b А так как категорическое <(утвердительное)> доказательство лучше <(т. е. ценнее)> отрицательного, то оно, очевидно, лучше также и доказательства через невозможное [(т. е. косвенного)]» (Analyt. Post. I. 26. 87aб; 87a1).

В приведенном месте Аристотель ограничил, правда, свое обоснование того положения, что утверждающее доказательство имеет больше значения, чем отрицающее, отношением суждений в силлогизме, ибо без <(хотя бы)> одной утвердительной посылки не может быть получен в умозаключении даже и отрицательный вывод (отрицательное доказательство). Однако само положение о большем значении утвердительного доказательства сравнительно с отрицательным простирается дальше этих границ. Аристотель в краткой и сжатой форме сам указывает уже на реальное отношение: «Утверждение первее отрицания, как и вообще бытие первее небытия». В утверждении, выражающем определенность вещи, содержится источник многих утверждений и отрицаний, между тем как отрицание само по себе ничего не порождает. В утвердительном положении, что треугольник есть плоская фигура, замкнутая тремя сторонами, заложено основание всех утверждений, выражающих его свойства, а также и основание всех тех отрицаний, которые отказывают ему в своеобразных особенностях других фигур (многоугольника, круга). Но отрицание, что ни один

треугольник не есть круг, не может порождать ничего, кроме отрицаний, и притом только в ограниченном объеме, поскольку именно оно отказывает треугольнику в свойствах круга и т. д., но даже и это оно может делать только при помощи утверждений, посредством которых познается круг. Как плодотворно для грамматического понимания утверждение, что именительный падеж обозначает подлежащее, и как мало пользы было бы, если бы мы знали только то, что подлежащего не следует искать в слове, употребленном в родительном падеже и т. д. Утверждение является, следовательно, в большей мере принципом ($\alpha\rho\rho\omicron\epsilon\iota\delta\epsilon\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha$), чем отрицание. То, что имеет значение вообще для утвердительных и отрицательных суждений, легко может быть применимо и к доказательству, результатом которого всегда является утвердительное или отрицательное суждение. О природе отрицания см. подробнее: LU II. 89 и сл. [ЛИ II. 157].

Косвенное доказательство Аристотель в приведенном месте описал в простой форме и дал ему правильную оценку. О существовании этого рода доказательства и его применении см.: LU II. 320 и сл. [ЛИ II. 418].

Чтобы подчеркнуть отдельные моменты приведенных здесь мест из Аристотеля <(Analyt. Pr. I. 23 и Analyt. Post. I. 26)> следует напомнить прежде всего о гипотезе – $\acute{\upsilon}\pi\theta\acute{\epsilon}\sigma\iota\varsigma$ (a есть b или не b) и ее следствии (см. § 10); далее, о правильности обратного умозаключения от получающихся ложных следствий к ложности основания в посылках (§ 32) и, в частности, здесь же – при условии правильного подведения и заключения – к ошибочному допущению контрадикторной противоположности; наконец, о необходимости признания на основании этого другой стороны дихотомической дизъюнкции.

Косвенные доказательства хорошо известны нам в геометрии (Euklid. Element. I. 4, 6, 7, 14, 19, 25, 26, 27, 29 и т. д.),

и в ней обыкновенно впервые осознаются нами как таковые. Впрочем, в простейшей своей форме они встречаются во всех областях нашего мышления. Во всех случаях, где мы опровергаем или определяем что-нибудь путем исключения, мы всегда пользуемся косвенным доказательством. Например, по отношению к какому-либо месту текста мы отвергаем известное соединение слов (т. е. высказываем суждение, что оно не может иметь места) на том основании, что, будучи принято, оно или будет противоречить твердо установленному грамматическому правилу, или по вытекающим из него следствиям окажется невозможным для смысла. Уже с давних пор делалось заключение, что форма Земли шарообразна, ибо иначе (допустим, что она угловата) ее тень при солнечном затмении также обнаружила бы угловатость (Аристотель. *De cael.* II. 14). Язык для наиболее распространенного способа косвенного умозаключения образовал союз «иначе» (нем. *sonst*). В нравственной области мотивы, заимствуемые из следствий противоположного, представляются недостаточными, например, страх перед последствиями, когда долг остается неисполненным или нарушенным. Скорее, требуются положительные основания, <(коренящиеся)> в образе мыслей и познании.

Косвенное доказательство, сосредоточивающее свою силу в исключении через отрицание, дает научное применение отрицательным модусам первой фигуры и всей второй фигуре силлогизма с ее исключительно отрицательными выводами. В § 30 мы имеем для этого подходящий пример. То, что умозаключение о существовании вещи происходит по первой фигуре, доказываемое там путем исключения двух других фигур <(т. е. 2-й и 3-й)>, следовательно, косвенно. Самое доказательство развивается при этом по вто-

рой фигуре. Первое умозаключение гласит: всякое познание существа <(вещи)> утвердительно; но никакое познание, приобретенное по второй фигуре, не является утвердительным, ибо она носит отрицающий характер. Следовательно, никакое познание по второй фигуре силлогизма не есть познание существа <(вещи)>. Далее, мы имеем: всякое познание существа <(вещи)> есть познание общего; но никакое познание по третьей фигуре силлогизма не есть познание общего, ибо она всегда дает только частные выводы. Следовательно, никакое познание по третьей фигуре силлогизма не есть познание существа <(вещи)>. А так как в аристотелевском смысле существуют только три фигуры силлогизма, то прямое познание существа <(вещи)> оказывается делом исключительно первой фигуры, в которой действительно можно заключать утвердительно и в то же время всеобщим образом.

Косвенное доказательство, осуществляемое лишь через отрицание противоположного, не дает никакой возможности достигнуть понимания положительного и производящего основания вещи. Поэтому оно <(по своему значению для познания)> стоит ниже прямого доказательства, и наука должна стремиться к тому, чтобы, где это можно, заменить косвенное доказательство прямым, или, как это бывает при совещаниях и в работе законодательства, одно соображение восполнить другим. Если Аристотель доказательство того положения, что диагонали квадрата несоизмеримы с его стороной, приводит в качестве примера косвенного умозаключения, поскольку допущение противоположного сводилось бы к тому, что одно и то же число оказалось бы сразу и четным, и нечетным (см. Euklid. Element. X. 117), то то же самое положение позднее доказывается прямым способом, так как корень из 2 является иррациональным.

§ 45–48

Так как умозаключения находят свое завершение в доказательствах, то нижеследующие параграфы излагают оставшееся до сих пор не рассмотренным их предположение, а именно – *принципы*, примыкая непосредственно к § 15–20, где ставился вопрос, откуда мы приобретаем наши познания. Нить приведенного там исследования теперь снова берется в руки и прослеживается далее, до ее отправных пунктов.

<§ 45> Τὸ δ' ἐπιστητὸν καὶ ἐπιστήμη διαφέρει τοῦ δοξαστοῦ καὶ δόξης, ὅτι ἡ μὲν ἐπιστήμη καθόλου καὶ δι' ἀναγκαίων, τὸ δ' ἀναγκαῖον οὐκ ἐνδέχεται ἄλλως ἔχειν. -- ἡ δὲ δόξα ἀβέβαιον.

«Предмет познания и <(само)> познание отличны от предмета мнения и <(самого)> мнения, поскольку знание всеобще и осуществляется посредством необходимого, необходимое же не может быть иначе <(чем оно есть)>, ... тогда как мнение, напротив, есть нечто ненадежное» (Analyt. Post. I. 33. 88b30).

<§ 46> Ἐπαχθῆναι μὴ ἔχοντας αἴσθησιν ἀδύνατον· τῶν γὰρ καθ' ἕκαστον ἡ αἴσθησις.

«Осуществить индукцию без чувственного восприятия невозможно, ибо чувственное восприятие имеет дело с единичным» (Analyt. Post. I. 18. 81b5).

Οὐδὲ δι' αἰσθήσεως ἔστιν ἐπίστασθαι. εἰ γὰρ καὶ ἔστιν ἡ αἴσθησις τοῦ τοιοῦδε καὶ μὴ τοῦδε

τινος, ἀλλ' αἰσθάνεσθαι γε ἀναγκαῖον τόδε τι καὶ ποῦ καὶ νῦν. τὸ δὲ καθόλου καὶ ἐπὶ πᾶσιν ἀδύνατον αἰσθάνεσθαι· οὐ γὰρ τόδε οὐδὲ νῦν· οὐ γὰρ ἂν ἦν καθόλου· τὸ γὰρ αἰεὶ καὶ πανταχοῦ καθόλου φαμέν εἶναι. – – διὸ καὶ εἰ ἐπὶ τῆς σελήνης ὄντες ἐρωῶμεν ἀντιφράττουσαν τὴν γῆν, οὐκ ἂν ἤδειμεν τὴν αἰτίαν τῆς ἐκλείψεως. ἤσθανόμεθα γὰρ ἂν ὅτι νῦν ἐκλείπει, καὶ οὐ διότι ὅλως· οὐ γὰρ ἦν τοῦ καθόλου αἴσθησις.

«Но и через <(одно)> чувственное восприятие нельзя приобрести знания <([и] обладать знаниями)> (ἐπίστασθαι), ибо хотя чувственное восприятие и относится <(всегда)> к определенному качеству, а не к определенной единичной вещи, однако с необходимостью можно воспринимать всегда только вот это единичное, существующее здесь <([точнее,] где-либо)> и теперь, то же, что всеобщее и встречается во всем, (как таковое) не может быть воспринято, ибо оно <(т. е. всеобщее)> не есть ни вот это единичное <(в пространстве)>, ни что-либо существующее теперь <(т. е. в данный момент времени)>, так как в этом случае оно не было бы всеобщим. Ведь всеобщим мы называем то, что существует всегда и везде. ...Поэтому если бы мы даже (во время солнечного затмения) находились на Луне и видели бы, что Земля стала между нами и Солнцем, мы все равно не знали бы причины затмения, ибо мы воспринимали бы только то, что в данный момент происходит затмение <(Луны)>, а не то, почему оно вообще происходит, ибо восприятия всеобщего у нас ведь не было» (Analyt. Post. I. 31. 87b28).

<§ 47> Καθόλου δὲ λέγω ὁ ἂν κατὰ παντός τε ὑπάρχη καὶ καθ' αὐτὸ καὶ ἡ αὐτό. φανερόν ἄρα ὅτι ὅσα καθόλου, ἐξ ἀνάγκης ὑπάρχει τοῖς πράγμασιν. τὸ καθ' αὐτὸ δὲ καὶ ἡ αὐτὸ ταυτόν, οἷον καθ' αὐτὴν τῇ γραμμῇ ὑπάρχει στιγμή· – – καὶ γὰρ ἡ γραμμὴ· καὶ τῷ τριγώνῳ ἡ τρίγωνον δύο ὀρθαί· καὶ γὰρ καθ' αὐτὸ τὸ τρίγωνον δύο ὀρθαῖς ἴσον. τὸ καθόλου δὲ ὑπάρχει τότε, ὅταν ἐπὶ τοῦ τυχόντος καὶ πρώτου δεικνύηται.

«Всеобщим я называю то, что присуще всякой вещи (данного рода), притом как она есть в себе (и для себя) и поскольку она есть именно то, что она есть. Очевидно, поэтому, всё, что всеобщее присуще вещам с необходимостью. Выражения “в себе <и для себя>” и “поскольку она есть то, что именно она есть” тождественны по своему смыслу. Так, например, точки сами по себе присущи линии, ...и поскольку она есть линия; треугольнику же, поскольку именно он есть треугольник, <(присуща)> сумма углов, равная двум прямым углам; ибо и сам по себе треугольник (в отношении своих углов) равен двум прямым <(углам)>. С всеобщим мы имеем, поэтому, дело тогда, когда оно <(т. е. это всеобщее)> может быть показано относительно любой единичной вещи данного рода и притом так, что оно <(т. е. всеобщее)> присуще ей <(т. е. каждой отдельной вещи данного рода)> первоначально» (Analyt. Post. I. 4. 73b26).

<§ 48> Ὅτι καθ' αὐτὸ ὑπάρχει τι, τοῦτο αὐτὸ αὐτῷ αἴτιον· τὸ δὲ καθόλου πρῶτον· αἴτιον ἄρα τὸ καθόλου.

«<То,> чему что-либо присуще само по себе, тем самым само для себя является основанием <(т. е. причиной для самого себя)>, а так как всеобщее есть то, что присуще <(чему-либо)> первоначально, то оно тем самым есть основание <(т. е. причина)>» (Analyt. Post. I. 24. 85b24).

Всеобщность и необходимость по сравнению с колеблющимся мнением дает познающей науке твердую почву. Все то, что подобно чувственно воспринимаемому всегда становится иным, исключая тем самым характер постоянного, не могущего быть иным, вообще всё случайное остается, по убеждению Аристотеля, за пределами науки и разделяет судьбу мнения. Если при этом необходимое сначала понимается как то, что не может быть иным, – как это находит свое выражение в косвенном доказательстве, исследующем возможность, не может ли нечто обстоять иначе, чем оно есть, то несколько далее (§ 47) всеобщее и необходимое характеризуется уже как то, что присуще понятию само по себе и для себя. Это положительное определение восполняет предшествующее отрицательное.

Указанное здесь двойное <(отрицательное и положительное)> определение можно пояснить прежде всего на примерах, приведенных в § 47. Линия заключает в себе точки, ибо (в положительном смысле см. § 47, Top. VI. 4) она возникла из движения точки, или (прибегая к косвенному объяснению, см. § 45) если бы в ней не содержалось никакой точки, то она не была бы и ничем пространственным, ибо точка лежит в основе всякого пространственного определения. Доказательство положения, что в каждом треугольнике сумма трех углов равна двум прямым, сводится у Евклида, если проследить его до оснований, к косвенному обоснованию. Положение 32-е в I книге опирается на

положение 29-е, а это последнее доказывается косвенно, а именно через указание на то, что известное 11-е основоположение исключает возможность того, чтобы дело обсто-яло иначе. Аристотель, однако, требует большего, ибо упо-мянутое положение он рассматривает как тождественное с природой треугольника и как уже содержащее в себе са-мое существо треугольника, его $\tau\acute{\iota} \epsilon\sigma\tau\iota$ (Analyt. Post. I. 4). И действительно, это положение высказывает то, все другое исключающее, своеобразное, что среди всех плоских пря-молинейных фигур присуще одному только треугольнику. Евклидовская система представляется здесь как бы отстав-шей от своего предмета. По меньшей мере, она должна бы-ла бы соответственно своей же собственной аналогии по-пытаться обратить это положение <(а именно: то, углы чего равны двум прямым, не может не быть треугольником, или: всё, что имеет углы, равные двум прямым, есть треуголь-ник)>. Легко привести примеры и из других областей: если, положим, нужно сделать несомненной необходимость по-виновения вождям в предпринимаемом сообща военном деле, то косвенно она <(т. е. эта необходимость повинове-ния)> следует из того (§ 45), что иначе распалось бы целое и не была бы достигнута цель; положительно же она обос-новывается (§ 47) как то, что само по себе способствует де-лу, и поскольку она есть именно то, что она есть, ибо един-ство общей цели с необходимостью обуславливает так же подчинение и всех осуществляющих эту цель сил.

Но если должны быть найдены первоисточники позна-ния (§ 45 и сл.), то таковые не могут быть (по Аристотелю) найдены в чувственном восприятии.

Мы познаем только посредством общего (Allgemeine). Со стороны явления это общее обнаруживается как то, что в каком-либо роде вещей или существ встречается везде

и всегда (§ 45), со стороны же понятия – как то, что какой-либо вещи принадлежит самой по себе и для себя и поскольку она есть она сама (§ 47). Оба эти определения, легко поясняемые на только что приведенных примерах необходимости, выходят за пределы чувственного восприятия. Ибо это последнее, во-первых, всегда привязано к *здесь* и *теперь* и всегда является единичным, как тот орган чувств, посредством которого оно осуществляется, хотя каждое чувство в том качестве, которое оно раскрывает (цвет, звук), имеет общее определение; во-вторых, чувственное восприятие всегда улавливает только факт, а не основание как таковое, образующее существо вещи (Analyt. Post. I. 31).

Поскольку индукция стремится, исходя из единичного, овладеть общим, она обусловлена чувственным восприятием. Но это последнее дает ей только мотив для отыскания общего, а также тот материал, в котором это общее представляется как наглядно созерцаемое. Само же общее как необходимое лежит за его пределами. Пояснить это легко при помощи приведенных выше примеров необходимого.

Всеобщее и необходимое возникают только там, где познается то, что присуще вещи по ее существу, в ней самой, для нее и поскольку она есть именно то, что она есть. Раскрытие природы этого «в себе и для себя» (καθ' αὐτό и ἡ αὐτό) Аристотель сводит к определению (definition), которое вместе с основанием постигает и само существо вещи (ее τί ἐστίν, см. ниже § 60), и его <(более подробное)> объяснение <(т. е. объяснение этого «в себе и для себя») и которое должно было бы, подобно кантовскому аналитическому суждению, показать, что необходимым является то, что содержится в самом понятии субъекта <(суждения)> и что можно найти в нем путем разложения <(т. е. анализа)> его содержания. Но так как существо вещи, которое

должно выражаться в понятии, может быть понято только из производящего основания, то такое разложение <(т. е. анализ)> было бы лишь чем-то дальнейшим. Можно было бы усмотреть известный недостаток аристотелевского определения (§ 47) в том, что необходимое и всеобщее характеризуется им как имеющее место лишь в том случае, когда понятие относится к самому себе и ограничивается самим собой (καθ' αὐτὸ καὶ ἤ αὐτό), а не тогда, когда оно в согласованном соединении с другими стоит в самом центре порождающего движения <(мысли)>; и тем не менее эта замкнутость в себе понятия есть подлинный источник явлений, которые должны быть поняты как необходимые. Следующий пример пояснит это возражение. Круг принято определять как фигуру, образующуюся при том условии, что некоторая прямая линия на плоскости до тех пор вращается вокруг одного из своих конечных пунктов, пока она снова не придет в свое первоначальное положение. Порождающее основание создает в этом движении существо круга как своей результат, а именно всегда одинаковое отстояние периферии от центра. Это «в себе и для себя» есть необходимое и всеобщее круга, но оно ограничивает круг всецело им самим, между тем как он только тогда раскрывает все свои свойства, когда вступает во взаимодействие с прямой линией или с другими кривыми. Ибо только тогда получают положения об отношениях взаимно пересекающихся хорд, о касательных, периферии, центральных углах и т. п. Такие положения (см.: Euklid. Element. Кн. 3 и кн. 4) было бы неправильно рассматривать как простое развитие того, что содержится в понятии круга. Ибо понятие прямой линии играет здесь столь же существенную роль. Эти всеобщие и необходимые положения на первый взгляд оказываются стоящими вне объяснения их существа, данного Ари-

стотелем. Но в действительности это не так, ибо в таких случаях и *субъект* <(суждения)> получает более подробное определение, к каковому относятся тогда слова «в себе» (καθ' αὐτό) и «для себя» (ἡ αὐτό). В данном примере это <(т. е. этот субъект)> будет уже не только круг, но круг и прямая линия в определенном отношении их между собой. И требуется творческий акт нашего духа для того, чтобы проследить это производящее основание и, опираясь на него, установить существо вещи.

Аристотель свое доказательство того, что той или иной вещи присуще само по себе и для себя, поясняет при помощи способов определения и доказательства, применяемых в геометрии. Свойство треугольника, по которому его углы равны двум прямым, присуще треугольнику – и может быть доказано для любого треугольника (ἐπὶ τοῦ τυχόντος καὶ πρώτου), – но оно не присуще, например, более общему понятию прямолинейной плоской фигуры вообще, которое предшествует треугольнику. Это становится ясным, когда геометр для доказательства в качестве примера общего чертит на доске первый попавшийся треугольник. Если при этом окажется, что данное понятие не присуще ни тому вообще, что имеет более широкий объем, ни тому только, что имеет более узкий объем, то это и будет значить, что оно не понимается ни чрезмерно узко, ни чрезмерно широко. Но если в геометрии показать это легко, то в других областях знания это будет уже труднее. Дедуктивный ход доказательства, исходящий от «первого по природе» (πρότερον τῆ φύσει), может быть пояснен посредством конститутивных элементов государства как такового, затем монархического государства как такового и, наконец, монархического государства с определенной конституцией, например, кон-

ституцией Феопомпа¹¹³ (Polit. V. 11). Некоторые свойства в их своеобразии вытекают уже из первого рода элементов, другие – из второго рода, и третьи, наконец, из последнего рода элементов.

Из математических дисциплин всего естественнее и легче заимствовать примеры для доказательства, что всеобщее и необходимое есть то, что образует природу и существо вещи (καθ' αὐτὸ καὶ ἡ αὐτό). В физике это обнаруживается во всех тех случаях, где существо явления стало совершенно понятным. Напомним для примера о так называемом гидростатическом парадоксе Архимеда, из которого важные явления вытекают в качестве необходимых следствий, о генетической концепции свободного падения тел у Галиллея, о понятии волнообразного движения в звуке, вытекающем из существа колеблющегося тела и эластической среды и т. д. Необходимое во всех этих случаях заключается в точном понимании «того, что есть» (τί ἐστὶ). В области грамматики примером могло бы служить рассмотрение отношений между предложениями, поскольку они берут свое начало из существа выражающей себя мысли. Там, где в области этического управляет мысль о божественной цели, из нее вытекает необходимое и всеобщее. Аристотелевский пример имеем мы в понятии добродетелей. Чтобы показать, как это единое основание господствует над всем необходимым, можно было бы найти примеры даже у диалектического апостола Павла, например, в том, что он доказывает в послании к римлянам или галатам, отправляясь от существа закона, веры. Тогда, естественно, возникла бы задача

¹¹³ Феопомп – царь Спарты из династии Еврипонтидов, правил во второй половине VIII в. до н.э. Аристотель считал реформу Феопомпа важным этапом в развитии спартанского полиса (Polit. V. 11. 1313a26-33).

установить эти понятия в духе Павла и показать в ходе его мыслей необходимые следствия.

<Общий смысл сказанного Аристотелем в этом параграфе сводится к следующему:> Так как то, что присуще вещи самой по себе и для себя, есть ее сущность, то в этом <(т. е. в этой своей сущности)> она является основанием для самой себя. Это важная мысль, которая, будучи прослежена дальше, чем это допускает данная цель и контекст (Zusammenhang) у Аристотеля, могла бы послужить основанием для более глубокого рассмотрения единства необходимости и свободы.

§ 49–53

<В этих параграфах Аристотель стремится показать, что> будучи прослежено до своих оснований, доказательство требует последнего и *в себе самом достоверного первоисточника*.

<§ 49> Ὅλως μὲν ἀπάντων ἀδύνατον ἀπόδειξιν εἶναι· εἰς ἄπειρον γὰρ ἂν βαδίζοι, ὥστε μῆδ' οὕτως εἶναι ἀπόδειξιν.

«Вообще невозможно, чтобы для всего существовало доказательство, ибо тогда оно уходило бы в бесконечность, и мы <таким образом> все равно не имели бы доказательства» (Metaph. IV (Г) 4. 1006a8).

Τὰ δ' ἄπειρα οὐκ ἔστι διεξελεθῆναι νοοῦντα.

«Ибо бесконечное нельзя в мышлении пройти до конца» (Analyt. Post. I. 22. 83b6).

<§ 50> Ἔστι δὲ ἀληθῆ μὲν καὶ πρῶτα τὰ μὴ δι' ἑτέρων ἀλλὰ δι' αὐτῶν ἔχοντα τὴν πίστιν· οὐ δεῖ

γὰρ ἐν ταῖς ἐπιστημονικαῖς ἀρχαῖς ἐπιζητεῖσθαι τὸ διὰ τί, ἀλλ' ἐκάστην τῶν ἀρχῶν αὐτὴν καθ' ἑαυτὴν εἶναι πιστήν.

«Истинно и первоначально то, что имеет достоверность не через другое, а через самого себя; ибо в отношении основоположений наук нельзя спрашивать о «почему и откуда» <(они)>, но каждое из основоположений должно быть достоверно само по себе и через себя» (Тор. I. 1. 100a30).

Διχῶς δ' ἀναγκαῖον προγινώσκειν· τὰ μὲν γάρ, ὅτι ἔστι, προὑπολαμβάνειν ἀναγκαῖον, τὰ δέ, τί τὸ λεγόμενόν ἐστι, ξυνιέναι δεῖ, τὰ δ' ἄμφω, οἷον ὅτι μὲν ἅπαν ἢ φῆσαι ἢ ἀποφῆσαι ἀληθές, ὅτι ἔστι, τὸ δὲ τρίγωνον, ὅτι τοδὶ σημαίνει, τὴν δὲ μονάδα ἄμφω, καὶ τί σημαίνει καὶ ὅτι ἔστιν.

«При этом <(упомянутое выше в § 18)> предшествующее знание должно быть приобретаемо двояким способом: ибо в одних случаях <(т. е. в отношении некоторых понятий)> необходимо заранее принять, что нечто соответствующее существует, в других же случаях <(т. е. в отношении других понятий)> – заранее дать себе отчет о том <(т. е. понять)>, что означает соответствующее слово, наконец, еще в некоторых <(третьих)> случаях необходимо и то, и другое <(т. е. и предположение о существовании, и предварительный отчет о смысле того, о чем идет речь)>. Например: относительно положения, что обо всем¹¹⁴ будет истинным или что-либо утверждать, или что-либо от-

¹¹⁴ То есть относительно всего, что может быть предметом мышления и познания. – Б. Ф.

рицать, нужно <(заранее)> знать, что так именно обстоит дело; о треугольнике же надо знать <(заранее)>, что он означает то-то и то-то; наконец, о <(едином или)> единстве надо знать <(заранее)> и то, и другое: как то, что оно означает, так и то, что оно есть <(т. е. существует)>» (Analyt. Post. I. 1. 71a11).

<§ 51> Ἡμεῖς δὲ φάμεν οὔτε πᾶσαν ἐπιστήμην ἀποδεικτικὴν εἶναι, ἀλλὰ τὴν τῶν ἀμέσων ἀναπόδεικτον. καὶ τοῦθ' ὅτι ἀναγκαῖον, φανερόν· εἰ γὰρ ἀνάγκη μὲν ἐπίστασθαι τὰ πρότερα καὶ ἐξ ὧν ἡ ἀπόδειξις, ἴσταται δὲ ποτε τὰ ἄμεσα, ταῦτ' ἀναπόδεικτα ἀνάγκη εἶναι. ταῦτά τ' οὖν οὕτω λέγομεν, καὶ οὐ μόνον ἐπιστήμην ἀλλὰ καὶ ἀρχὴν ἐπιστήμης εἶναί τινά φάμεν, ἧ τοὺς ὅρους γνωρίζομεν.

«Мы <(со своей стороны)> утверждаем (таким образом), что не всякое познание может быть доказано, но что познание непосредственно данных принципов (τῶν ἀμέσων) недоказуемо. И очевидно, что это необходимо. Ибо если необходимо познать то, что для всякого познания является первым и из чего возникает <(всякое)> доказательство – а когда-либо приходится ведь остановиться на непосредственно данных началах, – то необходимо, чтобы эти последние <(т. е. непосредственно данные начала)> были недоказуемы. Это мы утверждаем, следовательно, в том смысле, что не только существует познание, но и <(такой)> принцип познания, посредством которого мы познаем определения вещей» (Analyt. Post. I. 3. 72a18).

<Так как далее всякую вещь, по Аристотелю, можно знать только при помощи умозаключения о ней, называемо-

го доказательством, а умозаключение всегда основывается на признании существования чего-то, из чего умозаключение исходит, то →

Ἀνάγκη μὴ μόνον προγινώσκειν τὰ πρῶτα ἢ πάντα ἢ ἔνια, ἀλλὰ καὶ μᾶλλον· αἰεὶ γὰρ δι' ὃ ὑπάρχει ἕκαστον, ἐκεῖνο μᾶλλον ὑπάρχει, οἷον δι' ὃ φιλοῦμεν, ἐκεῖνο φίλον μᾶλλον. ὥστ' εἴπερ ἴσμεν διὰ τὰ πρῶτα καὶ πιστεύομεν, κἀκεῖνα ἴσμεν τε καὶ πιστεύομεν μᾶλλον, ὅτι δι' ἐκεῖνα καὶ τὰ ὕστερον.

«Его <(т. е. исследования)> принципы – все или некоторые – необходимо не только знать заранее, но и знать их <(в большей мере)> более совершенно <(чем те, что приобретаются умозаключением)>, ибо всегда то, благодаря чему существует какая-нибудь отдельная вещь, обладает в большей мере бытием <(чем эта отдельная вещь)>; так, например, то, ради чего мы <(что-нибудь)> любим, дороже нам того, что мы любим; так что если мы что-нибудь знаем и в чем-либо уверены <(выводя это)> из первых принципов, то мы тем более знаем сами эти принципы и уверены в них, ибо посредством них мы познаем и <(все)> дальнейшее» (Analyt. Post. I. 2. 72a27).

<§ 52> Ἀρχὴ δ' ἐστὶν ἀποδείξεως πρότασις ἄμεσος, ἄμεσος δὲ ἧς μὴ ἔστιν ἄλλη προτέρα.

«Принцип доказательства есть непосредственное положение <(т. е. предпосылка)>; непосредственным же является то положение, которому не предшествует никакое другое» (Analyt. Post. I. 2. 72a7).

<§ 53> Αμέσου δ' ἀρχῆς συλλογιστικῆς θέσιν μὲν λέγω ἦν μὴ ἔστι δεῖξαι, μηδ' ἀνάγκη ἔχειν τὸν μαθησόμενόν τι· ἦν δ' ἀνάγκη ἔχειν τὸν ὀτιοῦν μαθησόμενον, ἀξίωμα.

«Непосредственным положением <(т. е. предпосылкой)> умозаключения я называю такое положение, которое нельзя доказать и которое нет необходимости уже заранее иметь тому, кто хочет чему-либо научиться; напротив, то <(положение)>, которым должен обладать всякий, кто хочет чему-либо научиться, я называю аксиомой» (Analyt. Post. I. 2. 72a14).

Положение, что основания не должны простирается в бесконечность, можно рассматривать как постулат мышления. Существо познания есть определенность. Если оно <(т. е. познание)> должно иметь доказательство, то это последнее не может отодвигаться в бесконечность. Ибо тогда никакое доказательство не было бы законченным. Мышление предполагает некоторое целое и ищет тех плодотворных <(отправных)> точек, из которых это целое возникает.

В метафизическом смысле этот постулат применяется в так называемых доказательствах бытия Божия, когда заключают к последней и безусловной причине.

Примеры недоказуемых начал можно встретить в любой науке. Геометрия укрепляет свое начало в аксиомах и постулатах; в грамматике учение о звуках <(фонетика)> опирается на органическое образование букв, заимствуемое из физиологии, и в их возникновении она находит основания для этимологического превращения; физика в каждой из своих частей исходит из некоторых фактов как своих предпосылок и ищет для них в гипотезе последнее основание. Всякое исследование имеет такое относительное начало,

которое предполагается как достоверное само по себе (θείσις, § 52).

Так как далее процесс познания обнаруживает двоякое движение от общего к единичному и от единичного к общему, то будут существовать также и два рода самих по себе достоверных начал. Оба эти рода начал Аристотель характеризует как ἄμεσων, т. е. как ничем не опосредствованные, ибо и те, и другие <(начала)> достоверны сами по себе, между тем как значение непосредственного в чувственно воспринимаемом единичном устанавливалось <(по его учению)> позднее (см. об этом подробнее: LU II. 110 [ЛИ II. 184]).

Аристотель в своем примере <(недоказуемых начал)> имел в виду математическую систему <(знания)> (Analyt. Post. I. 1), ставшую в методическом отношении всего раньше образцом <(всякого истинного)> метода. Евклид проводит как раз те же различия, что и Аристотель. Для сравнения можно взять первую книгу его «Элементов». Ὁροι (определения) должны быть прежде всего рассматриваемы как номинальные определения (τί τὸ λεγόμενον ἔστι), пока их реальная возможность не будет доказана в теоремах. Так, равнобедренный треугольник (Euklid. Element. Def. 24) объясняется сообразно его названию и конструируется в первой теореме. Точно так же и прямой угол (см.: Euklid. Element. Def. 10 и положен. 11), параллели (см.: Euklid. Elemente. Def. 35 и положен. 27 и сл.), квадрат (см.: Euklid. Elemente. Def. 30 и положен. 46) и т. д. Другие понятия объясняются в определениях и постулируются в реальном смысле (τί τὸ λεγόμενον и ὅτι ἔστι), например, точка и прямая линия (Euklid. Element. Def. 1, Def. 4 и постулат 1), удлинение прямой линии (Euklid. Element. Def. 35 и постулат 2), круг (Euklid. Element. Def. 15, постулат 3).

То же самое справедливо и для аксиом, коих понимание и действительность при этом уже предполагаются. Сюда же относится, строго говоря, и формальное основоположение: обо всем будет истинным или что-либо утверждать, или что-либо отрицать, хотя Аристотель и приводит его в качестве примера таких положений, относительно которых следует требовать только предположения их действительности. Важно со всей строгостью проследить методическую последовательность геометрических дисциплин, чтобы научиться избегать *petitio principii* (§ 42) и усматривать очевидность того, что достоверно само по себе (см.: LU II. 110 [ЛИ II. 184]).

В области отдельных дисциплин так же из первоначально достоверного выводится всякого рода другая достоверность. Поэтому это первоначально достоверное, хотя оно и не подлежит доказательству, должно быть познаваемо не в меньшей, но еще в большей мере и в более высоком смысле < чем то, что может быть доказано >. Эта бóльшая достоверность состоит по отношению к наукам частью в самой по себе ясной простоте принципа, частью в особого рода деятельности, посредством которой мы реализуем (*nachbilden*) этот принцип. То, что Аристотель выражает в общей форме, говоря, что то, ради чего мы во что-нибудь верим и что-нибудь любим, мы должны в большей мере любить и в него верить, особенно справедливо и относительно [нашего] личного свидетельства. Мы прежде всего верим свидетелю и лишь косвенно, через него, верим вещи.

Представляется целесообразным, пользуясь аристотелевским изложением самой логики, попытаться отыскать достоверные сами по себе начала всякого знания. При этом легко заметить ее аналогию с системой геометрии. Как Евклид требует провести прямую линию, так и начало логики

у Аристотеля (см. § 1) требует, чтобы было высказано суждение. Оба эти постулата основываются на предположениях, которые первоначально не разъясняются; первый – на движении в пространстве, второй – на возможности мыслить реальное. Далее отрицание, а также всеобщее и необходимое суть такие понятия, которые должны быть не только поняты, но и утверждены в их реальном значении (τί τὸ λεγόμενον и ὅτι ἐστί). Напротив, силлогизм Аристотель определяет с самого начала так же, как Евклид определяет треугольник (§ 19), и уже затем показывает его реальную возможность (§ 23).

Но если каждая наука основывается на всеобщих и необходимых предположениях, то здесь сам собой открывается взгляд на ту задачу философии, в которой ищут исполнения этих принципов.

§ 54–57

Предпосылкой всякого доказательства прежде всего является закон <(образования)> понятия, выражаемый в объяснении. Отсюда и берет свое начало определение понятия. *Определение* (Definition) и *деление* (Division) в изложении Аристотеля переплетаются, поскольку деление входит в объяснение понятия (см. § 58). По существу дела, оба эти момента <(т. е. определение и деление)> тесно связаны друг с другом, и Аристотель, собственно, и не рассматривал деление отдельно от определения. В процессе определения всегда образуется вид по отношению к выше его стоящему роду, следовательно, имеет место элемент деления, и <(наоборот,)> поскольку происходит процесс деления, оно всегда исходит из чего-то общего, из элемента определения. Важное правило, по которому определение осу-

ществляется через ближайшее общее <(т. е. род)> и видовое различие, предполагает уже систему деления.

<§ 54> Τὰ πρῶτα ὀρίσμοι ἔσονται ἀναπόδεικτοι.

«Первые начала будут определениями, не подлежащими доказательству».

Ὅρισμός μὲν γὰρ τοῦ τί ἐστὶ καὶ οὐσίας· αἱ δ' ἀποδείξεις φαίνονται πᾶσαι ὑποτιθέμεναι καὶ λαμβάνουσαι τὸ τί ἐστίν, οἷον αἱ μαθηματικαὶ τί μονὰς καὶ τί τὸ περιττόν, καὶ αἱ ἄλλαι ὁμοίως.

«Всякое определение направлено на “то, что есть”, и его “существо”, все же доказательства <(напротив)> предполагают уже это “то, что есть”, и принимают его <(за исходное)>; так, например, математические доказательства <(делают это)> в отношении того, что есть единое или что есть нечетное, и то же имеет место и в других доказательствах».

Ὁ ὀρισμός οὐσίας τις γνωρισμός.

«Определение раскрывает сущность того, что есть» (Analyl. Post. II. 3. 90b 27; 30; 16).

<§ 55> Ὁ ὀριζόμενος δείκνυσιν ἢ τί ἐστίν ἢ τί σημαίνει τοῦνομα.

«Определяющий показывает или то, что вещь есть, или то, что означает <(ее)> имя» (Analyl. Post. II. 7. 92b26).

Ὅσοι δ' ὀπωσοῦν ὀνόματι τὴν ἀπόδοσιν ποιοῦνται, δῆλον ὡς οὐκ ἀποδιδόασιν οὗτοι τὸν

τοῦ πράγματος ὀρισμόν, ἐπειδὴ πᾶς ὀρισμὸς λόγος τίς ἐστιν.

«Все те, кто так или иначе объясняют что-либо посредством имени, очевидно, еще не дают этим никакого определения <(самой)> вещи, ибо всякое определение есть некоторое предложение, определяющее понятие¹¹⁵» (Top. I. 5. 102a2).

Τί μὲν σημαίνει τὸ τρίγωνον, ἔλαβεν ὁ γεωμέτρης, ὅτι δ' ἔστι, δείκνυσιν.

«Что треугольник означает, – это геометр предполагает, а что <(т. е. тот факт, что)> он есть, – это он показывает» (Analyt. Post. II. 7. 92b15).

<§ 56> Ζητεῖν δὲ δεῖ ἐπιβλέποντα ἐπὶ τὰ ὅμοια καὶ ἀδιάφορα, πρῶτον τί ἅπαντα ταῦτὸν ἔχουσιν, εἶτα πάλιν ἐφ' ἑτέροις, ἃ ἐν ταυτῷ μὲν γένει ἐκείνοις, εἰσὶ δὲ αὐτοῖς μὲν ταῦτὰ τῷ εἶδει, ἐκείνων δ' ἕτερα. ὅταν δ' ἐπὶ τούτων ληφθῆ τί πάντα ταῦτόν, καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων ὁμοίως, ἐπὶ τῶν εἰλημμένων πάλιν σκοπεῖν εἰ ταῦτόν, ἕως ἂν εἰς ἓνα ἔλθῃ λόγον· οὗτος γὰρ ἔσται τοῦ πράγματος ὀρισμός. ἐὰν δὲ μὴ βαδίζῃ εἰς ἓνα ἀλλ' εἰς δύο ἢ πλείους, δῆλον ὅτι οὐκ ἂν εἴη ἓν τι εἶναι τὸ ζητούμενον, ἀλλὰ πλείω. οἷον λέγω, εἰ τί ἐστι μεγαλοψυχία ζητοῖμεν, σκεπτέον ἐπὶ τινων μεγαλοψύχων, οὓς ἴσμεν, τί ἔχουσιν ἐν πάντες ἢ

¹¹⁵ То есть предложение, раскрывающее смысл, а не только имя. – Б.Ф.

τοιούτοι. οἷον εἰ Ἄλκιβιάδης μεγαλόψυχος ἢ ὁ Ἀχιλλεὺς καὶ ὁ Αἴας, τί ἐν ἅπαντες; τὸ μὴ ἀνέχεσθαι ὑβριζόμενοι· ὁ μὲν γὰρ ἐπολέμησεν, ὁ δ' ἐμήνισεν, ὁ δ' ἀπέκτεινεν ἑαυτόν. πάλιν ἐφ' ἑτέρων, οἷον Λυσάνδρου ἢ Σωκράτους. εἰ δὴ τὸ ἀδιάφοροι εἶναι εὐτυχοῦντες καὶ ἀτυχοῦντες, ταῦτα δύο λαβὼν σκοπῶ τί τὸ αὐτὸ ἔχουσιν ἢ τε ἀπάθεια ἢ περὶ τὰς τύχας καὶ ἢ μὴ ὑπομονὴ ἀτιμαζομένων. εἰ δὲ μηδέν, δύο εἶδη ἂν εἴη τῆς μεγαλοψυχίας.

<При отыскании *определений* вещей> «надлежит поступать следующим образом: прежде всего следует, обращая внимание на сходные и неразличимые <(единичные)> вещи, исследовать, что <(же собственно)> все они имеют общего между собой, а затем подвергнуть рассмотрению так же и другие вещи, которые, правда, <(вместе с первыми)> принадлежат к одному и тому же роду (γένει), но, будучи тождественными между собой по своему виду (εἶδει), отличаются этим, однако, от тех <(т. е. от первых)>. Если же относительно этих вещей найдено, что все они имеют между собой общего, и точно так же относительно других вещей, то затем следует, в свою очередь, (πάλιν) выяснить, имеют ли эти исследованные области также что-либо общее, и так <(двигаться)> до тех пор, пока не придешь к какому-либо <(определенному)> понятию, ибо это последнее и будет определением вещи. Если бы не удалось, однако, прийти к одному понятию, а <(только)> к двум или большему числу их, то ясно, что искомое не есть нечто одно <(единое)>, но должно быть многим. Так, например,

если бы мы захотели исследовать, что такое благородство, то, я полагаю, нам следовало бы рассмотреть некоторых <(людей)>, которых мы знаем за благородных, и спросить себя, что все они как таковые между собой имеют общего¹¹⁶. Так, например, если Алкивиад благороден или Ахилл, или Аякс, то что есть то общее <(т. е. единое)>, чем все они обладают? Ответ: то, что ни один из них не был способен перенести оскорбление, ибо первый из них поднял за это войну, второй впал в бурный гнев, третий лишил себя жизни. Или посмотрим на других, каковы Лизандр или Сократ. Если они сходны в том, чтобы сохранять невозмутимость духа в счастье и в несчастье, то мы возьмем оба эти понятия <(благородства)> и посмотрим, что общего имеют между собой <, с одной стороны,> невозмутимость духа (ἀπάθεια) в превратностях судьбы и <, с другой,> неспособность переносить оскорбления. Если они не имеют ничего общего, то это значило бы, что существуют два вида благородства» (Analyt. Post. II. 13. 97b7).

<§ 57> (Τῶν δὴ ὑπαρχόντων ἐν τῷ ὀρισμῷ) ἕκαστον μὲν ἐπὶ πλεον ὑπάρξει, ἅπαντα δὲ μὴ ἐπὶ πλεον· ταύτην γὰρ ἀνάγκη οὐσίαν εἶναι τοῦ πράγματος. οἷον τριάδι ὑπάρχει πάση ἀριθμός, τὸ περιττόν, τὸ πρῶτον ἀμφοτέρως, καὶ ὡς μὴ μετρεῖσθαι ἀριθμῷ καὶ ὡς μὴ συγκεῖσθαι ἐξ ἀριθμῶν. τοῦτο τοίνυν ἤδη ἐστὶν ἡ τριάς, ἀριθμὸς περιττὸς πρῶτος καὶ ὠδὶ πρῶτος. τούτων γὰρ

¹¹⁶ Вариант: что есть то *единое*, что всем им присуще как таковым. — Б.Ф.

ἕκαστον, τὰ μὲν καὶ τοῖς περιττοῖς πᾶσιν ὑπάρχει, τὸ δὲ τελευταῖον καὶ τῇ δυάδι, πάντα δὲ οὐδενί.

«Из числа признаков определения¹¹⁷ каждый отдельный признак будет может быть более общим, чем определяемое понятие, все же, вместе взятые, они не будут общее его, ибо все эти признаки, взятые вместе, по необходимости составляют <(самое)> существо вещи. Так, например, числу три присущи признаки: число, нечетное и первое в двойком смысле, а именно <в том>, что оно <(т. е. число три)> не может измеряться другим числом (как произведение), и в том, что оно не состоит из <(других)> чисел (как сумма). Вот почему три есть число, нечетное, первое – и притом в определенном отношении первое. Из этих признаков каждый, взятый в отдельности, шире <(определяемого понятия)>, некоторые из них присущи всем нечетным числам, последний же признак – также и “двум”, но все вместе они не присущи никакому числу» (Analut. Post. II. 13. 96a33).

Различие между номинальным и реальным определениями можно пояснить всего лучше соответственно указанию самого Аристотеля (§ 55) на основе геометрической системы. В Евклидовой геометрии одни понятия объясняются и постулируются (прямая линия, круг), а другие сперва объясняются, а затем конструируются и доказываются (треугольник, квадрат, параллели и т. д.). Вообще в геометрическом способе исследования царит величайшая осторожность в том направлении, чтобы исключить <(из области определения)> допущение простого мнения или участие

¹¹⁷ То есть признаков, входящих в определение данного понятия. – Б.Ф.

воображения. Скачок от субъективного объяснения имени <(предмета)> к объективному определению <(самого)> предмета осуществляется там <(т. е. в геометрии)> при помощи построения, элементы которого постулируются, подобно тому как в других науках таким средством служит опыт, истинность которого заранее предполагается.

Следует различать двоякий путь определения, соответствующий двоякому способу обоснования. Понятие определяется или на основании опыта о единичном <(т. е. об отдельных вещах)>, или на основании всеобщего.

Первый путь – сравнение данного в опыте – рассматривается в § 56. Начиная снизу, образуются некоторые сферы в той мере, в какой явления познаются как однородные, и такие замкнутые сферы однородного снова сводятся к чему-то, всем им общему; где это невозможно, там, тем самым, обнаруживаются понятия, не согласующиеся между собой <(т. е. не принадлежащие вместе к чему-то общему)>, обнаруживаются роды (Geschlechter), относительно различные друг от друга. При этом дело идет только о ближайшем общем, в котором эти роды должны были объединяться. Ибо нет, безусловно, никаких понятий, которые в конце концов не подчинялись бы некоторому, хотя бы и весьма далеко отстоящему, общему. Если Аристотель находит два рода великодушия, не допускающих непосредственного объединения, то они <(т. е. эти оба рода)> все же подчиняются понятию ἀρετῆ ἠθικῆ¹¹⁸. В тех случаях, где понятие определяется посредством опыта, там указанным путем сравнения образуются виды и роды, а также их понятия, подобно упорядочиванию естественных продуктов (Anordnung der Naturprodukte). В качестве примера может служить, далее, тот способ, каким исторически были установлены части речи – поначалу по внешним признакам.

¹¹⁸ «Нравственная добродетель» (греч.). – Б.Ф.

Противоположным путем, заставляющим понятия возникать вместе с объектами, идет конструирующая <(свои объекты)> математика, и этот путь вообще возможен только там, где вместе с первоначальным возникновением вещи открываются и элементы понятия. Для сравнения можно воспользоваться определениями Евклида (Euklid. Element. Кн. I и II), чтобы на них показать, что общие понятия <(входящие в них)> не извлечены из отдельных видов и конкретных явлений (Individuen). Подобным же образом общая грамматика старается вывести понятия о частях речи из их первоначального возникновения.

Если объяснение должно покрывать понятие, то оно не должно быть ни слишком узким, ни слишком широким. Каждое отдельное понятие (точнее, каждый отдельный признак искомого понятия), взятое само по себе, слишком широко, и, лишь взятые вместе, они так взаимно определяют друг друга, что путем более тесного ограничения исключают большую широту отдельных признаков. Если сам Аристотель приводит пример из учения о числах <(т. е. арифметики)>, то это с такой же ясностью обнаруживается и в определениях геометрии: «Среди равносторонних фигур та называется квадратом, которая одновременно и равносторонняя, и прямоугольная» (Euklid. Element. Def. 30). Каждое определение само по себе слишком широко: фигура, четырехугольное, равностороннее, прямоугольное. «Вспомогательные глаголы, – так учит грамматика, – суть такие глаголы, которые выражают не понятие деятельности, но лишь различные отношения связи (Beziehungsverhältnisse) предиката, например временные или модальные»¹¹⁹.

¹¹⁹ Цитируется один из современных Тренделенбургу учебников немецкого языка – скорее всего, учебник Карла Беккера. См., напр.: *Becker K.F. Ausführliche deutsche Grammatik: als Kommentar der Schulgrammatik. 2. Aufl. Frankfurt a. M., 1842.*

Каждый отдельный из этих признаков слишком широк для определения: глагол, служебное слово (Formwort)¹²⁰, выражение временных отношений, выражение отношений модальности. Только слитые воедино, удовлетворяют они требованию определения данного понятия и тогда уже только ему одному.

§ 58

Χρῆ δέ, ὅταν ὅλον τι πραγματεύηται τις, διελεῖν τὸ γένος εἰς τὰ ἄτομα τῷ εἶδει τὰ πρῶτα, οἷον ἀριθμὸν εἰς τριάδα καὶ δυάδα.

«Если приходится (в научном смысле) иметь дело с некоторым целым, то нужно разделить род до первых, дальше уже неделимых видов, например, число <(т. е. родовое понятие числа)> – до троицы и двойцы» (Analyt. Post. II. 13. 96b15).

Πᾶν γένος ταῖς ἀντιδιηρημέναις διαφοραῖς διαίρεται, καθάπερ τὸ ζῶον τῷ πεζῷ καὶ τῷ πτηνῷ καὶ τῷ ἐνύδρῳ.

«Каждый род подразделяется по соответствующим (ἀντιδιηρημέναις) одно другому различиям;

¹²⁰ Служебные слова – слова, которые не имеют самостоятельного значения, т. е. не называют предметов, свойств или отношений, а выражают только отношения между словами, предложениями и частями предложений. В немецком языке к служебным словам помимо предлогов, частиц и союзов относятся вспомогательные и модальные глаголы.

например, животное <(по различию способов передвижения)> – на сухопутное, пернатое и живущее в воде» (Тор. VI. 6. 143a36).

Τὸ δ' ἅπαν ἐμπίπτειν εἰς τὴν διαίρεσιν, ἂν ἦ ἀντικείμενα ὧν μὴ ἔστι μεταξύ, οὐκ αἴτημα· ἀνάγκη γὰρ ἅπαν ἐν θατέρῳ αὐτῶν εἶναι, εἶπερ ἐκείνου διαφορὰ ἔσται.

«Всё то, что подпадает под деление, если <(только)> противолежачие члены деления таковы, что между ними нет ничего среднего, – не есть простое предположение¹²¹, ибо необходимо, чтобы всё вообще подходило под тот или другой член деления, если только это противопоставление их <(т. е. членов деления)> составляет различие некоторого высшего <(т. е. более широкого по объему)> понятия» (Analyt. Post. II. 13. 97a19).

Ἔτι στερήσει μὲν ἀναγκαῖον διαίρειν, καὶ διαίρουσιν οἱ διχοτομοῦντες. Οὐκ ἔστι δὲ διαφορὰ στερήσεως ἢ στέρησις· ἀδύνατον γὰρ εἶδη εἶναι τοῦ μὴ ὄντος, οἷον τῆς ἀποδίας ἢ τοῦ ἀπτέρου ὥσπερ πτερώσεως καὶ ποδῶν.

«Далее необходимо (в данном случае) осуществлять деление посредством отрицания, и так действительно поступают те, кто делит на двое. При этом не существует, однако, различия отрицания как отрицания, ибо невозможно, чтобы существовали виды не-

¹²¹ То есть необоснованный постулат – *petitio principii*. – Б.Ф.

бытия; например, такие же виды безногого и неокрыленного, какие существуют по отношению к окрыленному и имеющему ноги» (De partib. animal I. 3. 642в21).

Следующие три основных момента выдвигаются при этом Аристотелем в кратко сформулированных указаниях и правилах, составляющих содержание § 58: 1) необходимость обозреть всю область исследуемого понятия посредством совершенного [т.е. полного] деления его объема, проведенного до различения последних видов; 2) установление основания деления, которым определяется возникновение новых видов, и, наконец, 3) преимущества и недостатки так называемого дихотомического деления по принципу А и не-А. Относительно этих трех пунктов заметим только следующее:

1. Если какое-либо понятие владеет какой-либо областью <(явлений)>, то оно только в том случае полностью раскрывается в своих явлениях, если прослеживается до последних порождаемых им различий. И самый последний вид все еще определен общим, однако таким, которое само подчинено вышестоящему. Только там, где общее распадается на бесконечные <(по своему числу)> конкретные явления (Individuen) и в них уже не развивается более с необходимостью до общих различий, – только там вместе с этим общим прекращается и научное рассмотрение. Отсюда становится ясным, что, согласно мысли Аристотеля, следует иметь в виду не произвольно образованные виды, поскольку такие виды по случайным признакам всегда могут быть созданы, исходя из конкретных явлений (Individuen), но такие виды, которые действительно *по самой природе* выражают нечто первое и первоначальное (§ 59). Спецификацию, продолженную до той стадии, где она уже теряет свое

значение, где занимаются больше случайным, чем необходимым, порицали уже древние. Так, у Сенеки читаем: «То, что приобретает слишком большие размеры, познается легче, если распадается на части, которым, однако, не надлежит быть бесчисленными и слишком малыми. *Ведь один и тот же недостаток имеет место как при чрезмерном делении, так и при отсутствии всякого деления.* Такая же неясность возникает и тогда, когда что-нибудь раздроблено до степени распыленности». Или у Квинтилиана: «Когда делят на тысячу частей, попадают в такую же тьму, против которой было изобретено деление».

2. Основанием деления является понятие, коего различие расчленяет виды, проистекающие из рода. На одном уровне подчинения стоят те виды, которые в таком различии понятия непосредственно находят свою общую меру. В конечных пунктах эти виды, подобно различиям понятия, из которого они происходят, выступают в качестве противоположностей. При этом всегда важно провести это, присущее всем видам, общее через все его различия и не переходить из одного основания деления в другое, как поступил бы тот, кто, согласно аристотелевскому примеру, подразделил бы всех животных на плавающих и имеющих окраску. Разработанные системы упорядочивания (*Systeme der Anordnung*), которые дают нам описательные естественные науки, а также евклидовские определения плоских фигур и тел (*Euklid. Element. I и XI*) могут служить выяснению существа всепроникающего основания деления в каждом отдельном примере. Так, среди других точек зрения по отношению к видам пяти правильных тел (*Euklid. Element. XI. Def. 25 и сл.*) проводится и та точка зрения, с которой должно стать ясным, сколько тел могут быть заключены в одни только равные и правильные треугольники и многоугольники. Вопрос этот с необходимостью разрешается из

свойств телесного угла¹²². Этим намечены уже последние виды (ἄτομα τῶ εἶδει), и пришлось бы случайное возводить в необходимое, если бы мы ради того только, чтобы получить новые виды, стали в круг своего внимания вовлекать признак изменчивой величины или что-либо подобное.

3. Для обозрения далеко идущих единичностей необходимо полное деление. Логика нередко рекомендовала для этой цели контрадикторное деление (a и не- a). Так как между двумя членами нет ничего среднего, то оно имеет преимущество полноты; но так как чистое отрицание, которым выражается *один* из членов <(этого деления)>, не содержит в себе ничего положительного, то это деление представляется пустым и лишенным наглядности. «Отрицание как отрицание, – характерно замечает Аристотель, – не имеет в себе никакого различия и не дает никаких видов небытия». Такое деление есть вообще лишь видимость, ибо для его осуществления неопределенное не- a надлежит перевести в действительное, подразумеваемое под ним по умолчанию, между тем это действительное получается не из ничего не говорящего отрицания, но развивается из чего-то другого, а именно из самой вещи. Поэтому промежуточное звено чистого отрицания (не- a) является ничего не значащим. Если, согласно примеру Аристотеля, разделить животных на имеющих крылья и не имеющих крылья или правильные фигуры на тетраэдры и нететраэдры, то «не имеющий крыльев» и «не тетраэдр» будут представлять собой *неопределенное имя* (§ 5), ограниченное только отно-

¹²² Телесный угол – это часть трехмерного пространства, заключенная внутри одной полости конической поверхности с замкнутой направляющей. Телесный угол измеряется частью сферической поверхности и обычно обозначается буквой Ω .

шением к области деления (животные, геотермические фигуры), за пределами же этой области являющееся неустойчивым и шатким, ибо оно ни в чем не фиксируется. В тех случаях, где деление по самой природе вещи является дихотомическим, там оно осуществлено не соответственно отрицанию, но сообразно противоположности (*contrarium*), заложенной в самом существе вещи. Пояснить это можно, например, на разделении союзов, как это наметил Беккер в своем «Организме языка» (*Becker. Organism der Sprache. § 100, 2-е изд.*). Там дихотомическое подразделение на сочинительные и подчинительные союзы проистекает не из неопределенного отрицания, но из существа мысли.

Если угодно иметь хороший пример деления из <(существа)> вещи, то можно заимствовать из аристотелевской риторики (*Rhetorik. I. 3*) опыт различения трех родов речи: γένος συμβουλευτικόν, δικανικόν и ἐπιδεικτικόν¹²³, и тогда на нем можно будет пояснить развитые выше точки зрения.

§ 59

<Этот параграф посвящен разъяснению самого существа логического определения понятия, а также указанию основных правил всякого правильного определения.>

Ὁ ὁρισμὸς ἐκ γένους καὶ διαφορῶν ἐστίν.

«Определение (понятия) состоит из рода и различий» (*Тор. I. 8. 103b15*).

¹²³ «Род <речей> собеседования, речей судебных и доказывающих» (греч.). – Б.Ф.

Δεῖ γὰρ τὸ μὲν γένος ἀπὸ τῶν ἄλλων χωρίζειν, τὴν δὲ διαφορὰν ἀπὸ τινος τῶν ἐν τῷ αὐτῷ γένει.

«Ибо род должен отличать понятие от других родов, различие же – от того, что подчинено тому же роду» (Тор. IV. 3. 140a27).

Δεῖ μὲν διὰ τοῦ γένους καὶ τῶν διαφορῶν ὀρίζεσθαι τὸν καλῶς ὀριζόμενον, ταῦτα δὲ τῶν ἀπλῶς γνωριμωτέρων καὶ προτέρων τοῦ εἶδους ἐστίν. --

Τοῦ δὲ μὴ ἐκ προτέρων τρεῖς εἰσι τρόποι· πρῶτος μὲν, εἰ διὰ τοῦ ἀντικειμένου τὸ ἀντικείμενον ὤριστα, οἷον διὰ τοῦ κακοῦ τὸ ἀγαθόν· ἅμα γὰρ τῇ φύσει τὰ ἀντικείμενα. ἐνίοις δὲ καὶ ἡ αὐτὴ ἐπιστήμη ἀμφοτέρων δοκεῖ εἶναι, ὥστ' οὐδὲ γνωριμώτερον τὸ ἕτερον τοῦ ἑτέρου. δεῖ δὲ μὴ λανθάνειν ὅτι ἕνια ἴσως οὐκ ἐστὶν ὀρίσασθαι ἄλλως, οἷον τὸ διπλάσιον ἄνευ τοῦ ἡμίσεος, καὶ ὅσα καθ' αὐτὰ πρὸς τι λέγεται· πᾶσι γὰρ τοῖς τοιοῦτοις ταῦτὸν τὸ εἶναι τῷ πρὸς τί πως ἔχειν, ὥστ' ἀδύνατον ἄνευ θατέρου θάτερον γνωρίζειν· διόπερ ἀναγκαῖον ἐν τῷ τοῦ ἑτέρου λόγῳ συμπεριελῆφθαι καὶ θάτερον. --

Ἄλλος, εἰ αὐτῷ κέχρηται τῷ ὀριζομένῳ. λανθάνει δ' ὅταν μὴ αὐτῷ τῷ τοῦ ὀριζομένου ὀνόματι χρήσῃται, οἷον εἰ τὸν ἥλιον ἄστρον ἡμεροφανὲς ὠρίσατο· ὁ γὰρ ἡμέρα χρώμενος ἡλίῳ χρήται. δεῖ δ' ὅπως φωραθῇ τὰ τοιαῦτα μετα-

λαμβάνειν ἀντὶ τοῦ ὀνόματος τὸν λόγον, οἷον ὅτι ἡμέρα ἡλίου φορὰ ὑπὲρ γῆς ἐστίν· δῆλον γὰρ ὅτι ὅ τὴν φορὰν ἡλίου ὑπὲρ γῆς εἰρηκῶς τὸν ἥλιον εἰρηκεν, ὥστε χρῆται τῷ ἡλίῳ ὅ τῇ ἡμέρᾳ χρῆσάμενος.

Πάλιν εἰ τῷ ἀντιδιηρημένῳ τὸ ἀντιδιηρημένον ὥριστα, οἷον περιττὸν τὸ μονάδι μείζον ἀρτίου. ἅμα γὰρ τῇ φύσει τὰ ἐκ τοῦ αὐτοῦ γένους ἀντιδιηρημένα· τὸ δὲ περιττὸν καὶ τὸ ἄρτιον ἀντιδιῆρηται· ἄμφω γὰρ ἀριθμοῦ διαφοραί.

«Тот, кто хочет точно определять (понятие), должен определять <(его)> через род и различия, <(ибо)> это <(т. е. род и различия)> относится к тому, что, безусловно, является более познаваемым и более первоначальным, чем вид. ...»

Три способа (определения понятия) не почерпнуты из того, что является более первоначальным. Первый <(способ)> [имеет место], когда противоположное определяется через противоположное, например, через злое – доброе, ибо противоположное по <(самой)> природе <(своей)> существует одновременно, и некоторым <(людям)> одно и то же познание кажется объемлющим обе противоположности, так что одно тогда не является более познаваемым, чем другое. При этом не следует упускать из виду, что некоторые вещи, быть может, и нельзя определить иным путем, например, двойное без половины и <вообще> всё то, что само по себе называется относительным (релятивным), ибо для всего подобного¹²⁴ сущность <(их)>

¹²⁴ То есть для всех подобного рода понятий. – Б.Ф.

заключается в том, что одно стоит в некотором отношении к другому, так что одно невозможно познать без другого. Поэтому необходимо, чтобы в понятии об одном содержалось и другое. ...

Существует еще и другая форма (Ἄλλος) этого <(затруднения)>, когда <(для определения чего-либо)> пользуются тем, что само подлежит определению. Это <(т. е. эта ошибка в определении)> остается незаметным, когда не применяют самого имени того, что определяется, например, если солнце определяют как звезду, светящуюся днем, ибо тот, кто пользуется словом “день”, пользуется <(уже тем самым)> и понятием солнца. Чтобы открыть такого рода ошибку, следует вместо названия <(предмета)> поставить <(его)> понятие, например, сказать, что день есть движение солнца над землей. Ибо очевидно, что тот, кто говорит о движении солнца над землею, тем самым говорит уже о солнце так, что тот, кто в своем объяснении пользуется словом “день”, пользуется <(уже тем самым)> и понятием солнце.

Наконец, ошибаются¹²⁵ также и тогда, когда для определения одного из членов деления пользуются другим членом деления. Например, <(когда говорят, что)> нечетное на единицу больше четного, ибо то, что в одном и том же роде оставляет соподчиненные ему звенья, по самой природе своей существует одновременно, но нечетное и четное суть <(как раз)> такие соподчиненные члены деления, ибо оба они <(т. е. четное и нечетное)> суть различия <(т. е. разновидности)> числа вообще» (Тор. VI. 4. 141b25; 142a22).

¹²⁵ То есть дают определение понятия, не исходя из чего-либо заранее известного. – Б.Ф.

<К указанным в § 59 правилам определения и данному там разъяснению некоторых из важнейших ошибок в определении Аристотель в 5-й и 6-й главах VI книги «Топики» присоединяет затем еще несколько ценных соображений, касающихся самого существа всякого правильного определения. Это существо, или природу определения Аристотель усматривает в раскрытии того, «что есть» каждая вещь, – подлинного содержания понятия о ней, ее *Quidditas* (*Quiddität*) – непере译имый на русский язык термин, долженствующий выражать подлинную *суть* того, что мыслится в понятии о той или иной вещи. Эту именно *суть* и должно, по Аристотелю, выражать всякое правильное определение посредством указания на *род* определяемого: «Род стремится обозначить *суть* (τὸ τί ἔστι – *Quidditas*) вещи и потому должен полагаться в основу определения» (Тор. VI. 5. 142b).

Далее Аристотель требует, чтобы определение было полным и исчерпывающим. Недопустимо, чтобы определение указывало только какой-либо один или только некоторые признаки, нельзя, например, определять грамматику как только искусство *писать* излагаемое, ибо она в неменьшей мере есть также и искусство *читать*. Соответственно этому Аристотель особенно подчеркивает, что ничто «не может иметь для себя больше, чем только *одно* определение».

Правильное определение достигается, по Аристотелю, только при непременно условии прежде всего указания на *род* определяемой вещи, «ибо сущность для каждой вещи связана о ее родом» (Тор. VI. 5. 143a), но даже и указание на род не исчерпывает само по себе подлинного существа определения, как недостаточно указать для этого, кроме рода, еще и на различия. Точное и исчерпывающее определение требует, как это Аристотель подробно объясняет

в своей «Топике» (Тор. VI. 5 и 6), указания не просто на род, но на *ближайший род* и не просто на различия, но на *специфическое*, или *видовое* различие.

«Ибо тот, кто подводит (определяемую вещь) под ближайший род, тем самым указывает уже и все вышестоящие роды, ибо *все* они (т. е. эти вышестоящие роды) высказываются и о нижестоящих родах. Поэтому определяемую вещь следует или (прямо) подводить под ближайший род, или к вышестоящему роду прибавлять все различия, которыми определяется ближайший род. Ибо (только) таким образом в определении ничего не пропускается, и оно вместо (просто) указания имени дает (нам) понятие (нижестоящего) ближайшего рода (определяемой вещи). Напротив, определение, указывающее только (вообще) на вышестоящий род, не указывает еще тем самым ближайшего (нижестоящего) рода. Ибо кто говорит: “растение”, не говорит еще тем самым: “дерево”» (Тор. VI. 5. 143a20).

И точно также в начале VI кн. «Топики» Аристотель говорит:

«Равным образом (при определении) следует обращать внимание на то, указываются ли также различия рода. Ибо если оно (т. е. определение) не содержит в себе специфических различий или даже приводит нечто такое, что (вообще) не может служить различием ни для какого предмета, как, например, живое (т. е. признак живого) или субстанция (т. е. признак субстанции), то очевидно, что (в таком случае) вообще не дается никакого определения, потому

что такие признаки вообще не составляют никакого различия» (Топика VI. 6. 143a29).

В своем немецком комментарии к этому параграфу (§ 59) Тренделенбург следующим образом поясняет всё его содержание: > Общее, высказанное в роде, является в то же время и по мысли, и по происхождению своему более ранним (см. выше § 19; LU II. 158 и сл. [ЛИ II. 242]). Отсюда становится понятным правило: давать определение, исходя из более, в указанном смысле, раннего <(т. е. более первоначального)>, которое в то же время является и более познаваемым, чем познанное из него частное. Удобнее всего пояснить это на математических примерах. Из числа вообще понимается четное и нечетное, из параллелограмма вообще посредством определения его сторон и углов – такие виды, как квадрат, прямоугольник, ромб, ромбоид. Из содержания предшествующих параграфов можно напомнить об определении термина (§ 22) и его видов (§ 34 и сл.), об общем определении силлогизма (§ 20 и сл.) и его видах, возникающих в зависимости от различных целей силлогизма (§ 33), наконец, о непосредственном в двояком значении этого понятия у Аристотеля (§ 51). То же самое имеет место и в области реальных наук, если только и здесь удастся надлежащим образом определить понятие вещи. Наиболее близкой <(в этом отношении)> является попытка общей грамматики вывести на основе мысли (из $\rho\rho\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\nu$ $\acute{\alpha}\tau\lambda\acute{\omega}\varsigma$) понятие отдельных частей речи или из определяющих ее область оснований – виды этих частей. С особенной ясностью и последовательностью действовал в этом отношении Беккер в своем «Организме языка», и его раскрытие понятия частей речи или понятия союза можно было бы взять в качестве примера, чтобы на нем показать все существенные отношения определения и деления, в осо-

бенности в пунктах, затронутых предшествующим изложением. Руководствуясь тем же принципом, Ф. Бэкон рассматривал понятие теплоты, определяя в ней общее посредством указания специфического различия (Nov. org. II. 20)¹²⁶.

Особое значение на основе общего получает видообразующее различие, ибо от него зависит то особенное познание, которое одно только действительно овладевает предметом и стремится выйти далее за его пределы (οἰκεῖον, т. е. особенный, подлинный, в противоположность простому καθόλου, т. е. общему).

Так как понятие сосредоточивает в себе существо вещи и потому является источником того, что ей присуще с необходимостью, то будет важно с особенной наглядностью показать, с одной стороны, четкость и ясность понятия, а с другой стороны, его продуктивность. В качестве подходящего примера можно было бы воспользоваться тем, что Лессинг говорит об эпиграмме¹²⁷. Из области грамматики можно взять для сравнения определение понятий у Г. Германна, а именно – эллипса¹²⁸, плеоназма¹²⁹, аттракции¹³⁰, а также анаколуфа¹³¹ (в приложении к Viger¹³²), что-

¹²⁶ Бэкон Ф. Новый органон // Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 113–119.

¹²⁷ Lessing G.E. Sämtliche Schriften / Hrsg. von K. Lachmann. In 23 Bd. Bd. 8. Stuttgart; Leipzig; Berlin, 1855. S. 425ff.

¹²⁸ Эллипс в грамматике – пропуск некоторой части предложения. – Б.Ф.

¹²⁹ Плеоназм – наличие нескольких языковых форм, выражающих одно и то же значение. – Б.Ф.

¹³⁰ Аттракция – стягивание или замыкание предложений. – Б.Ф.

¹³¹ Анаколуф – непоследовательность, недостаток связи в речи. – Б.Ф.

¹³² См.: Vigeri F. De praecipuis graecae dictionis idiotismis liber. Ed. 4. Lipsiae, 1822.

бы и на этих примерах пояснить существо и силу точного понятия. Определения Лейбница могут служить в качестве дальнейших примеров (см. доклад автора об элементе определения в Лейбницевоу философии в ежемесечнике Академии наук за июль 1860 г.)¹³³. Его определение, например, что *adulari*¹³⁴ значит *laudando mentiri ut placeas laudato*¹³⁵ со всей резкостью выявляет как в общем (in dem Allgemeinen), так и в видообразующем различии то отвратительное, что в льстеце стремится стать привлекательным и стирается в обыденном представлении этого понятия.

Доказательство и определение сходны в том, что и то, и другое проистекает из всеобщего. Оба они подвержены, поэтому, и сходным ошибкам. Отмеченные в § 59 ошибки в определении параллельны по своему смыслу тому, чем для доказательства является порочный круг и *petitio principii* (§ 42).

Определение из более раннего <(т. е. первоначального)> не имеет места <(как это следовало бы по основному правилу)>, когда один член противоположности определяется из другого; ибо оба <(противоположные члена)> возникают одновременно из *единого* высшего всеобщего, крайние противоположности которого они собой выражают. В этом смысле ошибаются, когда дух определяют как отрицание природы, движение как отрицание покоя, родительный падеж как видоизмененный (*umgekehrte*) винительный. К тому же сводится и ошибка, когда соподчиненные <(т. е. расположенные

¹³³ *Trendelenburg A. Über das Element der Definition in Leibnizens Philosophie. Festrede gehalten am 5. Juli 1860 zur Feier des Leibnizischen Jahrestages // Monatsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Aus dem Jahre 1860. Berlin, 1861. S. 374–386.*

¹³⁴ «Льстивый» (лат.). – Б.Ф.

¹³⁵ «Лгать в восхвалении, чтобы понравиться хвалимому» (лат.). – Б.Ф.

в одном ряду)> виды объясняются друг через друга, например, квадрат как прямоугольник с равными сторонами.

Другая ошибка есть полный круг <(в определении)>, именно когда то, что должно быть определено, по умолчанию включают в определение. Этой ошибкой страдает известное определение, по которому величина есть то, что может увеличиваться и уменьшаться, ибо больше и меньше, т. е. положительная и отрицательная сравнительная степень, предполагает уже представление величины. Определение прямой линии у Евклида (Euklid. Element. I. Def. 4) допускает подобное же возражение. «Прямая линия есть такая линия, которая расположена одинаково в отношении ко всем точкам, на ней находящимся (ἡ τις ἐξ ἴσου τοῖς ἐφ' ἑαυτῆς σημείοις κεῖται)». Это одинаковое расположение (ἐξ ἴσου κεῖσθαι) само может быть понято только через заранее предположенное представление прямой линии, которая как раз и должна быть определена. Когда свободу духа определяют как «у-себя-бытие», то этим не двигаются вперед и, собственно говоря, вращаются по кругу. Ср. в качестве примера определение Продика у Аристотеля (Тор. II. 6).

§ 60–61

Так как истинным определением понятия является только такое, которое осуществляется, исходя из оснований (из более первоначального¹³⁶), то *объяснение* (τί ἐστί)¹³⁷, если оно достаточное¹³⁸, переходит в *обоснование*.

¹³⁶ То есть из того, что уже предполагается известным. — Б.Ф.

¹³⁷ То есть раскрытие того, что есть. — Б.Ф.

¹³⁸ То есть удовлетворяет требованиям истинного определения. — Б.Ф.

<§ 60> Τὸ τί ἐστὶν εἰδέναι ταῦτό ἐστι καὶ διὰ τί ἐστὶν. – – τί ἐστὶν ἔκλειψις; στέρησις φωτὸς ἀπὸ σελήνης ὑπὸ γῆς ἀντιφράξεως. διὰ τί ἐστὶν ἔκλειψις, ἢ διὰ τί ἐκλείπει ἡ σελήνη; διὰ τὸ ἀπολείπειν τὸ φῶς ἀντιφραττούσης τῆς γῆς. τί ἐστὶ συμφωνία; λόγος ἀριθμῶν ἐν ὀξεί καὶ βαρεῖ. διὰ τί συμφωνεῖ τὸ ὀξὺ τῷ βαρεῖ; διὰ τὸ λόγον ἔχειν ἀριθμῶν τὸ ὀξὺ καὶ τὸ βαρὺ.

«Знать, что <(именно)> есть <(то или иное начало)>, означает то же самое, что знать, откуда и почему (διὰ τί) оно есть. ...Например, что есть затемнение <(луны)>? Лишение луны ее света вследствие вступление земли между <(нею и солнцем)>. Отчего <же> происходит лунное затмение? Или: вследствие чего луна затмевается? Вследствие того, что свет не допускается до луны землю, становящейся между нею и солнцем. Что такое созвучие? Отношение чисел в высоких и низких тонах. Почему между высоким и низким устанавливается созвучие? Вследствие того, что высокое и низкое выражают <(собой)> числовое отношение» (Analyt. Post. II. 2. 90a31; 15).

<§ 61> Τὸ διότι ζητοῦμεν ἔχοντες τὸ ὅτι, ἐνίστε δὲ καὶ ἅμα δῆλα γίνεται, ἀλλ' οὔτι πρότερόν γε τὸ διότι δυνατὸν γνωρίσαι τοῦ ὅτι. – – ἀδύνατον γὰρ εἰδέναι τί ἐστὶν ἀγνωοῦντας εἰ ἔστιν.

«То, откуда и почему что-нибудь есть¹³⁹, мы ищем тогда <(только)>, когда уже имеем то, что есть, ино-

¹³⁹ То есть основание чего-нибудь. – Б.Ф.

гда, однако, то и другое становится очевидным одновременно, но невозможно “то, откуда и почему что-нибудь есть” познать раньше того <(факта)>, что что-нибудь есть¹⁴⁰. Невозможно, не зная, что что-нибудь есть, знать, что <(именно)> оно есть» (Analyt. Post. II. 8. 93a17).

Ἦοικε δ' ὁ τε λόγος τοῖς φαينوμένοις μαρτυρεῖν καὶ τὰ φαινόμενα τῷ λόγῳ.

Но дело обстоит так, что «понятие свидетельствует о явлениях, а явления свидетельствуют о понятии» (De cael. I. 3. 270b4).

<Основная мысль § 61 и 62 состоит в том, что> всякое определение понятия только тогда достигает своей цели <и может стать истинным>, если оно имеет генетический <т. е. производящий или конструирующий свой предмет> характер. Только производящая основа обнаруживает сущность вещи. Аристотель подробно поясняет эту свою мысль целым рядом примеров из области грамматики, геометрии и физики. При этом Аристотель с полной определенностью показывает, что так называемые номинальные определения, например, в геометрии, имеют лишь предварительное значение, уступая место и заменяясь генетическим определением через построение определяющего предмета. Так, например, генетическое объяснение параллелограмма следует из «Элементов» Евклида (Euklid. Element., положение 35).

В тех случаях, когда познающий дух заставляет возникать явления (когда он их конструирует), основание и факт

¹⁴⁰ То есть невозможно основание факта познать раньше него самого. — Б.Ф.

выступают одновременно; там же, где явления даны, факт предшествует основанию, которое еще только должно быть из него <(из факта)> найдено. Но сказать, что основание как основание познано, можно, однако, не ранее, чем будут познаны вытекающие из него следствия (факты). Что касается упомянутого построения <(предметов познания)>, то оно в чистом и полном виде возможно только в математике.

Так как «то, почему и откуда» (διότι) и «тот факт, что» (ὅτι) теснейшим образом, как мы видели, связаны между собой, то основание и факт взаимно удостоверяют друг друга. Для того чтобы в этом убедиться, целесообразно дать себе отчет о том, как гипотезы (в качестве объясняющих понятий) измеряются явлениями, чтобы в них найти свое подтверждение (см. выше § 31 и 32). При понимании любой речи понятие удостоверяет явление (т. е. предложение, которое без определенного понятия было бы лишено всякого смысла), и наоборот, явление, т. е. формы предложения, удостоверяет понятие, необходимым выражением которого эти формы являются.

§ 62–63

<В этих параграфах Аристотель объясняет логический процесс умозаключения в его непосредственной связи с реальным процессом порождения чего-либо и из его основания>.

<§ 62> Τὸ μὲν αἴτιον τὸ μέσον, ἐν ᾧπασι δὲ τοῦτο ζητεῖται.

«Причина¹⁴¹ есть среднее <(т. е. средний термин силлогизма)>, и это среднее ищется во всем» (Analyt. Post. II. 2. 90a6).

¹⁴¹ В смысле порождающего основания. – Б.Ф.

<Смысл этого фундаментального утверждения всего учения Аристотеля о силлогизме в том, что средний термин (т. е. искомое среднее, связующее понятие) служит в нем выражением реальной причины. Аристотель стремится здесь не «реальное свести к формальному», как ошибочно думал Дробиш (Drobisch. Neue Darstellung der Logik. 2. Aufl. S. XI) и некоторые другие логики, а наоборот, *формальное* углубить в его значении, поставляя его в отношение и связь с реальным¹⁴². Отыскать средний термин – значит найти причину, а найти причину вещи – значит удостоверить в ее бытии. Значение среднего термина в том, что он соответствует причине и служит ее выражением. Среднему термину силлогизма соответствует в природе реальный фактор порождения вещи (см. комментарий Вайца: «В самом деле, если раньше спрашивалось о том, есть ли средний термин, то теперь исследуется, что он есть (τί οὖν τοῦτ ἔστι – [Analyt. Post. II. 2. 90a]9), в чем оба вопроса (ἡ τοῦ τί ἔστιν и ἡ τοῦ διὰ τί ἔστιν) совпадают, ибо все исследование сосредоточивается (versetur) на том, чтобы выяснить природу вне нас находящейся вещи (rei subiectae), т. е. причину, вследствие которой существует сама вещь или в силу которой нечто о ней предсказывается (т. е. высказывается), ибо средний термин должен ведь выражать причину»)¹⁴³.

Основной мысли Аристотеля, полной ясности и устранения всех могущих здесь возникнуть сомнений, можно придать следующее, на первый взгляд, несколько парадоксальное выражение: 1) некоторое понятие (x) не потому яв-

¹⁴² См.: Überweg F. System der Logik und Geschichte der logischen Lehren. 5. Aufl. Bonn, 1857. S. 317 ff.

¹⁴³ Aristotelis Organon graece. Novis codicum auxiliis adiutus recognovit, scholiis ineditis et commentario instruxit Th. Waitz. In 2 p. P. 2. Lipsiae, 1846. P. 380.

ляется, по Аристотелю, средним термином, что оно помогает связать в выводе силлогизма два понятия (меньший и больший термины), наоборот, оно потому и связывает два понятия, что оно есть средний термин; 2) *этот средний термин* не потому, по Аристотелю, есть реальная причина, что он устанавливает связь между двумя понятиями (о вещах), но, наоборот, он потому и связывает два понятия (о вещах), что он есть *реальная причина*, т. е. реальный фактор, обуславливающий связь в природе, в действительном бытии, и только в силу этого и соответственно с этим – также и связь в мыслях. Именно здесь, поэтому, со всей непререкаемой ясностью выступает перед нами *реальный*, а не *формальный* смысл всего учения Аристотеля о силлогизме.

Основная мысль § 62 подробно развивается в § 63.>

<§ 63> Οὐ μόνον τὸ ὅτι δεῖ τὸν ὀριστικὸν λόγον δηλοῦν, ὥσπερ οἱ πλεῖστοι τῶν ὄρων λέγουσιν, ἀλλὰ καὶ τὴν αἰτίαν ἐνυπάρχειν καὶ ἐμφαίνεσθαι. νῦν δ' ὥσπερ συμπεράσμαθ' οἱ λόγοι τῶν ὄρων εἰσίν· οἷον τί ἐστὶν ὁ τετραγωνισμός; τὸ ἴσον ἑτερομήκει ὀρθογώνιον εἶναι ἰσόπλευρον. ὁ δὲ τοιοῦτος ὄρος λόγος τοῦ συμπεράσματος· ὁ δὲ λέγων ὅτι ἐστὶν ὁ τετραγωνισμός μέσης εὗρεσις, τοῦ πράγματος λέγει τὸ αἴτιον.

«Определяющее понятие должно раскрывать перед нами не только “то, что есть” <(каждая вещь)>, как это делает большинство определений, но в нем должна заключаться и раскрываться также и причина. Между тем обыкновенно понятия, составляющие определения, стоят перед нами <(в готовом виде)> как

выводы умозаключений. Например, в чем состоит “превращение прямоугольника в квадрат”? В том, что равносторонний прямоугольник оказывается равным неравностороннему. Такое определение имеет, однако, характер вывода в умозаключении. Тот же, кто говорит, что превращение <(прямоугольника)> в квадрат есть отыскание средней пропорциональной <(линии)>, тот указывает на реальное основание <(т. е. причину)> (средний термин) вещи» (De anim. II. 2. § 1. 413a13).

Эти важные определения поясняют (логический) процесс умозаключения и (реальный) процесс производящего основания в их двусторонних отношениях. Несмотря на существенность этих положений для всего учения Аристотеля (см. *Analyt. post* II. 11, 12), они были частью забыты, частью сознательно игнорировались позднейшими логиками как несогласные с их формалистической точкой зрения и требующие весьма углубленного анализа для их понимания и справедливой оценки. Мы отметим здесь, в связи с развитием аристотелевских воззрений и имея в виду область пропедевтического преподавания логики, лишь следующее (см. *LU* II. 280 и сл. [*ЛИ* II. 374]).

1. Аристотель ограничивается сначала тем положением, что порождающее основание есть средний термин (*Mittelbegriff*) умозаключения. Так как основание есть $\rho\rho\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\nu$ $\tau\eta\ \phi\acute{\upsilon}\sigma\epsilon\iota$, а это последнее и составляет как раз то общее, из которого развивается умозаключение (ср. сказанное по этому поводу в § 19 и 20), то упомянутое положение не выражает собой какого-нибудь особняком стоящего наблюдения, но вытекает с необходимостью из всего предшествующего целого. Средний термин ($\rho\rho\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\nu$ $\tau\eta\ \phi\acute{\upsilon}\sigma\epsilon\iota$) содержит всеобщий закон в себе и, будучи применен к подпадающему

под этот закон частному, порождает вывод (суждение действия). Поскольку основание <(вообще)> порождает, оно порождает то, что больший термин высказывает о среднем, будь то общее или специфическое свойство. Поэтому подводящему (subsumierenden) акту умозаключения соответствует порождающая связь основания.

Всего яснее можно наблюдать эту необходимую аналогию обоих процессов на простых геометрических задачах, так как в конструкции их решения имеется налицо реальный процесс, а в доказательстве правильного решения – соответствующий логический процесс. Стоит только вспомнить, например, первую задачу Евклида: на данной ограниченной прямой линии построить (beschreiben) равно-сторонний треугольник (Euklid. Element. I. 1). Решается эта задача посредством <(построения)> двух пересекающихся кругов, описываемых данной линией как радиусом от одного и от другого конечного пункта основания. Прότερον τῆ φύσει <(первое по природе)> составляет в построении радиус, постоянный в каждом круге и в данном случае равный в обоих. Это именно и дает для приложенного <(к решению данной Евклидовой задачи)> силлогизма его общий средний термин¹⁴⁴, откуда уже в качестве частного случая следует равенство сторон треугольника (ср. в том же смысле Euklid. Element. I. 9, 10, 11 и сл.).

Если бы захотели *обратить* рассматриваемое положение и утверждать, что средний термин умозаключения есть всегда и порождающее основание вещи, то тогда оно оказалось бы сомнительным. По крайней мере, в таком случае все силлогизмы, делающие общие обозначения вещи (σημεῖον) средним термином (§ 37), оказались бы исклю-

¹⁴⁴ То есть его средний термин, представляющий собой общее понятие. – Б.Ф.

чениями. Ибо обозначение (Zeichen) есть не основание, а действие вещи.

2. Определение завершается только в генетическом определении или, что то же, в таком, которое содержит в себе основание вещи (§ 60). Но так как основание вещи соответствует среднему термину, то таковая вещь будет, следовательно, содержать в себе все три термина умозаключения, тогда как определение, схватывающее только факт, подобно выводу умозаключения, для которого средний термин остается скрытым. В качестве примеров можно использовать те евклидовские определения, которые затем конструируются. До построения эти определения, подобно выводу силлогизма, выражают собой только результат явления; но когда они построены, то оказываются познанными из основания, раскрывающегося в доказательстве в качестве среднего термина. См., например, определение равностороннего треугольника (Euklid. Element. I. Def. 24) и его построение (Euklid. Element. I. Положение 1); определение квадрата (Euklid. Element. I. Def. 30) и его построение (Euklid. Element. I. Положение 46).

§ 64

Так как определение понятия какой-либо вещи, указывая на ее реальное основание, выражает ее сущность, то оно тем самым обосновывает и познание свойств, зависящих от этой сущности, как и наоборот: познание свойств должно вести к познанию сущности.

Ἐοικε δ' οὐ μόνον τὸ τί ἐστὶ γινῶναι χρήσιμον εἶναι πρὸς τὸ θεωρῆσαι τὰς αἰτίας τῶν συμβεβηκότων ταῖς οὐσίαις, ὥσπερ ἐν τοῖς

μαθήμασι τί τὸ εὐθὺ καὶ τὸ καμπύλον ἢ τί γραμμὴ καὶ ἐπίπεδον, πρὸς τὸ κατιδεῖν πόσαις ὀρθαῖς αἱ τοῦ τριγώνου γωνίαι ἴσαι, ἀλλὰ καὶ ἀνάπαλιν τὰ συμβεβηκότα συμβάλλεται μέγα μέρος πρὸς τὸ εἶδέναι τὸ τί ἐστίν· ἐπειδὴν γὰρ ἔχωμεν ἀποδιδόναί κατα τὴν φαντασίαν περὶ τῶν συμβεβηκότων, ἢ πάντων ἢ τῶν πλείστων, τότε καὶ περὶ τῆς οὐσίας ἔξομεν λέγειν κάλλιστα· πάσης γὰρ ἀποδείξεως ἀρχὴ τὸ τί ἐστίν, ὥστε καθ' ὅσους τῶν ὀρισμῶν μὴ συμβαίνει τὰ συμβεβηκότα γνωρίζειν, ἀλλὰ μηδ' εἰκάσαι περὶ αὐτῶν εὐμαρές, δῆλον ὅτι διαλεκτικῶς εἴρηνται καὶ κενῶς ἅπαντες.

«Для рассмотрения причин <(случайных)> свойств субстанций, как, например, в математических науках для познания того, что есть прямое и кривое или что такое линия и плоскость, равно как и для того, чтобы усмотреть, скольким прямым равны углы данного треугольника, полезно, по-видимому, познать не только то, что есть вещь (ее понятие), но, наоборот, так же и то, что <(случайные)> свойства <(вещей)> во многом содействуют познанию того, что <(именно)> есть <(данная)> вещь. Ибо если, руководствуясь представлением (κατὰ τὴν φαντασίαν), мы можем дать отчет о свойствах вещей – обо всех или <(по крайней мере)> о большинстве их, то тогда мы и о существе их будем в состоянии сказать наивернейшее. Ибо источником всякого доказательства является “то, что” <(каждой вещи, или ее существо)>. Поэтому очевидно, что все те определения, посредством которых

нельзя ни познать <(случайных)> свойств, ни высказать о них более или менее легко какие-либо предположения, имеют диалектический характер и в отношении содержания пусты» (De anim. I. 1. § 8. 402b16).

Первый пункт, а именно, что из определения понятия как познания существа вещи вытекают его <(т. е. этого существа вещи)> свойства, не требует, согласно сказанному выше, никакого ближайшего разъяснения. Для примера мы и здесь можем напомнить о том сочинении об эпиграмме, в котором Лессинг из намеченного им нового объяснения эпиграмм выводит их свойства¹⁴⁵. У Евклида (Euklid. Element. I. 34) из определения понятия параллелограмма как четырехсторонней фигуры, замкнутой параллельными линиями, выводятся те свойства, что в каждом параллелограмме противоположные стороны и углы равны и что диагональю он делится пополам. При этом доказательство не предполагает ничего другого, кроме того, что содержится в самом понятии параллелограмма, именно его параллельных сторон. Подобным же образом из существа глагола следуют его свойства (лица, времена, наклонения).

Второй пункт касается обратного заключения от свойств вещи к ее существу. Так как большинство свойств вещей имеют общий характер (Art) и не принадлежат единичному как таковому, то следует отыскивать скорее видообразующие и своеобразные свойства, чтобы от них заключить к существу вещи. Поскольку наблюдение пытается выделить такие свойства, оно приближается к познанию самого существа вещей. Например, как проявляет себя человеческая душа в отличие от души животных? В раскрытии свойств – вообще *συμβεβηκότα*¹⁴⁶ – движется всякое

¹⁴⁵ Lessing G.E. Sämtliche Schriften... S. 441ff.

¹⁴⁶ «Акциденции» (греч.).

описание (характеров древних), чтобы подготовить определение. Описательные науки стоят именно на этой ступени; и если проницательный исследователь по ископаемой кости определяет целый вид животного, то он заключает при этом от некоего *συμβεβηκός*¹⁴⁷ к существованию вещи.

§ 65–66

<Эти параграфы посвящены важному вопросу о роли в нашем познании *гипотезы* как такого предположения, которое может быть наиболее годным для получения точного определения понятия данной вещи.> Так как не обо всем возможны такие выводные понятия, <как те, о которых шла речь в § 64,> то сущность гипотезы заключается как раз в том, чтобы способствовать установлению не выводного, а первоначального определения.

<§ 65> Ἔστι δὲ τῶν μὲν ἕτερόν τι αἴτιον, τῶν δ' οὐκ ἔστιν. ὥστε δῆλον ὅτι καὶ τῶν τί ἐστὶ τὰ μὲν ἄμεσα καὶ ἀρχαί εἰσιν, ἃ καὶ εἶναι καὶ τί ἐστὶν ὑποθέσθαι δεῖ ἢ ἄλλον τρόπον φανερὰ ποιῆσαι. ὅπερ ὁ ἀριθμητικὸς ποιεῖ· καὶ γὰρ τί ἐστὶ τὴν μονάδα ὑποτίθεται, καὶ ὅτι ἔστιν. τῶν δ' ἐχόντων μέσον καὶ ὧν ἔστι τι ἕτερον αἴτιον τῆς οὐσίας, ἔστι δι' ἀποδείξεως, ὥσπερ εἶπομεν, δηλῶσαι.

«Одни вещи имеют другую <(т. е. отличную от них самих)> причину, другие же не имеют таковой. И соответственно этому очевидно, что и из сущностей¹⁴⁸ некоторые <(по своей природе)> непосред-

¹⁴⁷ «Акцидентальное» (греч.).

¹⁴⁸ То есть из объяснений того, что есть. – Б.Ф.

ственны и представляют собой принципы. Эти сущности¹⁴⁹ следует предположить <(заранее)> и притом как самый факт того, что они есть, так и то, что именно они есть, или это нужно сделать очевидным каким-нибудь иным способом. Так поступают арифметики, ибо они заранее предполагают единицу как в отношении того, что она собой представляет, так и в отношении самого факта ее сосуществования. А то <(т. е. понятие о том)>, что имеет нечто среднее¹⁵⁰ и для чего причина его существа лежит в чем-то другом, можно, как мы говорили, сделать ясным посредством доказательства» (Analyt. Post. II. 9. 93b21).

<§ 66> Θέσεως δ' ἢ μὲν ὁποτερονοῦν τῶν μορίων τῆς ἀντιφάσεως λαμβάνουσα, οἷον λέγω τὸ εἶναι τι ἢ τὸ μὴ εἶναι τι, ὑπόθεσις, ἢ δ' ἄνευ τούτου ὄρισμός. ὁ γὰρ ὄρισμός θέσις μὲν ἐστὶ τίθεται γὰρ ὁ ἀριθμητικὸς μονάδα τὸ ἀδιαίρετον εἶναι κατὰ τὸ ποσόν· ὑπόθεσις δ' οὐκ ἔστι· τὸ γὰρ τί ἐστὶ μόνος καὶ τὸ εἶναι μονάδα οὐ ταῦτόν.

«Из числа полаганий те, которые принимают одну из частей суждения, например, что что-нибудь есть или не есть, суть гипотезы; те же, которые этого <(выбора)> не делают, – определения, ибо, определение <(понятия)>, правда, есть некоторое полагание, ведь арифметик полагает, что единица по количеству есть нечто неделимое, но не есть <(еще)> гипотеза, ибо не одно и то же <(сказать)>, что именно есть единица и что она <(просто)> есть <(т. е. существует)>» (Analyt. Post. I. 2. 72a18).

¹⁴⁹ Точнее, понятия об этих сущностях. – Б.Ф.

¹⁵⁰ То есть что требует чего-то посредствующего. – Б.Ф.

Аристотель проводит определенное различие между выведенными и первоначальными понятиями, которое должно возникнуть в науке вместе с требованием замкнутого в себе целого. Первые порождаются и доказываются, вторые как безусловно или относительно первоначальные постигаются и принимаются. С наибольшим успехом ссылаются при этом на Евклидову систему геометрии. Аксиомы в логическом смысле Аристотеля суть ὑποθέσεις (гипотезы), ибо принимаются как сами по себе ясные и в себе самих обоснованные (καὶ εἶναι καὶ τί ἐστίν), например, аксиомы 8 и 9: вещи, покрывающие друг друга, равны; целое больше части. Другие понятия определяются и соответственно этому постулируются, например, прямая линия, круг. Ср. Euklid. Element. I. Def. 4 и постулат 1, Def. 5. и постулат 3. Эти понятия имеют те же свойства, что и приведенное в § 65 в качестве примера понятие единицы; они непосредственны и представляют собой первоначальное (ἄμεσα καὶ ἀρχαί). Напротив, другие понятия не только определяются, но еще и конструируются, и доказываются из упомянутых первоначальных понятий (τῶν μὲν ἕτερόν τι αἴτιον). Например, равносторонний треугольник (Euklid. Element. I. Def. 24 и положение 1), квадрат (Euklid. Element. I. Def. 30 и положение 46).

Что в геометрии происходит с такой первоначальностью, как это едва ли имеет место в какой-либо другой науке, повторяется, однако, хотя в сравнительно меньшей мере, и в сфере других наук. Чтобы понять в грамматике отношение субъекта и предиката, понятия о бытии и деятельности в их взаимоотношении принимаются уже заранее как первоначальные; для предлогов предполагаются пространственные отношения и т. д.; учение о звуках <(фонетика)> нуждается в качестве своего базиса в расчленении букв. Оно уже заранее предполагает существование букв,

давая каждому указание, самому производить их в опыте (ἀ καὶ εἶναι καὶ τί ἐστὶν ὑποθέσθαι δεῖ ἢ ἄλλον τρόπον φανερὰ ποιῆσαι). Подобным же образом в физике, например, учение о звуке предполагает упругость материи и ее колебания, обуславливающие в ней уплотнения и разрежения.

§ 67–68

<§ 67> Πᾶσα ἀποδεικτικὴ ἐπιστήμη περὶ τρία ἐστίν, ὅσα τε εἶναι τίθεται, (ταῦτα δ' ἐστὶ τὸ γένος, οὗ τῶν καθ' αὐτὰ παθημάτων ἐστὶ θεωρητικὴ, καὶ τὰ κοινὰ λεγόμενα ἀξιώματα, ἐξ ὧν πρώτων ἀποδείκνυσι) καὶ τρίτον τὰ πάθη, ὧν τί σημαίνει ἕκαστον λαμβάνει.

«Всякая наука, способная к доказательству <(своих положений)>, всегда имеет дело с тремя условиями, реальность которых она предполагает. Это, во-первых, род, коего свойства, взятые сами по себе, она рассматривает; затем так называемые общие аксиомы, отправляясь от которых как от первых начал она ведет свои доказательства, и в-третьих, – те свойства, относительно которых она строит свои предположения, что каждое из них значит то-то и то¹⁵¹» (Analyt. Post. I. 10. 76b11).

<§ 68> Φανερόν ὅτι οὐκ ἔστι τὰς ἐκάστου ἰδίας ἀρχὰς ἀποδείξει· ἔσονται γὰρ ἐκεῖναι ἀπάντων ἀρχαί, καὶ ἐπιστήμη ἢ ἐκείνων κυρία πάντων. καὶ γὰρ ἐπίσταται μᾶλλον ὁ ἐκ τῶν ἀνώτερον αἰτίων

¹⁵¹ То есть названия которых она объясняет. – Б.Ф.

εἰδώς· ἐκ τῶν προτέρων γὰρ οἶδεν, ὅταν ἐκ μὴ αἰτιατῶν εἰδῆ αἰτίων. ὥστ' εἰ μᾶλλον οἶδε καὶ μάλιστα, καὶ ἐπιστήμη ἐκείνη εἶη καὶ μᾶλλον καὶ μάλιστα.

«Очевидно, что невозможно доказать подлинные принципы каждой вещи¹⁵², ибо это должны были бы быть принципы всех вещей, всего сущего вообще, и наука о них должна быть руководящей для <(познания)> всех вещей. Ибо тот обладает знанием в большей степени¹⁵³, кто познал что-нибудь из высших принципов. В самом деле, если кто-нибудь познал что-нибудь из оснований, не являющихся <(в свою очередь)> следствием других оснований¹⁵⁴, то он <(тем самым)> приобрел знание из первоначальных принципов. Если, поэтому, он обладает знанием в более высокой и <(даже)> высшей степени, то, надо думать, что и соответствующая наука <(которой он таким образом обладает)> будет наукой в более высокой и <(даже)> высшей степени» (Analyt. Post. I. 9. 76a16).

Всякая наука, *способная к доказательству*, поясняет в этих параграфах Аристотель, делает тройкого рода предположения, чем именно она и отличается как от истории (см. § 15 и 16), так и от наук, развивающихся при помощи индукций, т. е. констатирования данных опыта и их сравнения в целях получения обобщающих выводов. Высказывая эти соображения, Аристотель имел в виду, по-видимому, прежде всего математические дисциплины. Они, во-первых, предполагают некоторый род, свойства которого они рас-

¹⁵² [У Тренделенбурга:] каждой науки. – Б.Ф.

¹⁵³ Вариант: в преимущественном смысле. – Б.Ф.

¹⁵⁴ Вариант: из непричиненных причин. – Б.Ф.

смаstrивают. Так, арифметика предполагает порождение чисел, геометрия – построение фигур, оптика – свет, учение о гармонии – тона, астрономия – небесные тела и их движения. Все эти науки принимают эти общие сферы бытия («роды»), не обосновывая их далее; они имеют в них свой твердый отправной пункт, или, выражаясь словами Платона (Plat. Resp. 511), свои подступы и подходы (ἐπιβάσεις καὶ ὄρμας). Во-вторых, математические науки предполагают общие положения, из которых ведется доказательство. Мы поняли бы их слишком узко, если бы приняли их просто как всеобщие логические принципы, например, как положение о противоречии, закон <(правильного)> умозаключения, хотя эти последние могут быть названы общими аксиомами (κοινὰ ἀξιώματα) в самом широком смысле этого слова. Прикладная математика свои доказательства выводит из положений чистой математики (Metaph. IV. 2), и эти последние нужно также рассматривать, поэтому, в числе общих предпосылок. Наконец, если в отношении свойств, доказательства которых предпринимает наука, предполагается их номинальное объяснение, то этим выражается лишь требование общего понимания того, что должно быть доказано. Определения, предпосланные Евклидом <(системе его доказательств)>, дают нам соответствующие примеры.

Если эти отношения выступают прежде всего в тех науках, которые допускают математическую обработку, то они все же повторяются в сходном виде также и во всех других науках, как скоро последние находят свое завершение в принципах. Учение о звуках в грамматике <(т. е. фонетика)> восходит к физиологии, учение о предложении – к логике, и именно у этих наук грамматика заимствует те принципы (τὰ κοινὰ ἀξιώματα), исходя из которых она вообще достигает понимания явлений языка (τὸ γένος, οὗ τῶν καθ' αὐτὰ παθημάτων ἐστὶ θεωρητική).

Предпосылки наук ведут к одному общему первоисточнику – к науке, лежащей за их пределами, а именно – к метафизике, имеющей предметом своего рассмотрения безусловное ($\alpha\iota\tau\iota\alpha \mu\grave{\eta} \alpha\iota\tau\iota\alpha\tau\acute{\alpha}$ ¹⁵⁵). Если каждое предшествующее основание сильнее того, которое из него выводится, то последнее основание, не являющееся уже более следствием какого-либо другого, есть полное и абсолютное основание. Только в этом последнем находят свое завершение все отдельные науки.

Аристотелевская логика сама дает подтверждения для своего собственного учения. В начале этого изложения (см. § 1) уже было подчеркнуто то, что она предполагала по умолчанию, а именно – частью метафизическое, частью психологическое исследование о том, как вообще может осуществляться познание. И снова логика приходит к метафизике, ибо, вынужденная переходить от основания к основанию, она ищет последнего основания. Этот переход логики в метафизику раскрывается также и в том, что и свою метафизику Аристотель начинает с такого же взгляда на развитие процесса познания (Metaph. I. 13), каким он завершает логику (Analyt. Post. II. 19; ср. § 69).

В настоящих «Элементах логики Аристотеля» представляется целесообразным не останавливаться подробнее на этом продвижении от логики к метафизике. В противном случае прекрасное место в платоновском «Государстве» (Resp. VI. 510 и сл.), правильно использованное, могло бы дать нам несколько существенных моментов для пояснения этого перехода.

§ 69

<Все предшествующее изложение учения Аристотеля о познании (ибо термина логики у самого Аристотеля еще не

¹⁵⁵ «Непричиненные причины» (греч.). – Б. Ф.

было) завершается приводимым ниже местом или, точнее, рядом мест из «Второй аналитики», соединенных между собой в одно целое – логику (см.: *Analyt. Post.*, II. 19). Аристотель изображает здесь весь процесс познания в его внутренней связанности и единстве, благодаря чему все вышеприведенные в § 1–68 цитаты получают более глубокое освещение, и создается возможность рассматривать их, по крайней мере, до известной степени как единое целое». В заключение приводимые фрагменты подводят итог всему процессу познания и дают одновременно возможность для пояснений психологического характера. Но если из-за своего содержания и сокращенного объема приводимые места покажутся слишком сложными, их можно с полным правом пропустить. Однако, завершая, необходимо приложить усилия для того, чтобы ранее очерченный логический процесс отчетливо предстал во всей его связности. Ὁ γὰρ ξυνοπτικὸς διαλεκτικὸς¹⁵⁶. Философская сила всегда лежит в целом.

<§ 69> Ὅτι μὲν οὖν οὐκ ἐνδέχεται ἐπίστασθαι δι' ἀποδείξεως μὴ γινώσκοντι τὰς πρώτας ἀρχὰς τὰς ἀμέσους, εἴρηται πρότερον. τῶν δ' ἀμέσων τὴν γνῶσιν – διαπορήσειεν ἂν τις. – Πάντα δὲ ἔχει τὰ ζῶα δύναμιν σύμφυτον κριτικὴν, ἣν καλοῦσιν αἴσθησιν· ἐνούσης δ' αἰσθήσεως τοῖς μὲν τῶν ζῶων ἐγγίγνεται μονὴ τοῦ αἰσθήματος, τοῖς δ' οὐκ ἐγγίγνεται. ὅσοις μὲν οὖν μὴ ἐγγίγνεται, ἢ ὅλως ἢ περὶ ἃ μὴ ἐγγίγνεται, οὐκ

¹⁵⁶ «Кто способен все обозреть, тот – диалектик» (греч.). См.: Платон. Государство (*Resp.* VII 537c 7): пер. А.Н. Егунова // Платон. Соч.: в 4 т. Т. 3 / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М., 1994. С. 322.

ἔστι τούτοις γνῶσις ἔξω τοῦ αἰσθάνεσθαι· ἐν οἷς δ', ἔνεστι μη αἰσθομένοις ἔχειν ἔτι ἐν τῇ ψυχῇ. πολλῶν δὲ τοιούτων γινομένων ἤδη διαφορὰ τις γίνεται, ὥστε τοῖς μὲν γίνεσθαι λόγον ἐκ τῆς τῶν τοιούτων μονῆς, τοῖς δὲ μή. Ἐκ μὲν οὖν αἰσθήσεως γίνεται μνήμη, ὥσπερ λέγομεν, ἐκ δὲ μνήμης πολλάκις τοῦ αὐτοῦ γινομένης ἐμπειρία· αἱ γὰρ πολλαὶ μνήμαι τῷ ἀριθμῷ ἐμπειρία μία ἐστίν. ἐκ δ' ἐμπειρίας ἢ ἐκ παντὸς ἡρεμήσαντος τοῦ καθόλου ἐν τῇ ψυχῇ, τοῦ ἐνὸς παρὰ τὰ πολλά, ὃ ἂν ἐν ἅπασιν ἐν ἐνῇ ἐκείνοις τὸ αὐτό, τέχνης ἀρχὴ καὶ ἐπιστήμης, ἐὰν μὲν περὶ γένεσιν, τέχνης, ἐὰν δὲ περὶ τὸ ὄν, ἐπιστήμης. οὔτε δὴ ἐνυπάρχουσιν ἀφωρισμέναι αἱ ἕξεις, οὔτ' ἀπ' ἄλλων ἕξεων γίνονται γνωστικωτέρων, ἀλλ' ἀπὸ αἰσθήσεως, οἷον ἐν μάχῃ τροπῆς γενομένης ἐνὸς στάντος ἕτερος ἔστη, εἴθ' ἕτερος, ἕως ἐπὶ ἀρχὴν ἦλθεν. ἢ δὲ ψυχὴ ὑπάρχει τοιαύτη οὔσα οἷα δύνασθαι πάσχειν τοῦτο. – – Στάντος γὰρ τῶν ἀδιαφόρων ἐνὸς, πρῶτον μὲν ἐν τῇ ψυχῇ καθόλου (καὶ γὰρ αἰσθάνεται μὲν τὸ καθ' ἕκαστον, ἢ δ' αἰσθησις τοῦ καθόλου ἐστίν, οἷον ἀνθρώπου, ἀλλ' οὐ Καλλίου ἀνθρώπου)· πάλιν ἐν τούτοις ἴσταται, ἕως ἂν τὰ ἀμερῆ στῆ καὶ τὰ καθόλου, οἷον τοιονδὶ ζῶον, ἕως ζῶον, καὶ ἐν τούτῳ ὡσαύτως. δῆλον δὴ ὅτι ἡμῖν τὰ πρῶτα ἐπαγωγῇ γνωρίζειν ἀναγκαῖον· καὶ γὰρ ἢ αἰσθησις οὕτω τὸ καθόλου ἐμποιεῖ.

Ἐπεὶ δὲ τῶν περὶ τὴν διάνοιαν ἕξεων αἰς ἀληθεύομεν αἰ μὲν αἰεὶ ἀληθεῖς εἰσιν, αἰ δὲ ἐπιδέχονται τὸ ψεῦδος, οἷον δόξα καὶ λογισμός, ἀληθῆ δ' αἰεὶ ἐπιστήμη καὶ νοῦς, καὶ οὐδὲν ἐπιστήμης ἀκριβέστερον ἄλλο γένος ἢ νοῦς, αἰ δ' ἀρχαὶ τῶν ἀποδείξεων γνωριμώτεραι, ἐπιστήμη δ' ἅπασα μετὰ λόγου ἐστὶ, τῶν ἀρχῶν ἐπιστήμη μὲν οὐκ ἂν εἴη, ἐπεὶ δ' οὐδὲν ἀληθέστερον ἐνδέχεται εἶναι ἐπιστήμης ἢ νοῦν, νοῦς ἂν εἴη τῶν ἀρχῶν, ἔκ τε τούτων σκοποῦσι καὶ ὅτι ἀποδείξεως ἀρχὴ οὐκ ἀπόδειξις, ὥστ' οὐδ' ἐπιστήμης ἐπιστήμη. εἰ οὖν μηδὲν ἄλλο παρ' ἐπιστήμην γένος ἔχομεν ἀληθές, νοῦς ἂν εἴη ἐπιστήμης ἀρχή.

«Что невозможно иметь знание <(о чем-либо)> на основании доказательства, если не обладаешь знанием его <(т. е. этого доказательства)> первых и непосредственных принципов, об этом было сказано раньше. Однако относительно <(возможности)> познания непосредственных принципов... можно иметь сомнение. ...Все животные имеют прирожденную им способность различения, называемую чувственным восприятием. Но хотя эта способность от природы присуща всем животным, у одних из них возникает воспоминание воспринятого, а у других оно не возникает. Все те животные, у которых оно <(т. е. воспоминание, или задержка воспринятого)> не возникает, или вообще не имеют <(никакого)> знания помимо того, что ими воспринимается, или <(по крайней мере)> не имеют его <(т. е. знания помимо восприятия)> о том, что не вызывает <(у них)> никакого пребывающего впечатления <(т. е. образа)>. Те же, у которых оно <(т. е. это

раньше воспринятое)> остается, могут и после акта восприятия сохранять его <(т. е. этот образ)> в душе. Среди многих живых существ, одаренных этим свойством <(букв.: так возникших)>, возникает далее то различие, что у одних из такого пребывания восприятий¹⁵⁷ возникает понятие, а у других нет. Из восприятия таким образом возникает память, как мы называем это пребывание впечатлений; из памяти же, если она часто имеет дело с одним и тем же <(впечатлением)>, – опыт. Ибо воспоминания, многократные по числу <(но об одном и том же предмете)>, образуют единый опыт <(об этом предмете)>. Из опыта же, или из всякого <(вообще)> общего, утвердившегося в душе как единое вне многого, но присутствующего во всем этом многом как одно и то же единое, возникают искусство и наука: искусство, если речь идет о возникновении чего-нибудь, и наука, если дело касается бытия. Эти умения <(т. е. искусство и наука)> не сущи <(человеку)> сами по себе в обособленном виде и не возникают из каких-либо других свойств его, в еще большей мере способных дать познание, но берут свое начало из чувственного восприятия, наподобие того как иногда бывает в сражении, когда при всеобщем бегстве один <(вдруг)> остановится, а затем другой и еще другой <(и так далее)>, пока всё не придет <(наконец)> в первоначальный порядок. Но душа так <(уж)> устроена, что она может испытывать нечто подобное <(т. е. такого рода постижения общего на основе единичных чувственных восприятий)>... Ибо если нечто единичное <(т. е. какое-либо индивидуальное явление)>, не отличающееся по своему виду от других, оказывается получившим устойчивость, то

¹⁵⁷ Вариант: такой задержки впечатлений. – Б. Ф.

этим и приобретается в душе первое общее, ибо воспринимается, правда, только нечто единичное, но <(само)> это восприятие относится <(тем не менее)> к общему <(предмету)>, например, к человеку вообще, а не только к человеку по имени Каллий. И <(вот в душе опять)> нечто устанавливается (а именно – некоторое общее представление), пока <(на его основе)> не установится затем нечто неделимое и <(еще более)> общее, например, такое животное и животное вообще¹⁵⁸ и далее в том же смысле. Очевидно, поэтому первые начала нам необходимо познавать посредством индукции, ибо <(именно)> таким образом восприятие порождает <(в нас)> общее...

Так как из различных способов мышления, посредством которых мы познаем истину, одни всегда истинны, а другие допускают и ошибку, как, например, мнение и рассудочная деятельность <(т. е. рассуждение – λόγος)>, истинными же всегда являются наука и разум; так как <(далее)> науку не превосходит в отношении достоверности никакой другой род познания, кроме разума, принципы же <(доказательств)> являются более познаваемыми, чем <(сами)> доказательства¹⁵⁹, а всякая вообще наука опирается на основания <(разума)>, то и не может быть никакой науки о принципах <(доказательства)>. Но так как только разум может быть истиннее, чем наука, то разум будет разумом принципов¹⁶⁰. Из сказанного ясно также, что принцип доказательства не есть, в свою оче-

¹⁵⁸ То есть из представления того или иного вида животного не образуется понятие о животном вообще. – Б.Ф.

¹⁵⁹ То есть чем выводы, получаемые посредством доказательств. – Б.Ф.

¹⁶⁰ Вариант: то очевидно, что с принципами будет иметь дело, только разум. – Б.Ф.

редь, <(некоторое)> доказательство¹⁶¹, а следовательно, и наука не есть принцип науки. И если таким образом мы вне науки ничего истинного, кроме разума, не имеем, то разум должен быть и принципом науки» (Analyt. Post. II. 19. 99b20; 35).

Для пояснения всего этого места прекрасно могли бы служить глубокомысленные книги Аристотеля «О душе», которые благодаря творческой основной мысли все еще являются самым значительным произведением в области психологии. Эти книги Аристотеля ведут, однако, к рассмотрению метафизических понятий, которые не могут быть предметом начального преподавания философии. Из приведенного выше мы выдвинем здесь только самое существенное.

Уже по поводу первых шагов аристотелевской логики было показано, что она предполагает возможность такого процесса <(ума)>, посредством которого мышление овладевает вещами (ср. § 1). Существенные ступени этого процесса намечены в приведенном месте. Поскольку Аристотель проводит различие между живыми существами, мы и здесь встречаемся с исследованием, характерным для его физики и психологии. Низшая ступень этого процесса может существовать сама по себе, подобно тому как чувственное восприятие у животных существует без мышления, но высшая ступень <(его)> возможна только через низшую как свое условие. Высшая ступень восприняла в себя низшую и развила ее далее. Без опоры в низшей она нигде не может обнаружиться. Так, мышление предполагает уже чувственное восприятие, а также воображение (Phantasie) и память (см.: De an. II. 2 и 3).

¹⁶¹ Вариант: что принципом доказательства не может, в свою очередь, быть некоторое другое доказательство. — Б. Ф.

Чувства, будучи сами еще материальными, начинают, отправляясь от материи, тот идеальный процесс, который своей целью имеет превратить вещи снова в ту мысль, из которой они возникли. Мысль есть творческая форма, и чувственное восприятие ее подготавливает, ибо, по Аристотелю, ее <(т. е. этой творческой формы)> существо состоит в том, чтобы чувственно воспринимаемую форму воспринять без материи, подобно тому как зрение воспринимает цвет и форму без светящегося тела, а слух – звук, отделившийся от упругой субстанции и от отношения звуков (см.: De an. II. 12). Свойства, которые чувственное восприятие различает в <(физическом)> теле, суть его деятельности, раскрывающие его существо. Здесь и начинается, поэтому, всякое усвоение.

В качестве второй ступени приводится тот факт, что у некоторых существ чувственное восприятие не проходит мимолетно, но *остаётся*. Эту ступень, на которой образ вещи становится свободным и длительным достоянием духа, Аристотель в книгах «О душе» (III. 3) обозначает как воображение, в котором он видит результат действия энергий чувственного восприятия. Это пребывание уже <(само по себе)> есть память; однако воспоминание, представляющее собой некоторое искание, зависит от мышления и встречается, поэтому, только у тех существ, в которых заложена возможность третьей ступени упомянутого процесса – логос (λόγος). См. также о памяти: De mem. 1 и 2.

Благодаря памяти мы знаем, что одно и то же <(явление)> повторяется неоднократно. Это повторение производит в духе некоторое безотчетное общее, обозначаемое Аристотелем словом опыт (ἐμπειρία). В нашем <(современном)> понимании опыт, уже проникнутый оформляющим понятием, имеет более глубокое значение, чем то, какое было связано с этим словом у Аристотеля, означавшим у него <(всего лишь)> произвольный результат чувственного вос-

приятия, повторяющего один и тот же факт. Большое значение опыта <(подробно)> раскрывается Аристотелем, ибо для него он является первоисточником искусства и науки.

Общее, содержащееся в вещах и вследствие этого принимающее участие в их изменении и исчезновении, приводится, таким образом, в душе к состоянию покоя. Будучи в духе положенным вне явлений (*παρὰ τὰ πολλὰ*), оно <(т. е. общее)> продолжает, однако, жить в них и управлять ими. Оно <(т. е. это общее)> называется единым вне многого, но так как оно возникло из полноты единичного, то оно не представляет собой пустого единства, относящегося только к самому же себе, но связано единичным и только в нем обретает свою силу. На примерах, иллюстрирующих в данном месте текста процесс абстракции (Каллий, человек, живое существо), это легко сделать совершенно ясным.

Аристотель пользуется образом, чтобы охарактеризовать тот способ, каким возникает общее представление; образ этот содержит в особенности два существенных пункта.

В непрестанном потоке явлений *одно* задерживается в нашем уме и, поскольку оно не отличается от других явлений (*ἀδιάφορον*), замещает их как однородные и именно потому связывающиеся с ним. Вследствие этого единичный образ становится в нашем уме общим. В том же отношении, в каком в первоначальном восприятии стояли друг к другу чувственно воспринимаемые явления, стоят теперь друг к другу их образы. В сравнении их между собой они обнаруживают нечто общее. Общее поднимается вследствие этого на более высокую ступень, поскольку таким образом возникает некоторый высший род (ср. § 56). Этот процесс не является, однако, произвольным, но подчинен некоторому закону. Поскольку обратившиеся в бегство снова собираются постепенно вокруг одного остановившегося храброго, постольку, в конце концов, снова устанавливаются дисциплина и порядок. И совершенно точно так же собирание еди-

ничного в общее имеет своей целью установление понятия, господствующего над единичным. В этом вся цель развития описываемого процесса познания.

Общее раскрывается как деятельный принцип, поскольку в искусстве оно является созидающим, а в науке вновь воспроизводящим сущее.

На этом пути общее своим исходным пунктом имеет восприятие и вообще получается посредством индукции из «первого для нас» (πρότερον πρὸς ἡμᾶς); в общих чертах этот ход развития можно сравнить с тем, что Аристотель в своей психологии обозначает как νοῦς παθητικὸς¹⁶² (ср.: De an. III. 5 в изд. Тренделенбурга и там же комментарий к этому месту¹⁶³).

Однако подлинный источник истинного лежит в «первом по природе» (πρότερον τῆ φύσει), и последняя гарантия истинного может проистекать только из силы духа, тождественно с этим «первым по природе» <(и, следовательно, с самим этим истинным)>. Как такой источник истинного Аристотель и характеризует νοῦς (ум, дух) – и притом νοῦς ποιητικὸς («ум деятельный») (De an. III. 5).

В рассматриваемом месте Аристотель открыл этот деятельный ум лишь тем путем, что он исключил родственные направления в его понимании и охарактеризовал его лишь весьма кратко как принцип науки. Но *каким образом* он <(т. е. этот деятельный ум)> существует и может быть таким, этого он не объяснил. На самом деле этот вопрос о сущности разума ведет <за пределы существа разума> в сферу трудного метафизического исследования о том, разделяют ли и как разделяют между собой мышление и бытие последние основания <(всего)>.

¹⁶² «Страдательный (пассивный) дух» (греч.). – Б. Ф.

¹⁶³ Aristotelis de anima libri tres / Ed. F.A. Trendelenburg. Ienae, 1833.

Именной указатель

- Аверинцев С.С. 173
Агриппа 244
Альтенштайн К. 32, 40, 58
Андреев А.Ю. 21
Андрюшкин А.П. 105
Антонович М.А. 210
Апель О. 73
Аристотель 7–9, 12, 39–42,
44–47, 49–52, 54–63, 65, 67,
69, 70, 73, 76, 81–86, 90, 94,
95, 97–105, 110, 111, 113,
115–121, 124, 129–131, 137,
138, 140, 142, 147–149, 152,
160, 162–166, 169–170, 173,
176, 177, 179, 180, 182,
187–189, 193–196, 198–199,
201–206, 211, 214–217,
219–221, 223, 225, 227–230,
234, 237–238, 242–246,
248–249, 253, 256, 257,
259–262, 266–268, 270–272,
274, 277–279, 284, 285, 289,
291, 296–298, 301, 303–307,
314, 316, 318, 324–327
Арндт (Arndt) А. 62
Артемьева Т.В. 86
Арутюнова Н.Д. 72
Архимед 95, 164, 165, 167, 170,
171, 209, 271
Асмус В.Ф. 83, 84, 87, 173, 319
- Бажанов В.А. 86
Бёк А. 49, 52
Беккер (Bekker) И. 15, 50, 56, 110
Беккер (Becker) К.Ф. 72, 113,
286, 292, 298
- Бенеке (Beneke) Ф.Э. 27, 39–41
Бентли Р. 215
Библиер В.С. 46
Бизе (Biese) Ф. 58
Богданов К.А. 78, 87
Богомоллов А.С. 46
Бониц Г. 73, 80
Бопп Ф. 49
Борисов Е. 66
Боровский И.С. 79
Брандис Х.А. 50, 63
Брант С. 222
Брентано Ф. 50, 55, 59
Бутман (Buttmann) Ф. 232
Бэкон Ф. 107, 299
- Вагнер (Wagner) Г. 100
Вайц (Waitz) Т. 305
Вашестов А.Г. 85, 88, 109
Введенский А.И. 80, 83
Вернадский В.И. 81
Веселовский И.Н. 124, 171,
175
Видаль (Vidal) Ф. 26
Виттенбах (Wytttenbach) Д. 92,
224
Вольф (Wolf) Ф.А. 14, 16–20
Вольф (Wolff) Х. 25–26, 34
Вундт В. 44
Выгодский М.Я. 124, 175
- Габриель (Gabriel) Г. 74
Гален 95
Галилей Г. 167, 182, 271
Гарева А.А. 82, 83, 85, 87, 88
Гаспаров М.Л. 245

- Гегель (Hegel) Г.В.Ф. 11, 22, 25, 27 28, 31–35, 37, 39, 48, 49, 51–53, 68, 69, 76, 125
 Гейне (Heune) Г. 14, 16, 48
 Гельмгольц Г. фон 63, 66
 Гербарт (Herbart) И.Ф. 27, 29–34, 67, 190
 Герман Г. 49, 232, 299
 Геродот (Herodot) 35, 161, 162
 Гесснер И.М. 92
 Гесс М. 62
 Гокель (Gockel) Х.Ф. 75, 76
 Гоклениус Р. 26
 Голубцов Е.С. 245
 Гомер 35
 Горбатов В.В. 74
 Графтон Э. 14, 15
 Грифцова И.Н. 64
 Громов Р.А. 50
 Грот Н.Я. 77
 Гумбольдт (Humboldt) В. фон 16–18, 22, 72
 Гуттен У. фон 222
- Дарвин Ч. 231
 Демин М.Р. 27, 46, 63, 87–90
 Длугач Т.Б. 46, 63, 69, 73, 94, 140
 Дмитриева Н.А. 64, 80, 81, 84, 85, 87–89
 Доз Р. (Dawes) 232
 Дробиш (Drobisch) М. 67, 68, 230, 305
- Евклид (Euklid) 75, 95, 100, 124, 141, 154, 164, 167, 168, 170, 171, 175, 177, 180–182, 189, 191, 196, 228, 255, 256, 260, 262, 266, 269, 290, 277, 279, 284, 286, 301, 303, 308, 309, 311, 314, 317
- Еврипид 35
- Зенон 187, 190
 Зигварт Х. 44, 83
- Ибервег (Überweg) Ф. 305
 Измestьева Г.П. 78
 Ильин Н.П. 50
- Йегер (Jaeger) В. 70
- Кальдерон П. 223
 Кант И. 10, 47–49, 57, 60, 63, 67, 70, 81, 92, 94, 118, 125, 126, 140, 220, 246
 Каринский М.И. 83
 Каролина Баварская 23
 Карпов В.П. 85
 Катков М.Н. 78
 Квестенберг Я. 222
 Кёниг Г.Л. 48
 Кеплер И. 132, 213, 214, 231, 232
 Клопшток Ф.Г. 107
 Кнабе Г.С. 245
 Коген Г. 80, 86, 125
 Козлова Л.А. 81
 Колерова М.А. 85
 Корш Е.Ф. 46
 Криз (Kries) Ф.К. 182
 Кроче Б. 83
 Ксенофонт (Xenophon) 221, 230, 245, 253, 255
 Кубицкий А.В. 85
- Лебедев А.В. 142
 Лейбниц Г.В. 74, 100, 109, 300
 Лессинг Г.Э. 42, 107, 253, 299, 311
 Ливий Тит 244, 245

- Литтров Й. фон 209
Лосев А.Ф. 173, 319
Лосский Н.О. 83
Лютер (Luther) М. 90, 91, 98,
105
Маковельский А.О. 73
Маркиш С.П. 222
Маттиэ (Matthiae) А.Х. 34–36,
42
Маттиэ (Matthiae) I.K. 35
Меланхтон (Melancthon) Ф.
12, 71, 90, 91, 98
Микешин М.И. 86
Михелет (Michelet) К. 52
Монтгелас (Montgelas) М.Й. 23
Морозова Н.М. 88
Мортухай-Болтовский Д.Д.
124, 175
Мотрошилова Н.В. 67, 94
Мочалова И.Н. 88
Мюллер И. 63
- Нарский П.С.** 46
Наторп П. 45, 80
Неандер А. 49
Нитхаммер (Niethammer) Ф.И.
22–25, 27, 28
Ницше Ф. 42, 57, 107
- Павел, апостол** 271, 272
Панов М.И. 85
Паульсен (Paulsen) Ф. 20, 30,
45, 59, 60
Пергер (Perger) Э. фон 13, 24,
28, 36, 38, 39, 45.
Печерская Н.А. 50
Плавт Тит Макций 49
Платон (Plato) 42, 47, 49, 50,
52, 59, 81, 96, 97, 99, 104,
166, 172, 173, 221, 246, 253,
317, 319
- Плотников Н.С. 85
Погребыцкий И.Б. 100
Прантль К. фон 73
Пустарнаков В.Ф. 77
Пфедферкорн И. 221
Пыпин А.Н. 210
- Рамишвили Г.В.** 72
Рауш (Rausch) А. 45
Рейнгольд К.Л. 49
Рейнгольд (Reinhold) Эрнст 68
Рейхлин И. 221
Риккерт Г. 83
Риттер Й. 73
Рихтер Г. 52
Роймер Ф. фон 223
- Сенека Луций Анней** 290
Силакова С. 14
Скворцов Н.Е. 79
Смирин В.М. 245
Смирнов В.А. 87
Сократ 30, 144, 227, 230, 235,
236, 245, 255
Солопова М.А. 84
Спиноза Б. 166, 167
Сталин 87
Стеффенс Г. 49
Струве Г.Е. 79
Субботин А.Л. 107
Суелин М.И. 82
Сурин А.В. 85
- Тахо-Годи А.А.** 173, 319
Твестен А. 57, 67
Тёлкен Э.Х. 53
Тит Ливий (Livius) 244, 245,
Толстой Д.А. 78

- Тренделенбург (Trendelenburg) Ф.А. 8, 9, 15, 39–42, 44–49, 52–76, 79, 82–83, 85–86, 88, 90, 92, 94, 105, 109–110, 113, 119, 120, 122, 124, 148, 173, 194, 195, 209, 223, 231, 232, 237, 244, 286, 298, 300, 316, 327.
- Тун-Хознштайн Л. 31
- Тушлинг Б. 67, 94, 140
- Уваров С.С. 77, 79
- Уэвелл (Whewell) У. 209, 210, 214, 232
- Файхингер (Vaihinger) Х. 45, 60, 80
- Фаччиолати Дж. 92
- Феопомп 271
- Фигери (Vigeri) Ф. 299
- Фиттенбах (Wytttenbachii) Д. 224
- Фихте И.Г. 22, 42, 65, 107, 125
- Фишер К. 63, 64
- Фогель У. 94, 140
- Форхаммер (Forchhammer) П.В. 245, 246
- Фосс И.Г. 48
- Фохт Б.А. 10, 77, 80–89, 110, 194
- Фохт Е.Я. 88
- Фрайер П. 44
- Фриз Я.Ф. 27, 67
- Хайнзиус (Heinsius) Т. 35
- Хохстрат Я. фон 222
- Цезарь Юлий 134
- Целлер Э. 73, 80
- Цёллнер (Zöllner) И.К.Ф. 19
- Цицерон (Cicero) Марк Туллий 42, 97, 104, 105, 188, 249
- Челпанов Г.И. 80
- Черняков А.Г. 50
- Шекспир В. 223
- Шеллинг Ф.В.Й. 22, 62
- Шиллер Ф. 42
- Ширлитц (Schirlitz) В. 35
- Шлейермахер (Schleiermacher) Ф. 16, 18, 19, 49, 50, 56
- Шмонин Д.В. 12
- Шпенглер О. 73
- Шульце (Schulze) И. 32
- Эйкен (Eucken) Р. 26, 58, 65, 74
- Эйслер (Eisler) Р. 58
- Эразм Роттердамский 222
- Эрдман Б. 80
- Эрнести И.А. 92
- Ярцев В.Н. 72

- Antonelli M. 55
Arndt H.W. 27, 62
- Baertschi A.M. 56
Bal K. 11
Bauer R. 22
Böhme H. 50
Boumann L. 33
Bratuscheck E.C.L. 15, 52–54,
77
Broughton R. 77
Brown S. 26
Burmeister C.Ch.H. 42
Byford A. 79
- Caysa K. 11
Cocks G. 13
Conze W. 44
- Danneberg L. 60
Deinhardt J.H. 40
Devantier F. 48
Dickerhof H. 29
Diogenes Laertius
Döring K. 61
- Erdmann J. E. 100
Eusterschulte A. 50
- Flöter J. 42
Förster F. 33
Frege G. 27, 74
Freyer P. 45
- Gellius A. 247
Gerhardt V. 53
- Hänggi J. 86
Hartenstein G. 30
Hartung G. 52, 74
Henke R.W. 25, 28
Herzhoff B. 61
Holtz B. 44
Höppner W. 60
- Jaeschke W. 62
Jarauschk K. 13
Jeismann K.-E. 13
- Kappes M. 84
King C.G. 56
Kirchmann H.J. 60
Kocka J. 40
Köhnke K.C. 64, 74
Körte W. 20
Kucharczyk K. 72
Kusch M. 27
- La Vopa A. 13
Lohmann I. 16, 17, 19
- Mahoney K.A. 12
Martin G. 61
Marx W. 66
Mehring R. 53
Müller M. 63
Müller R.A. 22
- Neugebauer J.F. 36
Neugebauer W. 44
Nowak K. 16
- O'Boyle L. 14
Orth E.W. 66
Paulus H.E.G. 167

- Patton L. 63
Petersen P. 61
- Rapp Ch. 50
Rath M. 27
Rein W. 20
Rindert J. 53
Rinofner-Kreidl S. 22
Ritter J. 58
Rosenkranz K. 11
Rosenstock G.G. 231
Rösler W. 50
- Sextus Empiricus 171, 247
Schauer M. 23
Schmidt H. 72
Schmidt J. 69
Schneider U. 11,60
Schröder W.A. 56
Schultze F. 36
- Schwabe K. 44
Schwaertzer H. 61
Schwickerath R. 12
Schwinges R.C. 77
Stachel P. 22, 31
Stahr A. 39
Stekeler-Weithofer P. 11
Stobaeus J. 142
Ströker E. 66
- Walch J.G. 91, 105
Weise L. 71
Wels V. 12
Wes M.A. 78
Whitman J. 57
Winterer C. 12
Wöhrle G. 61
- Zimmerman D. 28
Ziolkowski T. 10

Составитель М.Р. Демин

Принятые сокращения цитируемых источников

Arist. – Aristoteles et Corpus Aristotelicum, Аристотель и корпус его сочинений

Analyt. Pr. – Analytica Priora, «Первая аналитика»

Analyt. Post. – Analytica Posteriora, «Вторая аналитика»

Categ. – Categoriae, «Категории»

De an. – De anima, «О душе»

De cael. – De caelo, «О небе»

De interp. – De interpretatione, «Об истолковании»

De mem. – De memoria, «О памяти»

Soph. elench. – De sophisticis elenchis, «О софистических опровержениях»

Part. anim. – De partibus animalium, «О частях животных»

Eth. Nic. – Ethica Nicomachea, «Никомахова этика»

Metaph. – Metaphysica, «Метафизика»

Polit. – Politica, «Политика»

Probl. – Problemata, «Проблемы»

Rhet. – Rhetorica, «Риторика»

Top. – Topica, «Топика»

Cic. – Cicero Marcus Tullius, Марк Туллий Цицерон

De nat. de. – De natura deorum, «О природе богов»

Diogenes Laert. – Diogenes Laertius, Диоген Лаэртий.

V. philos. – Vitae philosophorum, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»

Epist. obsc. virorum – Epistolae obscurorum virorum, «Письма темных людей», памфлет-сатира гуманистов К. Рубиана, У. фон Гутена и Г. Буша, анонимно изданный в начале XVI в.

- Euklid** (нем.) – Euclides (лат.), Евклид
Element. – Elemente (нем.), Elementa (лат.), «Начала» («Элементы»)
Opt. – Optica, «Оптика»
- Gell.** – Aulus Gellius, Авл Геллий
N. Att. – Noctes Atticae, «Аттические ночи»
- Herodot.** – Herodotus, Геродот
Hist. – Historia, «История»
- Liv.** – Titus Livius, Тит Ливий
Ab urbe condita – «История от основания города»
- Plat.** – Plato, Платон
Euthyd. – Euthydemus, «Евтидем»
Gorg. – Gorgias, «Горгий»
Resp. – Respublica, «Государство»
- Sext. Empir.** – Sextus Empiricus, Секст Эмпирик
Нυποτυρ. Ρυτth. – Нυποτυροσειс Ρυτthoneioi, «Три книги Пирроновых положений»
Adv. math. – Adversus mathematicos, «Против ученых».
Adv. gramm. – Adversus grammaticos, «Против грамматиков»
- Stob.** – Stobaeus Joannes, Иоанн Стобей
Eclog. phys. – Eclogae. Physica, «Эклоги» (кн. I. Физика)
- Xen.** – Xenophon, Ксенофонт
Mem. – Memorabilia, «Воспоминания о Сократе»

Аннотированный список книг издательства «Канон+»
РООИ «Реабилитация» вы можете найти на сайте
<http://www.kanonplus.ru>
Заказать книги можно, отправив заявку по электронному адресу:
kanonplus@mail.ru

Научное издание

Тренделенбург Адольф

**ЭЛЕМЕНТЫ ЛОГИКИ
АРИСТОТЕЛЯ**

Публикация *М.Р. Демина*
Под общ. ред. *Н.А. Дмитриевой*

Директор издательства *Божко Ю.В.*
Ответственный за выпуск *Божко Ю.В.*
Художник *Клюйко М.Б.*
Корректор *Жарская С.В.*
Верстка *Соколова П.Л.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.10.2016.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 13,6. Тираж 1000 экз. Заказ 6735

Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация»
111672, Москва, ул. Городецкая, д. 8, корп. 3, кв. 28.
Тел./факс 8 (495) 702-04-57.
E-mail: kanonplus@mail.ru
Сайт: <http://www.kanonplus.ru>

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59